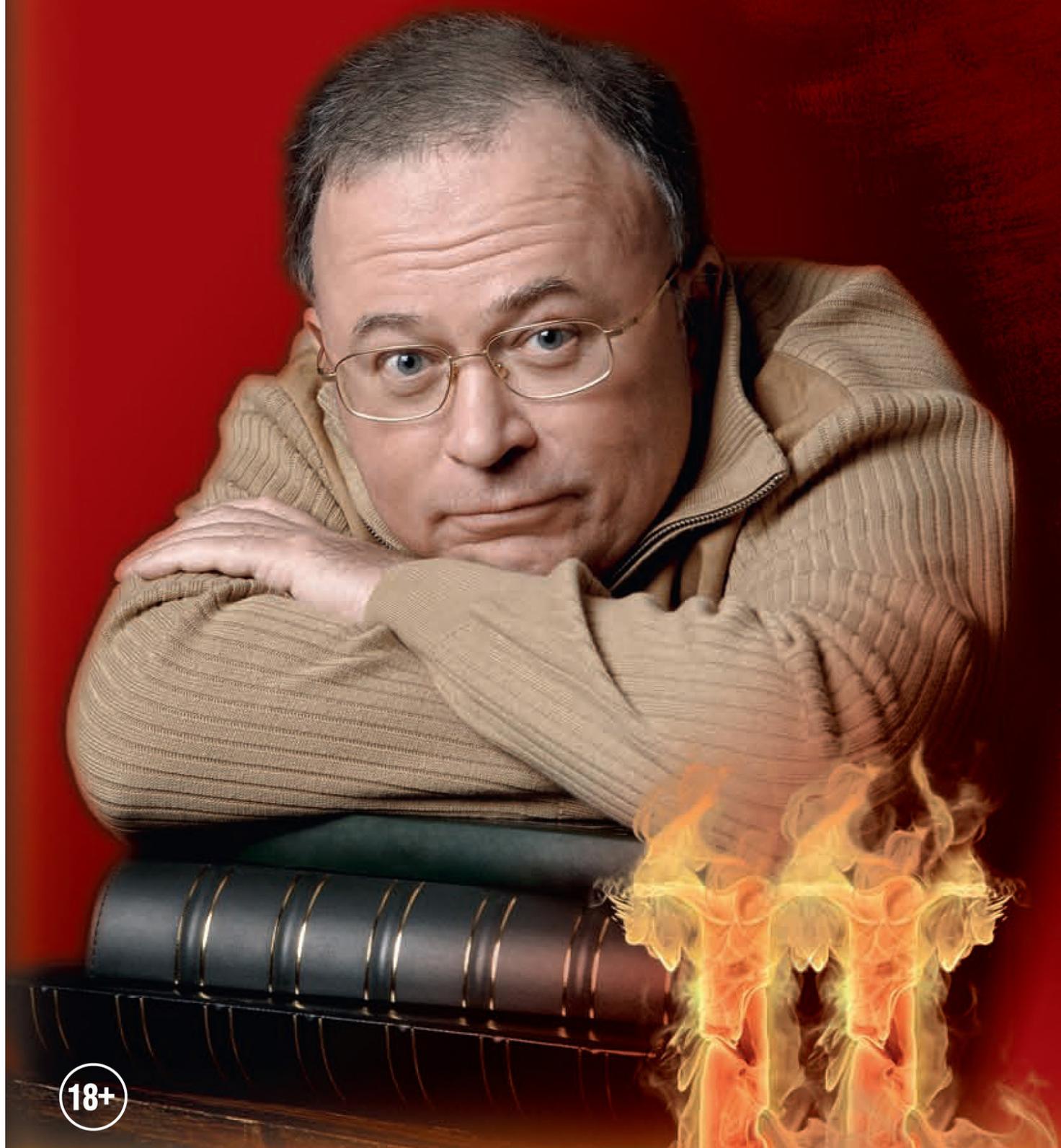

Андрей КАРАУЛОВ

18+

КНИГА ВТОРАЯ

РУССКИЙ АД

Андрей Караулов
Русский ад. Книга вторая

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2018

УДК 82
ББК 84

Караулов А. В.

Русский ад. Книга вторая / А. В. Караулов — ИД "АРГУМЕНТЫ
НЕДЕЛИ", 2018

ISBN 978-5-9908779-5-5

Продолжение романа Андрея Караулова «Русский ад», книга вторая. Издание переработано автором и дополнено новыми главами.

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-9908779-5-5

© Караулов А. В., 2018
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018

Содержание

42	6
43	15
44	26
45	34
46	40
47	46
48	53
49	61
50	66
52	80
53	87
54	92
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Андрей Караулов

Русский ад. Книга вторая

© Караулов А., 2018

© ЗАО «ИД «Аргументы недели», 2018

* * *

42

Фроська с ужасом наблюдала за тем, как люди становятся крысами.

Не могла, не могла Фроська жрать все подряд: и не привыкла, не умела. А Егорка и Катюха – жрали.

И как жрали! За обе щеки!

Даже помоечные черви не жрут все подряд. А у Катюхи с Егоркой все шло в ход: воробьи, кошки, вороны... еда была для них как корм. По первости кошек употреблял только Егорка, но Катюха быстро пристрастилась: кошки, воробьи... котята, особенно котята...

Срам. Метут все подряд, а это срам!

Катюха ни в грош не ставила Егорку, под себя ходила при нем, не стеснялась; Егорка сначала ее стыдил, потом и сам перестал стесняться...

От них постоянно пахло мочой. Это запах бедности.

Кроме того, Фроське не нравилось, что Егорка и Катюха занимались при ней любовью. Насытившись, Катюха скидывала с себя Егорку, и он, как бревно, катился к стенке. Отработал, ну и спи пока, может быть, еще понадобится...

Секс со стороны – картина вонючая. В такие минуты Катюха обычно ничего уже не соображала: сначала напивалась, потом секс. Самое гадкое, когда она, в стельку пьяная, зачем-то вырывала из себя волосы – из того самого места, где они похоже, не очень-то и нужны, между прочим. А потом лезла Егорке в штаны. Он, совершенно мертвый от водки, дергался на Катюхе абсолютно инстинктивно, даже не просыпаясь, ничего вообще не понимая...

Зверь знает свое место. Над Кремлем и Красной площадью даже птицы не летают, исторический факт. И на кремлевский памятник Ленину – не гадят. Никто, даже голуби, хотя им плевать, где сорить.

Да: жизнь надо прожить так, чтобы даже птицы, пролетая над твоим памятником, терпели бы из уважения. Только все, что делают на земле люди, – это какой-то цирк. В Улан-Удэ на центральной площади стоит голова Ленина. Одна голова. Большая-большая. Без шеи.

Цирковой иллюзион. Отрезанная голова.

Скульптор, по слухам, был алкоголик. Ленин для алкаша, особенно художника, это находка. Вылепит скульптор Ленина и... – куда? К тем, кто может его купить. В министерство культуры. Здесь Ленина с удовольствием купят (Ленин, все-таки!). Полторы тысячи рублей. А то и две тысячи. Штука Ленина. Жить (и главное – пить] можно полгода!

Потом, когда деньги закончатся, опять за работу. За Ленина.

– Привет, товарищ министерство! А вот и я. Не ждали? С Лениным, – видите? С Владимиром Ильичом. Ну... как? Как мой Ленин? Новая концепция – видите?..

Чиновники переминаются с ноги на ногу:

– Но у вас, товарищ, в прошлый раз был точно такой же Владимир Ильич...

Скульптор ярится (он с утра хорошо отрепетировал гнев).

– Как?! Как это «такой»? Вы в своем уме, братья и сестры? Тот Ленин в кепке был, вы что, забыли? А этот кепку в руке держит! И как держит? Сжимает! Как всю мировую гидру! Насмерть! До крови! Решительно и зло! Раскрой глаза, министерство! Какая в нем сила – взгляни! Имейте смелость, а не подлость, коллеги! Или вам Владимир Ильич уже... не нужен?!

Раз не нужен, можно и в КГБ написать.

Подрывают устои, сволочи!

В запаса у скульптора – страшная фраза:

– Вы выбиваете шпагу из моих рук... Я так потеряю, черт возьми, искру божью!

Мухи – это тоже бабочки. Для рабочих и крестьян.

Кого в Москве сегодня не любят больше всех? Правильно, коренных москвичей. Нынче в этом городе одни недовольные. Люди вообще рождаются на свет с кислыми рожами. И звери в Москве тоже какие-то недовольные. Живут мордой вниз. Фроська всегда удивлялась тем господам, кого умиляет безмятежная жизнь кошек, собак, хомячков... Люди, весь день попробуйте лизать свою меховую шапку. Ну как?.. Вкусно?

Чем больше в стае крыс, тем крысам легче. Капитан все знает о своем корабле. Но крысы о корабле знают больше. Крыса никогда не станет человеком. А человек крысой? Здесь, в Москве, нет зверей, которые кормились бы любой птицей подряд. Воробьями, например. Их что, можно есть? А Катюха и Егорка – едят. Птичек он варили всегда в огромной ржавой кастрюльке, найденной на помойке. Выхватывали их руками из огненного бульона (ложек у Катюхи и Егорки не было) и – сразу в рот!

Какой же голод, однако... Так только люди голодают.

И водичку бульон Егорка и Катюха хлебали прямо из кастрюльки, как свиньи, густо обливаясь по пояс... – Нет, кошек жрать – это как? Кошки еще страшнее, чем собаки... хотя собаки твари те еще, но они не умеют прятаться, у них всегда уши торчат. А эти – гады! – вылетают из кустов как торпеды и берут крыс прямо за горло...

Странно, честное слово: у людей есть Бог, власть Бога над ними безгранична, люди – Его рабы.

Рабы, Его создания, а... превращаются в крыс.

Получается, никто не может их остановить? Или таки люди... Богу уже не нужны? Кто-то нужен, кто-то не нужен?

Фроське было важно понять: если бы к ним, к людям, опять вдруг снизошел Господь, неужели они тотчас не опустились бы перед Ним на колени? И, увидев Его воочию, не стали бы сразу другими? Пусть бы Он явился к ним ненадолго, хотя бы на денечек, чтобы Его Сияние, Его Божественный Блеск коснулся бы каждого человека... – неужели они, Его чада, не сделаются тут же лучше, чище, самое главное – умнее?..

Послушайте, они же скоро перебьют друг друга, эти люди! Почему же, в таком случае, Он все время где-то там, на небесах, если сейчас Он *так нужен* здесь, на земле?.. Разве Он, Великий Создатель наш, не видит, что чадам Его уже не с кого брать пример, разве что с литературных героев, ибо здесь, на земле, никто не достоин сейчас быть примером?..

Человек – это звучит хреново. Если до Его Второго пришествия опять пройдут тысячи лет, в кого за это время превратятся люди? По Егорке и Катюхе разве можно сказать, что Господь создает людей по Своему Образу и Подобию?..

Или создатель ждет, когда все Его чада в самом деле превратятся в крыс?

Ой... вроде бы голоса... Фроська насторожилась, приподняла свою мордочку.

Чьи это голоса, а?..

Один грубый, мужской... а вот другой, женский, показался ей очень знакомым...

Все звери понимают человеческую речь.

Нет, показалось вроде... показалось, нет никого. Да и зачем бы людям тащиться сюда, в это вонючее подземелье: тьма кромешная, уныло капает вода с потолка, грязные кирпичные стены, небрежно перемазанные цементом, хотя... лучше дома места нет!

...Собаки – твари гордые и степенные. Подохнув, они гниют не сразу; три-четыре дня проходит до первого запаха. А вот кошки, да еще когда солнышко, воняют уже через пару часов, да так, что аппетит у крыс на неделю пропадает!

Егорка с Катюхой – ничего, привонялись. Все начиналось с пьянки! Как вечер – так пьянка. Потом Егорка брезгливо брал кошку, забитую еще накануне, сверлил пальцем в ее шкурке дырки, и шкурка сама, как рванный чулок, медленно сползла с мяса, как только из кошки выливалась кровь...

Свежевание, так сказать.

Освежеванную кошку Егорка кидал в ржавое ведро, густо посыпал ее солью, и получалась у них солонина.

Это девка придумала: солонина. Как-то раз Егорка трепался по пьяни, что, когда польские полки Москву брали (он какую-то книжку читал), московский люд – тех, кто за царя, за веру стоял, – другие москвичи... те, что полякам радовались... заживо укатывали в бочках – на солонину. – Правильно, зачем же хоронить, если можно съесть? Москвичи закусывали москвичами. И с каким размахом: широкие столы накрывали аж на Красной площади, хотя морозец в те дни был еще какой!

«Славно пили, наверное», – мечтательно пробормотал Егорка и закрыл глаза. Катюха вцепилась ему в волосы и орала, пьяная, что люди не могут жрать людей, Бог не велит, что Егорка все это придумал, потому как Егорка – сволочь и совесть еще в детстве пропил... А Егорка уже ничего не слышал и не понимал – валился, как бревно, на опилки и засыпал, да так что поднять его было невозможно.

На самом деле Фроська на Катюху не злилась, хотя бок болел, все еще болел, особенно – по ночам. Вздрюченная она, эта Катюха. Каждый день кричит, что ей жить надоело, что она прямо сейчас бросится из окна.

Какого еще окна? Где здесь окна? Устала? Когда успела? Как же так – жизнь не любить? Червяк – вон, какой длинный, а жизнь у него такая короткая...

Почему среди людей столько идиотов? Сред зверей нет идиотов (Фроська не встречала). А люди?

Если бы не Анечка, этот ангелочек, Фроська просто бы сдохла от голода, это факт. Анечка всегда что-то приносила: кости, бульончик, хлеб...

Иногда она опускалась рядом с Фроськой на опилки и шептала ей на ушко, что мама ее совсем-совсем не любит и часто бьет, а о людях говорит только гадости, даже о детях. Анечка прочила Фроську найти ей другую маму – добрую и ласковую. И главное, чтобы не била...

Да, еще чуть-чуть, совсем чуть-чуть... – лапки окрепнут, и Фроська тут же убежит к себе домой, в свой подъезд, к крысам! – Слушайте, – если у них, у людей, весь народ, от Егорки до Ельцина, превратится в отморозков? Каким тогда будет город – а?

...Прелесть, какой пейзаж: растянулся у батареи могучий русский мужик – Егорка, он же безработный Егор Васильевич Иванов.

Так упился, сердечный, третий день храпит. Проспится – и сразу в магазин: Егор Васильевич грузчиком устроился, тару таскает, ящики и коробки. У хозяина на Егорку (и таких, как Егорка) денег нет, хозяин платит им натурой. То есть бормотухой.

Бормотуха – это технический спирт, в магазине спиртом морозильники чистят. Хотя нынче уже не чистят, проверок-то нет, что ж тогда, спрашивается, спирт переводить?

Для Егорки и Катюхи бормотуха сейчас – главный напиток. Однажды Егорка где-то украл бутылку «Хеннеси», так они с девчонкой чуть дуба не дали. Это ж надо было (с непривычки-то!) так травануться... Слава богу, Егорка не запойный. А вот Катюха если начинала, – то все, желчью блюет, из горла кишки вот-вот вылезут, а пьет, пьет, остановиться не может, остановиться для нее – это еще страшнее...

Во народ беду себе придумал! Это ж надо так себя ненавидеть!..

И опять Фроське послышались голоса.

Люди? Зачем? Зачем здесь люди?

Она встала на задних лапках и резко замерла, как суслик, забыв, что лапки у нее сейчас слабые-слабые...

Нет, послышалось, просто послышалось...

Катюха, кстати, исчезла. Третий день ее нет.

Ушла за едой и исчезла.

Трезвая, Катюха всегда играла с Фроськой. Они шалили, прятались друг от друга по углам, весело разбрасывая опилки. Однажды Катюха решила даже ей лапки помыть, но с водой плохо, пришлось снег растопить.

Люди! Точно люди! Люди идут.

Зачем? А?.. Зачем они здесь?..

Где же, черт возьми, жить крысам, если вокруг – люди?

Голоса приближались, были все громче и громче, где-то совсем рядом, тут... за стеной...

– Здесь, здесь, Эдуард Палыч, черномордики сидят, – говорила женщина. – Другой-то, Палыч, дырочки нету, это-то я те профессионально заявляю, как ответственный человек.

Ольга Кирилловна! Мать всех подъездов русских! Королева мусора и пыли., собственной персоной, участкового привела!

– Я ведь, Палыч, напраслину ни за что не возведу, ты меня знаешь! Понимаю, блин, какой личности докладываю. Тута... тута их помоечка организована, здесь они, суки, пируют...

Голос приторный, как мыта в чае.

– Я те че? – отвечал Эдуард Палыч, – я те на спине туда поползу? Мне че, больше делать сейчас нечего?..

Капитан милиции! Фроська подползла к щелке в цементной стене и видела сейчас их обоих хорошо. И как только в милицию людей с таким брюхом берут? Может, правда, там сейчас работать некому?

...Капитан Эдуард Павлович Окаемов состоял в участковых недавно: прежде он работал в околотке, с бумагами (каждая бумага в их отделе – это не бумага, это чистое золото), но не сошелся с начальником характером, вот и отправили Окаемова «улицы подметать».

– Так где отбросы-то? – спрашивал Окаемов.

– А прям за стеной, Палыч! Тута, тута эти баклажаны кроются... Может, Палыч, мы их газком шуганем?..

Ольга Кирилловна преданно заглядывала ему в глаза.

– Каким иш-шо г-газком?.. – не понял Окаемов. – Совсем сдурела, мать? Тебе случайно мыши башку не отгрызли, а?

– Так вонюченьким, Палыч, вонюченьким! – не отставала Ольга Кирилловна. – Ш-шоб, значит, сами от-тель повывлетали. Как мухи!

Она нервно теребила варежки.

– Злая ты, – усмехнулся Окаемов. – Очень злая. Как известная сука и большевичка Розалия Землячка. Дай ей волю, она бы весь народ перебила. Что ни человек, то враг. И у этого быдла была власть!

– Да уж какая я есть... – развела руками Ольга Кирилловна. – Нынче время такой – каждый только до себя. А че ж погань разную жалеть? От погани общественный покой в замутнении, а народ у нас в доме со связями, люди с-ча быстро растут, сам знаешь...

– Да уж... – Окаемов тщательно обстукивал каждый кирпич, – времечко нагрянуло... веселое...

– Вот я и предлагаю: баллончик им в дырочку!

– Ч-че?

– Иприт.

– Какой иприт? Что несешь, дура! Ты соображаешь, что есть иприт?

– Газ веселенький.

– Да уж... веселее некуда...

Фроське показалось, что она видит смерть. Так уже было однажды – там, во дворе, когда Катюха залепила в нее булыжником.

– От иприта, между прочим, глазищи с кулак делаются, как у Зойки Федоровой, когда ее повалили.

– Это кто такая? – насторожилась Ольга Кирилловна.

– Артистка.

– А, артистка...

Ольга Кирилловна не любила артистов, потому как жила с ними в одном доме. Все они как индюшки, а человека труда презирают!

– Широкая такая, с задом, – обрисовал Окаемов портрет Зои Федоровой. – Зад у нее был как поднос. Вспомнила? «Свадьба в Малиновке»...

– Это там, где какой-то черт морду блинами вытирал? С салфетками перепутал? И официанта ругал...

– Какой черт?

– ...салфетки, говорит, у вас жирные. Алкаш.

– Не, это ты попуталась, там блинов не было... А Зойке по куполу так залепили – глазищи сразу на стол полетели: один в чашечку с кофеем упал, другой растекся по столу лужицей... Прикинь, удар был, да? Это уже не убийство, Оленька, это зверство.

– Господи, неужто ж правда?..

– Не повезло бабе, – согласился Окаемов. – Глаз нет, вместо глаз дыры, а башка – целая целехонька, ни одной царапины! Не мокруха, короче, а высшая математика. Обнулили бабу самым выдающимся образом... – заключил Окаемов. – Я такой удар всегда в пример привожу.

...Окаемов терпеть не могу стукачей, звонивших ему в любое время суток, даже ночью (с появлением демократии заявлялось, что и чекисты, и милиция отказываются от услуг сексотов, но если сексотов нет, значит, работать надо самим, а работать в милиции некому, особенно в убойном отделе, поэтому сексотов сейчас стало намного больше, «стучат» они «в охотку», буквально за копейки).

– И кто ее так, Палыч? – приставала Ольга Кирилловна. Она обожала подобные истории.

– Убийство по найму.

– Наши, выходит...

– А?

– Наши, Палыч, все могут. Если захотят!

– Не, Оленька... На Лубяночке от Зойки тут же все открестились! Не мы, мол, не наша кафедра...

– А чья?

– Одному Богу известно, – вдохнул Окаемов. – Неустановленное лицо. Неустановленным предметом. Наш начальник за Зойку всех отшкурил тогда до блеска. Скальп участкового сполз ему прямо на морду. А что толку, скажи! Никого не нашли.

Ольга Кирилловна слушала очень внимательно.

– Нарисовалась Светочка Щелокова, – продолжал Окаемов, – мгновенно! Красавец полковник от нее прискакал. Продвинутой, лет тридцать пять, не больше, а уже на «Волге». Все иконы лично у Зойки со стен снимал. И картины. Много картин. Море черное и камни... говорили, Айвазовский.

– Завсегда так, – кивнула Ольга Кирилловна.

– На кражу списали.

– И что, глазищи... повывлетали прям?!

– Говорю же тебе. Зойка у Берии агентом была, потом на Лубянку попала и отсидела, сердечная. Она ж убийце сама дверь открыла, хотя после Лубянки от всех людей как черт от ладана шарахалась. Раз двадцать спросит в дверной глазок, кто к ней пришел и зачем, хотя видит, кто стоит, не слепая была... То есть чтоб она к себе в квартиру чужого запустила – да ни в жись. Тогда это не Зойка. И колбаску все время прятала.

– Мать Божия... – оторопела Ольга Кирилловна. – Сялями, что ль? Финскую?
– Разную, Оленька.
– Куда... прятала?
– Куда-куда... Все тебе скажи! – засмеялся Окаемов. – Под матрас.
– А, жадная, значит... – сплонула Ольга Кирилловна. – Артистки все жадные. До посещения!

– Ареста ждала, – спокойно объяснил Окаемов. – Дом-то знатный был, под каждым окном – рожи в мраморе. Смоктуновский на Смоктуновском, короче, сплошная кумирня!

К Зойке заходишь – квартира как аэродром. Бабы голые в мраморе сделаны и столы золотые. А тухлятиной прет, как на Хитровке в базарный день!

Фроська так и стояла на задних лапках, бежать поздно, она же здесь как в капкане, подвал был действительно очень похож на карцер, и где-то там, высоко, падали с потолка капли воды...

– Уй, мать ядре... на! – Ольга Кирилловна уже забыла, похоже, зачем она пришла в подвал. – Артистки, Палыч, только с виду чистые...

– Тебе виднее, – сплонул Окаемов. – Они как в раю живут. Ты к раю ближе, чем я!

– А колбаса, значит, как заначка? – не отступала Ольга Кирилловна.

– Соображаешь, – кивнул Окаемов. – Если мы опять за ней явимся... лагерники всегда новых арестов ждали, покоя-то нет, отбили покой... – Если мы явимся, ее кто к холодильнику подпустит? Будет она вещички собирать, вот колбаску-то и прихватит незаметно, в камере пару дней нормально протянет, с колбаской-то, если ее при шмоне не отберут... – А запах выдавал. Сама-то Зойка ни хрена уже не чувствовала, ей чуйку в лагере под самый корень отбили.

– Заслужила, если отбили, – перебила Ольга Кирилловна.

– Ага... – устало кивнул Окаемов. – Заслужила. Еще как! Лаврентию Палычу не дала.

– Самому?..

– Самому.

– Во, блин, гордая! Было че беречь! Я вот... десять раз подумаю: беречь иль не беречь!

В сторону согласия.

– Ну ты бл... дь... – засмеялся Окаемов.

– Да счас! Я просто начальство я уважаю. Служу чем могу, товарищ капитан.

– Советскому Союзу!

– Никак нет. Российской Федерации!

– А она, Оленька, мужа любила. Муж у Зойки американец был.

– Кто? – насторожилась Ольга Кирилловна.

– Дипломат.

– Офицер, небось?

– Офицер.

– Офицеры – они все красивые!

– То-то и оно... – Баба если на х... подсядет... ей уже все равно, кто он... да хоть Клаус Шакал... По себе небось знаешь? А?!

– Мужа любить – ума не надо, – весело отмахнулась Ольга Кирилловна. – А ты попробуй, двух полюби! Это глупость, Палыч, что двух любить нельзя. У нас в подъезде Лида Смирнова жила, артистка. Так она, Палыч, страсть как мужа любила. И еще – Бондарчука. В оконцовке извелась вся до одури, как сумасшедшая стала. Здесь хочет, и там хочет. Сегодня больше здесь, завтра больше там, потому как соскучилась! Люди-то... они ж разные все. Дажеяблочки на одной и той же ветке зреют по-разному... – Как в лихорадке, короче, к каждому за советом кидалась. Во какая энергетика! А Лаврентий Палыч, голубчик, весь день на работе. С утра и до утра. Все для фронта, все для Победы! Раз так, значит, и уважить могла... толстозадая! Американцу дала? А Лаврентию Палычу не дала! Это что, нормально – скажи!

Окаемов заинтересовался:

– А ты, красивая, часто по начальству шарилась?..

– Так-те все и выложи, Палыч! Родина с кого у нас начинается? Правильно, с начальника!

Начальник – он и есть Родина – так ведь?

Она подбострастно заглядывала Окаемому прямо в глаза.

– Молодец! – похвалил Окаемов. – Глубоко мыслишь.

– У нас в доме жилплощадь особая была, – воодушевилась Ольга Кирилловна. – Тихая такая квартирка, все окна во двор. Проживали Муслим с Тамарой и Веретенниковы, тоже певцы. А внизу, на подоконниках, пионеры сидели, поклонницы: вдруг Муслим выйдет? Мы их гоняли, они уйдут и тут же – снова! Садилась на подоконник и делала уроки. «Волга» Муслима всегда была в губной помаде. Бывает же так? Муслима все бабы хотели сразу, сотни тысяч, – как не противно, Палыч, «Волгу» целовать? Даже колеса?

Так вот, соседняя с ними квартирка всегда стояла пустой. Для особого случая. Когда серьезные люди, шпиены наши, в Москву выбирались, они с начальством, с генералами тута и встречались...

– Понимаю... – кивнул Окаемов. – У нас похожая система.

– В как их берегли!

– То ж не люди, то золото, хотя другим, нормальным жить негде.

Всех, кто был богаче, чем он, Окаемов считал своими врагами.

– И плотют там хорошо, – заметила Ольга Кирилловна. – Если плохо платить, кто ж шпионить станет? – В квартирке... в эн-той... мужчине одному орден вручали, Звезду Героя. Он, брехали, так америкашков замутил, что если б ихний Президент к нам ракету послал нехорошую, наш мужчина тут же бы узнал и Леонида Ильича – предупредил. СССР, короче, был в безопасности. И вроде... – прошептала Ольга Кирилловна, – сам Юрий Владимирович к нам заезжал... А кто скажет, Юрий Владимирович он или... не Юрий Владимирович? Как определишь? Он же в гриме! А определишь, болтанешь, так и заберут тебя – на хрен!

Окаемов молчал. Если при нем говорили о недозволенном (например, антисоветские анекдоты), он сразу становился глухонемым.

– Юрия Владимировича, говорят, под учителя рисовали. Прикинь, Палыч, – зарделась вдруг Ольга Кирилловна. – А если бы я ему понравилась! Как ты откажешь? Я что, дура... в конце концов? Такому товарищу настроение испортить? Дулю ему показать? А потом мне по куполу?

– Ну...

– Нет, Палыч, нет, маленький человек не может отказать большому, – уверенно говорила Ольга Кирилловна. – Это ж... какую волю надо иметь? Я ведь, Палыч... откроюсь тебе... Андропова-то видала! Приезжал он в эту квартирку. Думала, к Муслиму зайдет... – да куда там! Гордый он человек, слушай, гордый и порочный, с тайной, я таких страсть как люблю! А Сталин, однако, Любви Орловой очень даже симпатизировал, муж у Орловой гомик был, Эйзенштейн развратил, на это и Утесов намекал, а Утесов все знал из любопытства...

– Ладно, идем что ли... – махнул рукой Окаемов. – Устал я.

– А маршал Жуков, – тараторила Ольга Кирилловна, – врачихе, с которой он в армии амур крутил, важнейший орден Ленина преподнес. Указом товарища Сталина.

Значит, было за что награждать, – верно? Во как эта стелька на Победу его вдохновляла!..

Окаемов действительно устал: в подвале дышать было нечем. Двух бомжей подцепили – хорошо: «правильный» бомж был у милиции в цене, на них здесь скидывали «висяки» и «глухари», прежде всего убийства: за хорошую раскрываемость полагались премии и новые «звездочки».

– Идем, Оленька...

– Так кто ее, а? – теребила его Ольга Кирилловна. – Палыч?! Скажи!

– Кого?

– Да Зойку твою. С задом.

– Кто-кто... Викин муж, я думаю. Бывший муж дочки. И тоже америкашка, кстати. Время такое. Мир, Оленька, только через дырку между ног можно было увидеть...

Ольга Кирилловна не поверила.

– Брось, Палыч! Все артистки – маришонды. А особенно их детки. Одеваются... знаешь как? Как психи на бал. Платья из штор делают, ш-шоб их за версту заметили, и трусы у всех концертные, черте что, а не трусы! Ни хрена в белье не понимают, потому морозов не знают.

– Ну, пойдем, пойдем... – усмехнулся Окаемов. – Местонахождение установлено.

– Есть! – вытянулась Ольга Кирилловна.

– Можно расслабиться, Оленька, и лихо отметить нашу охоту. У нас в отделе если кто после трех трезвый ходит, значит, отдыхать не умеет, потому как жизнь от него отвернулась.

– А я, Палыч, борщок приготовила. С пампушками.

– Ну и к борщику...

– ...да как же без белоглазенькой?.. – тараторила Ольга Кирилловна. – Мы ж ради счастья живем, а белоглазенькая счастье-то приближает...

Из песка с опилками вдруг показалась деревянная рука бидона.

Окаемов брезгливо нагнулся, подцепил бидон пальцем и выдернул его из опилок.

– Надо ж, совсем как мой... – удивилась Ольга Кирилловна. – Окаемов, слышишь? Как мой!

Бидон был абсолютно новый, хотя и с царапиной у ручки.

– Смотри, и царапинка, как моя...

– Скоммуниздили, – объяснил Окаемов. – По квартирам промышляют. А это состав. Может, им кто сюда жратву таскает?

– Зачем?

– Из жалости...

– Во! – возмутилась Ольга Кирилловна. – Гниляков кормить! Ты, Палыч, лучше про Зойку договори. И че, значит, забрали у нее по случаю?

– Антиквариат, что!.. – Окаемов покрутил в руках бидон и с такой силой вдруг залепил его в стенку, что бидон разорвался, как снаряд.

– У Зойки подружка была, киноактриса Окуневская, – продолжал Окаемов. – На брюликах закорешились. А Викин америкашка летчиком был. И раз в неделю – из Нью-Йорка в Белокаменную. А Зойка в этот момент с Окуневской мелкие брюлики на пару крупных развернули. Барыги болтали, даже с доплатой. Тут-то зятек и нарисовался. Все знал, дровосек! Зойка эту суку как родного встречала, он ей лекарства из-за бугра привозил.

– Дура старая... – вздохнула Ольга Кирилловна.

– Да, Оленька, своих убийц мы сами к себе в дом приводим, – вздохнул Окаемов. – Даже статистика есть. Цепляем... разных, кого в любовницы, кого в прислугу. А они потом убивают.

– А че не взяли-то?

– Кого?

– Америкашку.

– А как ты его возьмешь? Он в тот же вечер обратно в Штаты улетел. И больше в Союз ни ногой. А в Нью-Йорке, прикинь, тут же из летчиков уволился и открыл... знаешь что? Антикварку! Антикварный магазин. Значит, оборотка появилась, верно?

Окаемов опять оглядел кирпичную кладку: все вроде бы нормально, кирпичи не тронуты, дом не развалится, и начальство не всполошится.

– Не-не... – перехватила его взгляд Ольга Кирилловна. – Все в ажуре, Палыч, не думай! Я всегда слежу...

– Ага, все в ажуре, а х... на абажуре, – усмехнулся Окаемов. – В 70-е, Оленька, случай был. – Мальчишка один на почтовом ящике работал. Там лодку подводную делали. А маль-

чишка жениться хотел. Денег нет, даже на кольца. И что ты думаешь? На лодке проволока была, с виду как золотая. Он отрезал от проволоки ровно семь сантиметров – на кольца. Себе и жене.

– Хорошая это штука – любовь, – вздохнула Ольга Кирилловна, – людям в радость дана...

– Ага, в радость! По самое никуда! Лодка утонула. Из-за семи сантиметров. Парень сознался, его расстреляли. Девка ту же в «дурку» попала, крышу ей сорвало...

– Чему быть, того не миновать... – согласилась Ольга Кирилловна. Если судьба размахнется, значит, сама до тебя руки дотянет...

– Не надо, чтоб дотягивала, – ухмыльнулся Окаемов. – Дотянет – а ты умнее будь. Перехитри судьбу, если не лох...

– Слышь, ящер пещерный!.. – вдруг закричала Ольга Кирилловна, глядя на стенку. – Вылазь оттудова!.. Вылазь, сука сибирская!

Она кричала так сильно, что и мертвы услышит.

– А?.. – очнулся Егорка. – Люди, я где?..

«... Ну, все... – поняла Фроська. – Теперь точно конец».

– Т-сс!.. – шикнул Окаемов и втянул голову в плечи. – Гавкнул сейчас вроде кто...

Он испуганно глядел на Ольгу Кирилловну.

– Точно, Палыч! – прошептала Ольга Кирилловна. – Накрыли!

У нее даже глаза загорелись, так ей стало сейчас хорошо.

– Мамочки... – шептал Егорка. – Мамочки... где я?..

Он испуганно озирался по сторонам.

– Где?..

Фроська даже дышала сейчас с трудом – страх намертво сжимал ее старое крошечное сердце...

43

Борис Александрович видел Бурбулиса несколько раз – по телевидению. Да, таких чиновников в России в самом деле не было, это факт: Борис Александрович не сомневался, что Бурбулис – неординарный человек. Говорит, как пишет, умеет думать вслух, уверенно держит разговор и заставляет себя слушать.

Это же талант, настоящий талант: всегда быть в центре внимания.

Недолго думая, Борис Александрович написал Бурбулису письмо с предложением о встрече: старик хотел прояснить судьбу Камерного театра, поговорить об одичании нации, о России, и Бурбулис откликнулся. Недошивин позвонил на дачу Бориса Александровича и передал, что в субботу, к десяти вечера, господина народного артиста СССР Покровского с удовольствием ждут в Кремле.

Поздновато, конечно, Борис Александрович думал отказаться (не по возрасту как-то бродить по ночам), но любопытство все-таки пересилило. Ему почему-то казалось, что Бурбулис сидит там же, где работал Сталин. Нет, в Кремле все изменилось; к Сталину он ходил через Троицкие ворота, а к Бурбулису лучше через Спасские, так удобнее.

«Сколько тут кабинетов, а?» – удивился Борис Александрович; он понятия не имел, что в Кремле можно разместить аж четыре тысячи чиновников, причем почти у каждого будут апартаменты.

Недошивин вызвал Алешку:

– Геннадий Эдуардович хочет, чтобы вы тоже присутствовали на встрече, дорогой; разговорчик с дедулькой будет здоровский, вот увидите!

Прощаясь (и как-то странно поглядывая на Алешку), Голембиовский вдруг заметил, что вокруг Бурбулиса много мужчин, болезненно похожих на женщин. «Ну и что? – подумал Алешка. – Даже если там одни черти с рогами, я-то при чем, извините? Там, где власть, там история. А я там, где история. Что делать, если историю в России сейчас пишет кто попало?»

Иногда Алешке казалось, что Борис Ельцин чем-то напоминает ему Гришку Распутина, – Ельцин обещал чудеса, обещал много хорошего, но если спросить Алешку, что же Ельцин сделал хорошего, то у него вряд ли нашелся бы ответ.

...Могучий «оперный старик» Борис Александрович Покровский был, конечно, живой советской легендой. Алешку поразило когда-то его «Игрок» в Большом театре, сцены с Ба-бу-ба-бу-бабуленькой: Алешка не представлял, что огромная сцена Большого может оказаться – вдруг – такой крошечной, что в опере столько настоящего драматизма и настоящей беспощадной страсти, когда жизнь и смерть идут буквально в обнимку, как две стихии, правда, смерть почти всегда побеждает жизнь.

Еще в МГУ, на втором курсе журфака, Алешка составил (сам для себя) список самых интересных, самых значительных людей страны, у которых надо было бы взять интервью. Список открывали Уланова, Семенова, Мравинский. Был в списке и Борис Александрович – тринадцатым, сразу после Лихачева, Раушенбаха, Глушко, Плисецкой, Изабеллы Юрьевой и Козина.

Старики согревали Алешку. Если стариков не будет, – говорить станет не с кем, все старики в СССР – истерзанные люди, им – всем – приходилось спасаться от зверства, самые сильные из них стали страной в стране, как Плисецкая, это же очень интересно!

Да и Геннадий Эдуардович молодец! Позвал, догадался, что такие старики, как Покровский, для Алешки важнее любой политики. Отношения сложились – у Бурбулиса нет времени подробно читать газеты, поэтому Алешка составлял для него дайджесты: сначала те издания и журналисты, кто пишет о Бурбулисе плохо (именно о Бурбулисе, не о Ельцине), суть их претензий, обвинений, подкрепляя «аналитику» (читай – донос) небольшими цитатами, – Бурбу-

лис уверен, что люди на все смотрят сейчас глазами журналистов, поэтому он должен знать всех, что издевается над ним, да еще и публично.

Бурбулис боится фельетонов: Ельцина очень легко рассмешить, доверчивые люди смешливы. Вдруг какой-то фельетон о Бурбулисе понравится Ельцину?

Газетам не рекомендовано сейчас печатать фельетоны.

Кто ослушался – бумаги не будет. Кремль не дает. А покупать бумагу по рыночным ценам... Это кто же выдержит?!

Министр юстиции Николай Федоров на «днюхе» кого-то из своих сотрудников приказал вдруг накрыть столы прямо в коридоре на четвертом, «руководящем» этаже министерства. Пир шел горой. Разумеется – за счет министерства. «Известия» откликнулись фельетоном, он стоял в номере.

По приказу Геннадия Эдуардовича (он считал Федорова «своей командой»). Алешка позвонил Голембиовскому, и фельетон – сняли.

Игорь Несторович уступил, получив заверения, что «пикник в коридоре» не пройдет для министра бесплатно.

«Я руковожу правительством романтиков», – смеялся Бурбулис.

О всех публикациях Алешка докладывал незамедлительно.

Ну так что же, рассуждал Алешка, журналисты очень хотят, чтобы власть их услышала. А он, Алешка, – ухо власти. Такое вот... кремлевское... ухо. Если бы Алешка псевдонимы раскрывал, – да, это уже донос, но он не псевдонимы раскрывает, он просто читает те газеты, которые читает весь народ!..

– Запомни, Алеша, лучше уж стучать, чем перестукиваться, – заметил однажды Бурбулис.

И засмеялся...

У него все время было хорошее настроение: роман с самим собой!

Если Бог – солнышко, то его лучики – это министры, подобранные Геннадием Эдуардовичем.

Недошивин приказал явиться к девяти вечера. По субботам никто в Кремле не работал. Тем, кто имел неотложные дела, Президент разрешил приходить в свитерах и в джинсах.

Демократия!

...В приемной – никого, пустые стулья, на телефонах (вместо секретарши) офицер охраны.

– Ну, как жизнь? – Бурбулис вышел из-за стола и протянул Алешке руку. – Удалась? А, малыш?..

Бурбулис потрепал Алешку по щеке.

– Работаю, Геннадий Эдуардович. Как раб на галерах.

– Среди наших, Алеша, знакомых и незнакомых друзей... – Бурбулис находился в прекрасном расположении духа, – ... чаще всего встречаются люди, у которых коммунистическая идеология отняла самое главное: право человека быть самим собой. Они, эти люди, очень хотят перемен. Но они к переменам, увы, совершенно не готовы... – Бурбулис посадил Алешку на диван и аккуратно присел рядом с ним. – Эти люди, Алеша, не справляются с лавиной событий, на них свалившихся. Политическая власть в условиях, когда в твоих руках нет устойчивых механизмов, нет законов, нет устоев – общественных, правовых, бытовых... – когда жизнь все время бурлит, как лава в вулкане... в этих условиях определяющим фактором, Алеша, становится воля к власти. Воля именно себе подчинить толпу. Личная воля лидера, и на нее ориентируется вся страна...

Бурбулис встал и с удовольствием прошелся по кабинету.

– Борис Николаевич, как никто, умеет сливаться с толпой. – Ты, ты... заметил? Это его первейшее качество. Ведь что мы видим, Алексей? На людях Борис Николаевич молниеносно

воплощается в личность жестокую, бескомпромиссную, пренебрежительно эксплуатирующую на первый взгляд человеческий материал. А Михаил Сергеевич, наоборот, выглядит у нас эдаким душкой, очень обаятельный... – Бурбулис взглянул на Алешку: успевает ли он за ходом его мысли... – вот как обманчива человеческая природа!

Но люди – разобрались. Люди, как ты знаешь, сказали Горбачеву твердое «нет»! Сегодня нас объединяет, конечно же, не чувство безысходности, а чувство победителей над этим, достаточно унижительным, прошлым – советским и коммунистическим!

Богатейшая страна с талантливейшим народом оказалась в тупике мир... мировой истории, – Бурбулис икнул, – т-ты... ты согласен со мной? И при этом мы, конечно же, понесли плату за все человечество!

Алешка хотел напомнить Бурбулису, что советская экономика даже при таком начальнике, как Горбачев, был первой в Европе, но промолчал: зачем же спорить с хозяином?

– Теперь самый главный вопрос... – Бурбулис встал прямо перед Алешкой, заглядывая ему в глаза, поэтому Алешка тоже поднялся.

– ...сиди, сиди... – остановил его Бурбулис. – Это привычка лектора, я когда хожу – мыслю! – Так вот, Алеша, главный вопрос: какие задачи стоят сейчас перед Борисом Николаевичем и... нами? Командой Президента?

Отвечаю: быстро вырвать людей из плена их собственного прошлого. Научить человека как-то иначе смотреть на самого себя, привить ему интерес к рациональному накоплению трудового опыта и трудовых капиталов. Самое главное – быстренько построить в России народный капитализм! И мы его построим!

Пиджак у Бурбулиса был какой-то странный, на размер больше, похоже, а рукава почти касались ногтей.

«Похудел, – догадался Алешка... – Напряжение, видно. Занудлив, конечно, – вытягивает из себя фразы, как факиры в старом цирке вытаскивали у себя изо рта длинные-длинные ленты, иногда с бритвами... – но ведь то, о чем говорит Бурбулис, это действительно умно, интересно, да и необычно... в общем-то...»

– Пошли!.. – Бурбулис схватил Алешку за руку и потащил его в комнату отдыха. – Пошли!

Алешка сразу обмяк, хотя и не думал сопротивляться. В этом порыве сейчас было что-то очень властное и возбуждающее; Алешка не мог не подчиниться.

– Суббота все-таки, – бормотал Бурбулис. – Давай-ка по капле!

В комнате отдыха стоял небольшой аккуратный шкафчик. Бурбулис открыл дверцу, но вдруг передумал и подошел к сейфу.

– «Вдова Клико»... – пробовал, нет?

Он открыл сейф.

– Смори!

Алешка понятия не имел, что такое «Вдова Клико», но заметил, что бутылка – уже почата, шампанского здесь на два бокала, не больше.

Так и получилось: по бокалу

Бурбулис облизнулся:

– Это лучшее вино в мире, мой друг. Давай на брудершафт? Смотри: локоть в локоть... так... так... ты пьешь, я пью. Выпили... – они выпили. – Теперь давай поцелуемся!

Бурбулис не успел подставить ему свои губы, Алешка с размаха чмокнул его в щеку

– Ну, как шампанское? – обрадовался Бурбулис.

– Приятно... – смутился Алешка. – Приятно...

– Приятно?

– Да.

– Ну, хорошо, – Бурбулис опять потрепал его по щеке. – Пошли! Старичок, наверное, уже подкатил...

...Борис Александрович так боялся опоздать, что пришел минут на сорок раньше. И сразу откуда-то появился Недошивин: крутился в «предбаннике».

На самом деле Недошивин был убежден, что Покровский руководит ансамблем народного танца (он видел когда-то этот ансамбль в сборном кремлевском концерте). А тут – старик, завернутый в шары: у Бориса Александровича болела щитовидка, ему было предписано врачами постоянно носить подушечку-платок.

Подушечку он прятал под шарф, заправляя шарф в плечи пиджака... неудобно, конечно, а что сделаешь?..

Недошивин аккуратно выяснял у старика, чем же все-таки он занимается.

– Постановки делаю, – объяснил Покровский. Он был в отличном настроении и готовился к серьезному разговору.

– Так мы коллеги... – легонечко урчал Недошивин.

В аппарате Геннадия Эдуардовича не принято говорить громко.

– Да ну?

– Здесь, батяня, в Кремле, тоже сплошные постановки!

– А что идет? – заинтересовался Борис Александрович; Большой театр только что отказался от Кремлевского дворца, слишком дорогая аренда. Дворец полностью перешел на хозрасчет и поэтому пустовал: начальники ломали такую цену за аренду зала, что дворец было проще закрыть, чем содержать, найти арендатора – хотя бы на один вечер.

– Что же здесь ставят, молодой человек?

– Да так, хрень разная, – сообщил Недошивин. – Сплошные постановки: загляделся – схавают! Сегодня Гамлет, завтра труп. Хорошо, что я в этом уже прожарился.

– А...

– Вот так, батяня, и живем. Кроилово ведет к попадалову Понимаешь? Хуже, чем у Шекспира. В застенке сидим, короче.

– Где? – обмер Борис Александрович. – Где, простите?

– В застенке. Ну, за стеной... за кремлевской, – объяснил Недошивин. – В застенке.

– Да-а...

– Вот так, дорогой...

Он в сердцах махнул рукой и вышел в коридор.

Старость редко бывает красивой. Особенно в Москве. Русский человек вообще не любит жить, в старости – тем более.

Старость тех, кого Борис Александрович хорошо знал, кого уважал, была удивительной: старость Рихтера, Козловского, Семеновой, Рейзена, Мравинского...

Анна Андреевна Ахматова говорила Борису Александровичу, что Пастернак в старости был так красив, так... молод, что с молодым Пастернаком его просто невозможно сравнивать!

А сама Анна Андреевна? Царица. Бедно, очень бедно жила, но какое величие! Однажды, у кого-то в гостях... где это было? У Рихтера? У Ардова? Анна Андреевна обронила... ну, нечто дамское... что-то там предательски лопнуло, какая-то резинка, и это дамское... свалилось на паркет.

Анна Андреевна небрежно, ногой, откинула тряпку под стол и как ни в чем не бывало продолжала беседу: ничто не помешает разговору, если это разговор!

Последний раз Борис Александрович был в Кремле в 49-м. У Сталина.

Другие начальники – Хрущев, Брежнев, Андропов, Горбачев оперой не интересовались. Правда, вечером 31-го декабря Раиса Максимовна любила посмотреть «Щелкунчика» вместе с детьми и скучающим Михаилом Сергеевичем, но оперу она тоже не любила.

– А что будет ставить Ба-альшой театр? – Сталин всегда начинал разговоры с конца, у него не было привычки торопиться.

– «Риголетто» и «Псковитянку», – доложил Борис Александрович.

– Ха-рошая музыка, – одобрил Сталин. – Ска-жите... а идут у вас «Борис Годунов» и «Пиковая дама»?

– Нет, – насторожился Борис Александрович. – Сейчас не идут, Иосиф Виссарионович.

– А ха-рашо бы... – Сталин прошелся по кабинету. – Сначала «Годунов», а па-том – «Риголетто». Ба-альшой театр – национальный театр.

Русский театр. Как без «Годунова»? Я правильно говорю, товарищ Лебедев? – Сталин повернулся к министру культуры.

– Так точно, товарищ Сталин! – вскочил Лебедев. – Мы учтем.

– Ска-жите... – продолжал Сталин. – Ата-варищ Поровский член партии?

Лебедев поблел.

– Никак нет.

Стало тихо и страшно. Все молчали. Сталин опять прошелся по кабинету, потом внимательно посмотрел на Покровского:

– Это ха-рашо, та-варищи. Он укрепляет блок коммунистов и беспартийных товарищей...

Разговор как разговор. Вроде бы ничего особенного.

Борис Александрович помнил его всю жизнь.

Сталин, Сталин... – каждый человек, каждый, певцы Большого театра и крестьяне в далеких деревнях, полководцы, маршалы и рядовые солдаты, директора заводов, инженеры и просто рабочие в цехе – все чувствовали его *присутствие*¹.

Как-то раз Алешка спросил Бурбулиса, как он относится к Сталину

В ответ получил недоуменный взгляд. Алешка тут же перевел разговор на Гайдара.

– То, что Гайдар провел свое детство в Свердловске...

– ...на улице Чапаева... – кивнул Бурбулис. – Часто приезжал...

– ...сыграло роль в назначении его и.о. премьера?

Бурбулис задумался.

– Ну... знаешь... Ельцин увидел молодого, решительного человека, – сказал он после долгой паузы, – способного брать на себя ответственность.

Он опять замолчал; в диалогах Бурбулис часто подолгу молчал: думал, подбирал самые точные слова.

– Символично, конечно, – продолжал он. – что реформатор, представленный Ельцину, – внук Аркадия Гайдара. Президент, Алеша, тоже создал «тимуровскую команду», способную заботиться о бабушках и дедушках, то есть о народе. И о нравственном климате в обществе.

«Гайдар – потомок Бажова, Ельцин – Свердловск, Бурбулис – Свердловск... – прав царь Петр, – думал Алешка, – в России и небываемое бывает. Три богатыря. Землячество!»

Как прошло само знакомство с Борисом Александровичем, Алешка не разглядел: Бурбулис стремительно вышел в приемную – старику навстречу, Алешка поскромничал, остался в его кабинете. Через открытую дверь ему показалось, что Бурбулис быстро протянул Покровскому обе руки, а Борис Александрович неловко сунул в них свою ладошку

– Алексей Арзамасцев. Наш сотрудник, – представил его Бурбулис.

¹ 46-й, Сталин из Кремля едет домой, на Ближнюю дачу. Вдруг резко меняет маршрут: Воробьевы горы, потом – Каширское шоссе. Идет страшный ливень. На автобусной остановке – промокшие до нитки люди (навесов тогда почти не было). Сталин приказывает остановиться. Капитан госбезопасности Турков, «личник» Сталина, ждет распоряжений. – Иди, Турков, зови людей. Нам и одной машины хватит. Сажай и развези по домам. Турков бросается на автобусную остановку: – Товарищи! Иосиф Виссарионович Сталин приглашает вас в наши автомобили. Приказал доставить вас до дома! Да, об этом тут же узнала вся Москва. Спектакль? Но какой! А может, не спектакль?..

– Как молод! – удивился Борис Александрович.

Старику за восемьдесят, а рукопожатие крепкое.

– Недостаток, который быстро проходит, – ухмыльнулся Бурбулис. Почему-то он очень любил эту фразу

– Тридцатилетних Сталин назначал наркочинами, – напомнил старик.

– Так других перестреляли, Борис Александрович.

– Не только: революция всегда доверяет молодым.

– А это верно, очень верно...

Борис Александрович чувствовал совершенно особое расположение к этому человеку

– Был 41-й, конец октября... – у старика то и дело съезжали на нос очки, он конфузился и очень смешно возвращал их на место. – Самое страшно, знаете ли, время. Паника вроде бы уже прошла, – он опять поправил очки, – паника была раньше: 15,16,17 октября, когда из Москвы бежали все, кто мог, – все! Три дня, когда мы, Советский Союз, проиграли войну...

А из тех, кто не побегал, многие были уверены, что Москву Сталин сдаст. Хотя вокруг Москвы семь водохранилищ, очень много шлюзов, такой город трудно сломать.

Ходили слухи, что Сталин открыл шлюзы. Я не знаю. Нам не говорят. Но ведь это он приказал взорвать Днепрогэс. Об этом тоже не говорят. А Днепрогэс, когда армия ушла, был взорван. Погибли тогда 20 тысяч жителей. Советских людей. Все деревни вода снесла. 20 тысяч – не жалко! Только немцев в Москве многие ждали. Я не о рабочих, разумеется, я об интеллигенции. На Арбате появился огромный плакат: «Добро пожаловать!» Он провисел шесть часов. Приветствие Гитлеру. Снять было некому!.. – вы, вы представляете?..

Бурбулис ласково смотрел на старика. Ждал, когда старик закончит или остановится.

– И впереди всех, кстати, бежали коммунисты. Евреи не бежали. Не все. Коммунисты бежали. Вот вы, молодые люди, – улыбался Борис Александрович, глядя на Бурбулиса и Алешку. – Вы точно не догадываетесь, почему Москва позже всех городов в СССР стала городом-героем? Помните... была странная такая традиция: награждать города орденами? – Я отвечу. Я знаю. Потому, что Москва в октябре 41-го вела себя плохо. Так говорил Сталин. Когда? Кому? Эйзенштейну!

В Европе у многих оставались родственники. Бежали в революцию. У нас в Большом Самосуд собрался ставить «Лоэнгрин». Специально для Гитлера, вот так. И сразу, хочу сказать, появляются «знающие люди». Мусоргский называл их «пришлые». Откуда берутся? Никто не знает. Приходят, и все. Начинают шептать: «Гитлер, он же не взорвал Париж, значит, и Москву не взорвет. Он – против коммунистов, но не против России, скорее Сталин Москву взорвет», и – т. д.

Старик задумался. Бурбулис тоже молчал: он, похоже, не знал какие-то подробности.

– Короче говоря, вожди натерпелись страха с Москвой! А меня, – продолжал старик, – правительственной телеграммой... за подписью наркома, между прочим, – Борис Александрович поднял указательный палец, – вызывают из Нижнего. В Большой театр! На работу. Ставить оперу!

– Жизнь умирала, оставаясь жизнью... – протянул Бурбулис, но старик его уже не слышал; он ушел в себя, и ему очень хотелось рассказать «молодым людям» всю свою жизнь – сразу и всю.

– Мне – чуть за двадцать, представляете? Вот как вы, юноша... – Борис Александрович по-детски, со слезой, смотрел на Алешку. – Я, знаете ли, сначала заглянул в ГИТИС: «alma mater», как же не поклониться, не зайти...

Пришел. У входа топится буржуйка. Сидит старуха. Она уже сумасшедшая. Совсем! Жжет бумаги. И дипломы. Перед ней – куча дипломов. Они навалены прямо на полу. Сверху лежит красный диплом, с гербом и профилем Сталина. Еще минута... и он сгорит.

Беру в руки, читаю... Господи, оторопь взяла! Кривые, вязью буковки: выпускник режиссерского факультета Покровский Борис Александрович...

– Ваш диплом? – ахнул Алешка.

– Мой! Мой!.. – вскочил старик, и у него задрожали губы. – Я же в Нижний уехал. Вручить не успели...

– Вы садитесь, пожалуйста, – попросил Бурбулис.

– Да-да, покорнейше благодарю. Я, значит, схватил его... Прижал к груди, – старик еле сдерживал слезы. – Если вот фильм сделать, – дешевый трюк, скажут. А это... это... жизнь, родные мои, это жизнь...

Он заплакал, но Бурбулис ничего сейчас не говорил, да и Алешка сидел как завороченный.

Старик достал платок и вытер слезы.

– И сугробы! – воскликнул он. – Такие сугробы я никогда не видел. А мне надо идти дальше, в Большой театр. Там тоже холодно, и Самосуд, директор...

– Может, кофе? – перебил вдруг Бурбулис.

– ...благодарствуйте, на ночь, знаете ли, не пью... – Борис Александрович опять закинул очки на нос. – Сидит Самосуд. В шубах. Одна брошена на стул, другая накинута на плечи. И он верит в руках мою телеграмму. На него телеграмма не производит никакого впечатления...

– Ну... а что вы умеете?... – он так... немножко... в нос говорил... – Поднимать занавес, опускать занавес?..

– Все могу, – говорю я гордо. Я ж из провинции!

– И с певцами работать умеете?

– Умею.

– А когда, дорогой, вы ставите спектакли, вам что важнее: музыка или сюжет?

Ну, знаете... экзамен мне устроили!

– Музыка, – говорю я, разворачиваюсь и хлопаю дверью!

Выхожу на лестницы: прощай, любимый Большой театр, возьму сейчас билет в Нижний и ночным уеду...

Вдруг бежит Самосуд. Хватает меня за плечи:

– Подождите, подождите, дорогой! Идемте!

Мы возвращаемся в его кабинет. И он звонит... кому вы думаете?

Сергею Сергеевичу Прокофьеву!

Я обмер.

– Сергей Сергеевич, – говорит, – голубчик! Я нашел режиссера. Да! И он поставит «Войну и мир»!.. Он – бо-о-ольшой режиссер, Сергей Сергеевич... он идет только от музыки... в каждой работе...

Я? Большой режиссер? Откуда он знает?..

Стою ни жив ни мертв: Прокофьев – мой Бог!

– Могли бы вы, Сергей Сергеевич, показать ему партитуру? Правда? Неужели?! Ждем, ждем, дорогой Сергей Сергеевич! Сегодня в восемь, я вас встречу на семнадцатом, как всегда на лестнице...

Бурбулису стало скучно.

– И вечером, друзья, – воодушевился старик, – в Большом театре гениальный Прокофьев играет для нас «Войну и мир»! На рояле – огарочек. Помните... огарочки были такие? Я смотрю на Самосуда, а он плачет... – у старика перехватило горло.

Алешка просто влюбился в Бориса Александровича: настоящий человек их прежней России.

– Давно, давно хотел познакомиться, – взял слово Бурбулис. – Мы, уважаемый, маэстро, всегда поддержим ту интеллигенцию, которая с удовольствием поддерживает нас...

– А ту, которая не поддержит? – Борис Александрович опять закинул очки на нос и с интересом смотрел на Бурбулиса.

– Нейтрализуем, – улыбнулся он.

– Это как?.. – не понял Борис Александрович. – Простите, что будет, вы сказали?

– Видите ли... – Бурбулис опустил глаза, стараясь не обижать старика. – Никто не знает, есть ли Бог. Нет, я считаю, доказательств Его существования. И нет прямых доказательств, что Бог – это миф, гениальное создание самого человечества. Все зависит от того, как преподнести эту проблему. Наши люди не приучены смотреть на жизнь собственными глазами. Они у наших людей подслеповаты и разбегаются по сторонам.

На все исторические процессы... – Бурбулис прошелся по кабинету, – люди смотрят только глазами тех, кому они доверяют: глазами писателей, политических деятелей, эстрадных певцов, актеров театра и кино, работников оперы и – т. д. Тех людей, кто авторитет. И нам, ведущим политикам, которым Президент поручил сейчас сформировать идеологию новой России, совсем безразлично, какие отряды (я об интеллигенции) пришли под наши знамена. И – кто в этих отрядах.

– Простите... – смутился Борис Александрович. – Дело в том, что Бог есть...

– Кто скажет об этом наверное? – усмехнулся Бурбулис.

– Я скажу. Бог есть и велик тем, что у Бога нет мертвецов. Люди рождаются не для того, чтобы всего через несколько десятков лет стать мертвецами, люди – не звери, каждый человек слишком сложен, слишком уникален, чтобы в конце концов стать мертвецом...

Бурбулис усмехнулся:

– Ну, это ваша точка зрения... Митрополит Кирилл, кстати, говоря, у нас член комиссии по Госпремиям...

– А мне другая и не нужна! У Канта пять доказательств бытия Божьего. Я предлагаю вам... еще одно доказательство. Очень простое. У меня в режиссуре есть духовный брат – Гога Товстоногов. Мы с ним очень дальние родственники. Гога – заядлый атеист. Упряма, как никто. Но даже Гога согласился, что если Лука, Матфей и другие евангелисты, жившие в разных концах света и даже не знавшие друг о друге, писали о Небожителе, о *фактах*, одним языком...

– Кстати, Товстоногов нас поддерживал... – заметил Бурбулис. – На заре демократии.

– Разве вас кто-то не поддерживает? У нас в театре вас все поддерживают. И в Большом поддерживают.

– А мы всех и приглашаем, мэтр, в новую жизнь. Двери открыты. Михал Сереич полагал, как вы знаете, что обновление можно в СССР осуществить в рамках существующей социалистической модели, Борис Александрович! Беда в том, что он так и не сумел преодолеть наглые советские стереотипы. И поэтому с Горбачевым покончено.

Но есть, скажем, – Бурбулис встал и прошелся по кабинету, – Распутин и Бондарев. Их «Слово к народу». Манифест ГКЧП. С таким народцем нам не по пути. Их время закончилось. И я заявляю: тем, кто идет к нас, двери открыты! И открыты, конечно, наши сердца. Мы никогда не забудем, Борис Александрович, что в переломный момент, когда Михаил Горбачев покидает политическую сцену, именно вы предложили нам свою руку. А Горбачев, маэстро, ушел всегда – вместе со страной, которую он чуть не погубил...

– А разве СНГ строится сейчас не по образцу СССР? – изумился Борис Александрович. – Ну, разъехались по отдельным квартирам, подумаешь... Сердце-то у нас одно!

– По секрету? – засмеялся Бурбулис. – У СНГ нет (и не может быть) ничего общего с СССР. И сердца, слова богу, тоже разные.

– А что тогда... это СНГ?

– Честно? А я и сам не знаю, господин режиссер! И никто не знает, – засмеялся Бурбулис. – Мы придумали СНГ, чтобы смягчить у народа боль от развала Советского Союза. Ну, а если официально, я говорю: двенадцать независимых друг от друга стран, каждая – со

своей самобытной культурой, с собственным политическим лицом, своей экономикой и своими Вооруженными силами...

Бурбулис смеялся как-то по-бабьи, ехидно, как бы исподтишка.

– Позвольте, – поднял глаза Борис Александрович. – Но вроде бы декларировалось что-то другое...

– Политики, дорогой мэтр, как женщины, – Бурбулис все еще досмеивался. – Политикам верят только наивные. Чем умнее человек, тем больше вокруг него идиотов. Умнея, человек открывает – вокруг себя – все новых и новых идиотов. Разве вы не понимаете, что СССР – это уже сейчас глубокое прошлое? Может, все-таки чайку... если не кофе?..

Старик вздохнул:

– Такие события сразу и не поймешь, – что вы!

– Не все успевают за ходом истории... – согласился Бурбулис. – Время нынче бойкое. Каждый день что-то приносит. Мы долго стояли на одном месте. Очень долго. Сейчас бежать хочется!..

– А вы думаете, – старик говорил так, словно извинялся за наивность, – в 37-м кто-нибудь доподлинно понимал, что такое... 37-й на самом деле? Даже Сталин не понимал, уверяю вас! Это как снежный ком, – Борис Александрович опять закинул очки на нос, – берут человека, с испуга человек на первом же допросе показывает еще на кого-то, или ему просто суют в руки какую-нибудь бумагу, силой заставляя ее подписать... Силой можно ведь... что угодно! Тут же берут того, на кого сигнал, он с испуга показывает уже на десятерых. Что делать? Надо же проверить, время-то строгое, военное, с подлечой. А эти десять показывают уже на тысячу...

Ведь писали все – на всех... – продолжал старик. – Обвал в горах. Был у нас такой... Рыбин, чекист. Из охраны Иосифа Виссарионовича. Проштрафился, вот и сослали его в Большой театр, комендантом. Он мне лично, пьяный, бахвалился, что на госбезопасность в Большой работал у них весь Большой! Кроме – великой Семеновой, потому что Марина Семеновна умная была. И когда ее вербовали – идиоткой прикинулась. Как, кстати, и Фаина Раневская, самая наивная и самая одинокая женщина в мире! «Милый, – целовала Раневская чекиста, присланного для вербовки. – Где ты раньше был, дорогой? Я ж готова! Хочу! Где явки будут, по ночам я всегда свободна, дай мне пистолет, я мечтаю о пистолете! Вербуй меня, вербуй, я никому не скажу, только Любке Орловой, так она тоже врагов ненавидит и товарищ Сталин к Любке совсем неплохо относится... – ты... понимаешь меня? А встречаться... – тут Раневская на шепот перешла, – встречаться будем в театре под лестницей, там нас никто не найдет, да и как романтично, милый... Мы сидим... как влюбленные, голова к голове, нос к носу, ты и я, ты и я...»

Раневская мечтательно закатывала глаза. Она гениально играла идиотов. Всегда! И от нее отстали – вы... вы мне верите?..

Алешка внимательно смотрел на старика. Ему вдруг показалось, что Борис Александрович долго-долго не был в Москве, тем временем в его квартиру забрались воры, унесли из квартиры все самое ценное, а он только сейчас заметил пропажу. Но поверить, что его действительно обокрали, не может, это не укладывается у него в голове...

– Значит... вы разгромили СССР? – вдруг тихо, почти шепотом, спросил старик.

– Не мы, мэтр, – строго возразил Бурбулис. – СССР разгромил Горбачев! Когда были избраны съезды народных депутатов, появилась потрясающая возможность сделать его делегатов мотором преобразования советской империи в великое новое качество. Но Михаил Сергеевич испугался... он же – патологический трус, вы... вы обратили внимание?.., и – принялся бороться с жизнотворной энергией обновления, которую, дорогой мэтр, он – сам! – выпустил на волю. И в результате колосс рухнул. А мы, наша команда, всего лишь оформили этот разгром!

– Да что вы, что вы... – замахал руками Борис Александрович, – сам Союз никогда бы не рассыпался, вы уж извините меня, старика! Он же был людьми соединен, люди – самая прочная связь на свете...

– Он уже рассыпался, – перебил его Бурбулис. – ГКЧП, который так и не понял, как не понимаете вы, Борис Александрович, что Советский Союз давным-давно умер, ГКЧП вбил в этот гроб последний гвоздик!

– А вот скажите, – Борис Александрович все время поправлял очки, – Галина Уланова, великая балерина...

– Пусть приходит, двери открыты...

– Это имя... как Юрий Гагарин... как Анатолий Карпов... оно известно всей планете...

– И что? – поднял глаза Бурбулис.

– Но иногда... после войны... в Кремле, знаете ли, были такие... тихие концерты. И Галина Сергеевна танцевала для Сталина. Пели Козловский, Максим Михайлов, иногда – Юрьева Изабелла... а Сереженька Образцов, мой друг, показывал куклы...

– По-моему, Уланова... не подписывала «Слово к народу», – насторожился Бурбулис.

– А если б подписала?

– Я бы его принял.

Борис Александрович опустил голову, потом медленно встал, сделал шаг к столу, к Бурбулису, и протянул ему руку.

– Извините, что отнял время. Был очень рад познакомиться.

– И вам спасибо, – улыбнулся Бурбулис, пожимая его ладошку. – Мы, я чувствую, стоим пока на разных позициях, но сближение неизбежно: демократические институты хороши тем, что у каждого из нас есть право на ошибку; мы как-то забыли...

– Если б не вы, товарищ Бурбулис, – теперь уже старик вдруг резко его перебил, – Советский Союз жил бы еще триста лет, как дом Романовых! Дело в людях, а не в начинке... социалистический он там... капиталистический, – он и социалистическим не был, потому что Ленин сразу ввел нэп и эти страшные концессии, Троцкий настаивал, Лев Давидович, Ленина в Россию немцы привезли, а Троцкого параллельно с Лениным, тогда же, в 17-м, везли – кораблем – американцы.

Дублирующий вариант, так сказать! Очень хотелось все захватить. И получили – в подарок – концессии: КВЖД, Дальний Восток, весь север. Когда приходят американцы, они всегда грабят. Где здесь социализм, равенство, братство?

Вот у вас бутылка, – Борис Александрович заметил вдруг бутылочку боржоми, стоявшую на журнальном столике. – Ей какая разница, бутылке-то, какая водичка в ней плещется? Бутылка на то и бутылка, чтобы объем сохранить, чтобы напиток не разлился! Но если эту бутылочку с размаха да еще и об землю, о камни, она же разлетится к чертовой матери! Но зачем? Зачем ее разбивать? Осколки потом не соберешь, то есть придется нам, дуракам самонадеянным, по осколкам топтаться всю оставшуюся жизнь, ноги в кровь резать, потому что другой земли других осколков у нас нет!

Сто лет пройдет, сто, не меньше, пока мы эти осколки своими босыми ногами в песок превратим! А до тех пор, пока не превратим в песок, мы все в крови будем. Все умоемся. От этой гадости – раскол – не убережешься, осколки могут резаться, а кровь – пачкаться! Кровь всегда брызгами летит, не разбирая сторон... Когда брызги повсюду – это уже фонтан! Ну что же... – значит, поделом нам, если по матушке-земле, предкам завещанной, достойно пройти не сумели...

Борис Александрович встал, вежливо поклонился Бурбулису и незаметно поправил на шее платок-подушечку. Он старался не смотреть Бурбулису в глаза, ему хотелось как можно быстрее закончить разговор и выйти отсюда.

Бурбулис молча, с поклоном, пожал Борису Александровичу руку и скрылся в комнате отдыха.

«Кто он такой, этот Бурбулис, – подумал Алешка, – что бы великий старик так сейчас волновался?»

Алешка вышел проводить Бориса Александровича на Ивановскую площадь, и вдруг выяснилось, что у старика нет машины.

– Суббота, знаете ли, – извинился Борис Александрович. – У шофера – выходной, он и так внуков не видит...

Алешка взглянул на часы. Нет, не суббота, уже воскресенье, полночь.

Пошел снег. Опираясь на палку, которая то и дело съезжала в сторону, старик сделал несколько шагов и чуть не упал. Даже здесь, в Кремле, снег почти не убирали. Зарплаты – копейчатые, они сейчас везде копейчатые, поэтому дворники – разбежались.

Алешка хотел вернуться обратно, в приемную Бурбулиса, попросить машину, но остановился: он знал, машину ему никто не даст, если бы Недошивин хотел – предложил бы сам, но он, видимо, решил, что машина Борису Александровичу не положена по его статусу...

Алешка подбежал к старику:

– Пойдемте... поймем такси...

Он аккуратно взял его под руку.

– Да как же, господи, вы ж раздетый... – заупрямился Борис Александрович.

– Ничего-ничего, идемте! Я закаленный! Я из Болшева!..

– Болшево? Вот это да... А у меня, знаете ли, дача в Валентиновке, совсем рядом... электричка ходит... – тихо бормотал старик.

Он тяжело опирался на его руку. Ноги скользили, но держались; Борис Александрович и Алешка медленно шли вниз, к Боровицким воротам. Мимо них вдруг промчался кортеж Бурбулиса, и Геннадий Эдуардович, как показалось Алешке, весело помахал им рукой...

44

С утра, слава богу, не было совещаний, но настроение испортил Евгений Комаров, губернатор Мурманской области:

– Хлеба, Егор Тимурович, на два дня. Потом катастрофа. Услышите меня, взорвется народ: хлеба нет!

Нашел чем испугать, губернатор... После сталинских лет нет у России охоты взрываться, отбита навечно! – Самое трудное в государственной работе – неизбежные встречи с психопатами. Хлеба нет... – А при чем тут Совмин?

Катастрофа, Комаров, это у тебя, в Мурманске, в Совете министров никакой катастрофы нет!

Гайдар считал себя ученым, но каких-то открытий в экономике у него пока не было. Сочетание несочетаемого: гипертония, животик-бегемотик, вечно мокрая (от пота) лысина и – несокрушимая энергия трибуна, публициста-оратора, журналиста, который умеет не только писать, но и говорить!

Ельцина убедили: если он, Президент России, снимет Гайдара (или Гайдар вдруг сам уйдет в отставку), от России тут же отшатнется весь цивилизованный мир.

Ельцин, Ельцин... – он как опустевшая деревня сегодня...

Если бы Ельцин не пил, он не был бы, конечно, так доверчив, но если бы Ельцин не пил, это был бы не Ельцин.

Егор Тимурович уже пять раз пожалел, что принял Комарова. Дикие люди эти губернаторы! Не могут понять: Гайдар – это не Силаев и не Рыжков; льготы, дешевые кредиты, господдержка, северный завоз... – хватит, господа, попрошайничать, привыкайте к рынку, – пора!

...Возвращаясь с Хоккайдо в Москву, Егор Тимурович на один день залетел в Магадан.

«Область перенаселена, – заявил он. – Людей будем выселять!»

Выселять? Куда?!

Пройдет неделя, и Магаданская область дружно проголосует... за Жириновского. Этот малый взял в руки текст речи Гайдара и все сказал наоборот. Слово в слово!

Пообещал, что никто не выселит, вернет северный коэффициент, социальные льготы – те, что были при Брежнев, а главное, самое главное, «каждой одинокой женщине в новом году по мужику!»

С болтунами очень трудно бороться, почти невозможно: болтун говорит не переставая, и в этом – сила болтуна!

До слез вчера развеселил Борис Николаевич: Гайдар приехал к нему на доклад, Ельцин играл в волейбол и принял его прямо в спортзале. Слушал, слушал, потом вдруг подошел к зеркалу и оттопырил правый глаз.

– Вот, Егор Тимурович... – вздохнул он, – говорят, Ельцин пьет.... А я по-о-сле катастрофы в Испании, понимаешь, са-о-вершенно не сплю... Спина так болит... просто трещит по швам. М-мучаюсь-мучаюсь, встаю, выпиваю стакан коньяка, только так и засыпаю...

Смешной человек, искренний... Кто, если бы не Ельцин, доверил бы ему, журналисту, такую страну? – У Президента, кстати, прекрасное чувство юмора. Назначив Гайдара, он пригласил его к обеденному столу и сразу предупредил: «Случилось что, Егор Тимурович, из нас двоих я сумею спасти лишь кого-то одного...»

И такой отеческий, мягкий взгляд...

А может, он не шутил? Егор Тимурович ненавидел свой кабинет, зато очень любил комнату отдыха. В центре, у окна, здесь стоял большой аквариум, где веселились рыбки. Посетителей (если это друзья, конечно) можно было принимать лежа на диване, не вставая: когда Егор Тимурович лежал, голова почти не болела, при гипертонии диван – это спасение!

Правительство принимает тяжелейшее решение: закрыть ядерный центр под Нижним. Тот самый центр, где академик Харитон и его коллеги создали атомное оружие.

Каждый атомный заряд полагается проверять один раз в 30 лет, не чаще.

Зачем же, спрашивается, 30 лет (30!) держать (и кормить госзаказом!)

Арзамас-16?

Через 30 лет новый Курчатов возьмет в руки старые чертежи и сделает новые заряды. Скорее всего, они вообще не понадобятся: мир умнеет и разоружается, это факт!..

Звонит Вольский. И в крик:

– Убьем Арзамас – значит, убьем школу! Новый Курчатов откуда возьмется?

Ядерные заряды... что? у Буша покупать будем?..

Ельцин, кстати, не знал, что атомные бомбы на рынке оружия не продаются, и был очень удивлен.

Примаков докладывает: американцы (вопреки СНВ-1 и СНВ-2] не уничтожают сейчас свои ядерные заряды, а тайно их складировуют. Значит, нужно поручить МИДу, Андрею Козыреву: пусть добивается от Америки гарантий, честности, но 30 лет, из года в год, из месяца в месяц кормить тех, кто ближайшие 30 лет точно не нужен?!

Вчера фельдьегер доставил бумагу от Коржакова. С пометкой «срочно»!

Подставная фирма в Раменках покупает 30 % акций Московского электродного завода, находящегося в системной кооперации с НИИ «Графит»: единственным разработчиком графитового покрытия российских самолетов-невидимок.

За «подставкой» стоят американцы, 30 % акций это, считай, контрольный пакет. И под давлением новых хозяев Московский электродный завод только что отказался принять государственный заказ Военно-космических сил России на производство 27 «точечных» технологий стратегического значения.

А где Баранников? Куда он смотрит? Почему контрразведка молчит?

Другая история – АЗЛК в Москве. Огромная территория, роскошное штамповочное оборудование, поточная линия по производству шрусов... – Но существуют серьезные проблемы с долгом: 40 миллионов – долг за двигатели, оказавшиеся неактуальным, 20 миллионов – пени по этому долгу.

Собственник завода – Российская Федерация. То есть – правительство Гайдара.

Нет уж, – всем лучше, если вместо «Москвича» здесь появится «Рено». Гайдар обанкротил АЗЛК. Его поддержали Чубайс и Шохин: любое предприятие, вырванное из рук крупнейшего в мире государства-милитариста и переданное, пусть за бесценок, частному владельцу, способствует безоговорочному разрушению социализма. – Но больше всех, конечно, вредит Лужков. Он постоянно, изо дня в день, убеждает Ельцина, что работа правительства сводится сейчас только к игре в курсовые уровни акций. По словам Лужкова, цель правительства – разрушить государственное мышление и уровень образования, особенно – в реальном секторе экономики.

Довести до минимума число вузов, где учатся технари, полностью остановить деятельность научно-исследовательских организаций прикладного плана, – все это он постоянно внушает Президенту. Можно подумать, черт возьми, что главная проблема Москвы – это вся Россия вокруг!

Рыбки, рыбки... – самые спокойные существа на свете!

Хорошо, что Гайдар догадался завести аквариум: вода, аквариум и огонь в камине действуют даже лучше, чем валерьянка.

Он медленно перевернулся на бок. Опять 160 на 100, круги перед глазами, при таком давлении, с такими нервами отогнать от себя инсульт – уже подвиг...

Какой-то институт под Рузой создает технологии для российского «ядерного щита» на основе высокоэффективных плазменных зарядов. ЦРУ командирует (в прежние годы) как «легалов», так и «нелегалов», но подступится к институту американские разведчики не смогли.

Андрей Нечаев не разобрался и выставил институт на аукцион. Сейчас здесь тамоенный терминал. Склад для алкоголя и сигарет. – Ну, хорошо, не разобрался Андрюша, он же молодой министр! Опять: куда смотрят спецслужбы? Почему за все, что происходит в стране, отвечает только правительство?

Черт бы с ним, с Лужковым, но за ним стоят депутаты, директора заводов, прежде всего оборонщики: Новожилов, Соломонов, Елисеев, Гуляев... Его поддерживает Зюганов. Заединщики! Будет ужасно обидно, если Президент пойдет у них на поводу. Он же – как петух, наш Борис Николаевич, из пьесы Ростана. (Петух, кричавший всегда с восходом солнца, в конце концов пришел к выводу, что именно он своим пением поднимает солнце на небосклон!]

И все же, господа губернаторы, нельзя жить с головой, повернутой назад. Хватит! Кормить по-прежнему по-советски, госзаказом те заводы, чей труд никому не нужен? Послушайте: если бы Россия в июне раз и навсегда отказалась бы от госзаказа и дотаций, хлеб сегодня был бы повсюду в любом количестве. А еще очень важно отменить прописку. Пусть в Москве хоть вся Россия живет; каждый человек имеет право жить там, где он хочет жить, в этом суть демократических свобод!

... Болит, болит голова, а через полчаса выезд к Караулову на съемки «Момент истины». Месяц назад у него снимался Нечаев. И этот Караулов вроде бы ему понравился. Не перебивает, дает «попеть», как говорят певцы о хорошем дирижере, главное – все время поддерживает разговор на определенном уровне, потому что вопросы у Караулова рождаются (всегда!) из ответов его гостя или гостей.

Гайдар взглянул на часы: надо вставать?

Минут пять еще есть...

Дом на Делегаткой, где жил Караулов, «зачистили» с самого утра. В работу спецслужб Гайдар никогда не вмешивался: бессмысленно.

От Белого дома до Делегатской минут семь, не больше, быстрое перекрытие; Гайдар, две его машины, домчались мгновенно, в Москве он никогда не создавал «пробки».

Бросилось в глаза: телекамеры у подъезда, у лифта, снимают с разных мест, а Гайдар без макияжа, галстук сбился, хоть бы предупредили, черти...

Караулов встретил на пороге комнаты:

– Прошу, прошу, сразу начинаем!..

Голова почти прошла. Хорошо, что он принял холодный душ перед дорогой, – помогло, действительно помогло!

Все просто, по-домашнему:ходишь в квартиру, вытираешь ноги и – вот они, камеры, одна напротив другой у шкафов с книгами.

– Ну как, господин Гайдар? – Караулов был в своем любимом синем пиджаке. – На душе-то... фигово небось?..

Съемка началась, вопрос задан.

Первый вопрос всегда должен звучать как выстрел.

Гайдар сладко потянулся:

– Я, Андрей Викторович, исхожу из того, что в любом положении надо драться до конца! Драка – самая демократичная, самая понятная форма достижения консенсуса.

– То есть вы предвидели, что в Магадане у господина Жириновского будет такой вот результат?

Гайдар расплылся в улыбке:

– Я не Ванга и не Глоба, Андрей Викторович. Я экономист.

– Предала вас Россия? – перешел в наступление Караулов. – Миллионы людей голосуют за Жириновского. Главный тезис Владимира Вольфовича: «Гайдара в свинарник!»

Тема предательства была у Караулова любимой; жизнь слишком часто сводила его с людьми, для которых предательство – в порядке вещей.

Гайдар усмехнулся:

– Еще не вечер, еще не вечер, Андрей Викторович!

Он все время ждал подвоха и держался очень осторожно.

Журналисты редко доверяют журналистам.

– А если Жириновский все же придет к власти? – настаивал Караулов. – Уедете из страны? Или... в «Матросскую тишину»?

Гайдар неплохо держал удар:

– У меня не будет... э – э... шансов ни на первое, ни на второе... Развитие по такому сценарию, Андрей Викторович, готовит нам... э – э... приятнейшие сюрпризы...

Всем своим видом Гайдар показывал сейчас, что мрачные прогнозы его не пугают.

– И вам не тошно от того, что пишут о вас в газетах? – удивился Караулов.

Разговор ему уже нравился.

– А я, Андрей Викторович, не всегда доверяю газетам, – улыбнулся Гайдар. – Помните Цветаеву: «Читатели газет – глотатели клевет». – С осени прошлого года я постоянно говорил: дорогие друзья, слухи о том, что в нашей стране невозможно решить проблему дефицита и очередей, сущая ерунда. Мы реформаторы... вместе с Президентом... – Гайдар вдруг вспомнил, что он забыл взять у пресс-секретаря специально заготовленные фразы о Ельцине, – э... э... с Борисом Николаевичем... эту проблему решим!

Мы сделаем Россию бездефицитной, избавим ее от деревянного рубля, создадим быстро растущий частный сектор, привлечем западные инвестиции, то есть мы уже, Андрей Викторович... решили массу проблем, которые прежде казались несбыточными...

– Сразу – и массу? – перебил Караулов.

– Массу, массу, – подтвердил Гайдар. – Но не надо думать, друзья, что это и есть абсолютное счастье, ибо общество, которое все это получит, все равно будет несчастно, потому что вместо старых проблем тут же появятся новые...

– Ага, «Собачье сердце», великое советское кино, – согласился Караулов. – «Суровые годы уходят в борьбе за свободу страны... За ними други-и-е прих-о-о-дят... они бу-у-дут тоже трудны...».

Караулов сейчас вроде как пел.

– У вас хороший голос, Андрей Викторович.

– Баритональный бас. В сентябре думаю дебютировать в Михайловском театре. В «Севильском цирюльнике»!

– Надо же, кто бы думал... – Гайдар решил, что он шутит. – Так вот, представьте, уважаемый ведущий: у вас длинный и трудный день.

Непонятно... – усиленно ли это вообще такое количество совещаний, встреч, телефонных звонков и бумаг, бумаг, бумаг... Железно перестаешь обращать внимание на разные там... укусы...

– Подождите, – остановил его Караулов. – Я приведу одну цитату...

Для убедительности Караулов нацепил на нос очки, хотя он читал всегда без очков.

– Руслан Киреев, газета «Новый взгляд». Статья «Гайдар – это Ленин сегодня». Подзаголовок: «Гайдар – это Ленин сегодня с поправкой на время».

Я испорчу настроение... можно, Егор Тимурович?

– Давайте, – кивнул Гайдар. – Послушаем.

– «Не знаю, – пишет Руслан Киреев, – весело читал Караулов, – сажает ли Егор Тимурович на колени чужих детишек, но чужие языки знает. Живал, как и Ленин, за границами, такая же плешь, если не больше, Гайдар не картавит, как Ленин, зато трогательно пришепечивает...»

Караулов сделал паузу, предлагая зрителям оценить очевидное хамство в адрес и.о. премьера.

– Но основное ваше сходство, Егор Тимурович, с Ульяновым по кличке «Ленин», считает Руслан Киреев, «в уникальной, беспредельной способности перешагнуть через благополучие, здоровье... да и жизни миллионов людей...»

Такие вот дела... точнее, тексты. В газетах.

Гайдар сладко-сладко потянулся, как женщина.

Ну что же, Андрей Викторович! Общество не обязано любить своих руководителей. Вспомните Брежнева: разве он был кем-то любим? Между тем, треска при раннем Брежневе стоила 12 копеек килограмм. А водка – 3.62. – Только сейчас все квалифицированные люди, Андрей Викторович, понимают: «зло», которое творит Гайдар, это наш единственный путь.

«Дама приятная во всех отношениях, – подумал Караулов. – Но толстоват, конечно».

– Некоторые... экономисты, Андрей Викторович... – Гайдар аккуратно промокнул плавающим лоб, – по вполне понятным причинам тщательно скрывают такое вот понимание на публике, хотя в личных разговорах не отрицают тот факт, что у страны сейчас только один путь – наш. Сейчас мы, Россия, в значительной степени платим за неликвидированный в прошлом году госзаказ на сельхозпродукты...

Караулов насторожился:

– А чем же он плох? Госзаказ? Если армия сама заказывает для себя пшеницу – это плохо?

Что значит «плохо», Андрей Викторович, – удивился Гайдар. – Если госзаказ есть самая большая глупость советской командно-распределительной системы? Вдруг в Москве, в Госплане, какие-то дяди средних лет рисуют карту-план, какой э-э... колхоз (мы, к сожалению, все еще сохраняем в России колхозы), сколько зерна, кукурузы... просо там... не знаю... ячмень... должны сдать государству.

Дол-ж-ны, понимаете? По фиксированной цене! И где? В Сибири! Где Москва, и где Омск? Неужели омичи сами, без Москвы, не знают, что им сеять? И как им выгодно продать свой урожай?!

Караулов обомлел:

– Вы... Егор Тимурович, давно в Сибири были? Разрешите напомнить: до знаменитой деревни Муромцево, родины писателя Бориса Пантелеймонова, это самый север Омской области, «хоть три года скачи – все равно не доскачешь»! Если в Муромцево отменить госзакупку, там сразу, в тот же день, появятся барыги. Да еще с автоматами. За зерно они дадут гроши. Пятьдесят долларов за тонну – баста!

– Вы преувеличиваете возможности криминала, господин ведущий, – обиделся Гайдар. – Особенно в масштабах Сибири.

Гайдар так сильно тер лоб, что лоб заблестел, была нужна пудра, вот и Володя, оператор, показывал на Гайдара: это не лоб, а черешня на солнце! В такой ситуации съемку полагалось остановить, но Гайдар завелся и Караулов – тоже.

– Если государство, – горячился Караулов, – уходит из Муромцева, это катастрофа; есть же разница между фермером в Провансе, где рядом – вся Европа, которая с удовольствием купит его молоко, и крестьянином в Сибири, где вокруг – один лес?

– То есть вы считаете, Россия к рынку не готова? А сама рыночная экономика занимается только тем, что выявляет самые худшие качества наших соотечественников: стремление к наживе, желание разбогатеть на горе других... – и т. д. и т. п.?

Гайдар уже жалел, что он приехал к Караулову

– Так?

Караулов усмехнулся:

– Я хочу сказать, что, если у нас в государстве больше нет государства, на авансцене тут же появятся те, кто сильнее. А самые сильные – это сейчас бандиты. Не гражданское общество, Егор Тимурович. Не надейтесь!

Гайдар аккуратно промокнул лоб.

– Тогда я, Андрей Викторович, задам вам вопрос.

– Очень хорошо.

– Не вы, а я вам, – уточнил Гайдар.

– Слушаю, слушаю...

– Я знаю, Андрей Викторович, русские крестьяне – народ достаточно сплоченный. Кто мешает крестьянам вашего Муромцева связаться с соседней деревней и быстренько договориться: либо вся область продает зерно по 400 долларов за тонну, либо барыги, как вы... назвали сейчас новых русских предпринимателей, остаются с носом...

– Я отвечу, Егор Тимурович...

– С любопытством жду.

– Баба.

– Кто?

– Баба, Егор Тимурович.

– Какая баба?

– Русская. Потому что у бабы детишки голодные. И в школу им не в чем пойти.

– А, феномен женщины... – согласно закивал Гайдар. – Понимаю, понимаю, это серьезный аргумент, Андрей Викторович, вы лучше меня знаете народные нравы...

Гайдар не понимал, что делает сейчас Караулов: вытягивает из него те ответы, которые могут успокоить страну, или Караулов просто глуп?

– Значит, утверждаете вы, Россия опять стоит перед выбором: либо мы – европейская страна, либо... женщины в деревне – это коврик для ног. Так? Так, Андрей Викторович?!

– Караулов удивленно снял очки. Он сейчас плохо понимал, о чем идет речь. Рынок отдаст крестьянина на произвол судьбы.

Жили-жили, и вдруг – смотрите, кто от нас ушел: государство! А кто пришел? Мафия. – Пятьдесят долларов – это ниже себестоимости, дорогие крестьяне, но не задаром же. Умей радоваться, народ! Ищи кайф в пустяках!

Горели софиты, и в комнате было очень жарко. Гайдар достал платочек и снова протер лоб и лысину.

«Любит чистоту, – догадался Караулов.

Всякий раз, оказавшись на телевидении, Гайдар говорил – посути – одно и то же: раньше Госплан, сегодня – рынок. В детали он не вдавался, детали – это там, на местах, детали-не его дело, Гайдар мыслил глобально.

– Принципиальная ошибка, Андрей Викторович, – не согласился он.

– Советская власть всегда ценила не конкретных людей, а их коллективы. Демократическая власть ценит каждого человека, наделяя всех равными правами. В США даже бомжи ходят с гордо поднятой головой: у них такие же права, как у Президента! – Так что не надо, Андрей Викторович, лезть в душу крестьянина со своими представлениями о его возможностях. Наши крестьяне – это не какой-то там... беззащитный народ. И не будут они смотреть в рот каким-то там... крутым парням... У нас великий народ, хочу вам напомнить! А то, что вы предлагаете, это опять командно-распределительный Госплан.

– Но сегодня даже такой известный рыночник, как Григорий Явлинский, – не сдавался Караулов, – пишет: «Гайдар пошел неверным путем. Я его предупреждал, это плохо закон-

чится. Даже за полчаса до его назначения предупреждал. «Плевать, – говорил Гайдар, – я очень хочу возглавить правительство...»

Гайдар не обратил на цитату никакого внимания. Он долго боролся с креслом и расположился наконец максимально удобно.

– Вопрос меры и степени, – вздохнул Гайдар. – Господин Явлинский не может не понимать, что у нас нет другого пути.

Бесконечные переговоры о создании экономического союза на фоне э... э... разваливающейся российской экономики... подвели бы нас к параличу. Григорий Алексеевич, настырно звавший меня в оппозицию, но я не пошел...

– А вам-то, вам-то... лично вам, зачем все это? – не понимал Караулов. – Друг вашего дома Леонид Генрихович Зорин... – Караулов опять достал какую-то шпаргалку, – говорит, я цитирую:

«Если бы я загодя знал, что тот мальчик, сын Тимура Гайдара, которого я на руках нянчил когда-то, через тридцать лет меня разорит...»

Понятно, да?... что сделал бы милейший Леонид Генрихович с этим мальчиком? Если бы знал...

Гайдар оживился и даже улыбался сейчас как-то шире:

– Во-первых: сегодня сотни самых разных граждан утверждают, что носили меня на своих руках. Как будто в детстве я только тем и занимался, что перелезал с коленок на коленки!

– Вот – вот: знаменитый субботник в Кремле! – поддержал его Караулов. – Когда Владимир Ильич пронес – перед оператором кинохроники – одно-единственное бревно (на большее его не хватило, это по костюму видно).

Кто-то из историков подсчитал: в своих мемуарах 320 человек утверждали потом, что Ленин был в паре с каждым из них...

«А он смешной, – подумал Караулов о Гайдаре. – Тузик!»

– Приступая к реформам, – упрямо начал Гайдар, – мы рассчитывали на худшее! Было ощущение огромной опасности, надвигающейся на Россию.

Вспомните атмосферу сентября 91-го, Андрей Викторович: развалившееся государство, нарастающий хаос, анархия, безвластие, армия, продававшая оружие кому угодно, прежде всего – за кордон. Наш родной КГБ, утративший контроль даже за собственными складами, неработающая таможня – ни союзная, ни российская! Центр э... э... уже ни за что не отвечает, Россия все все еще не отвечает. А люди, облеченные властью, постоянно объясняют населению, почему они не делают то-то и то-то, хотя обязаны были все это сделать.

И я, Андрей Викторович, повторял, не уставая: да, нет у нас пока экономического союза, но давайте, друзья, хотя бы выговорим это слово – «приватизация»! Давайте хоть что-нибудь сделаем, черт возьми, примем на себя ответственность, кто-то должен отвечать за перебитые горшки!

На камерах замигал. Красные огоньки: закончились кассеты.

– Стоп, – приказал Караулов. – Егор Тимурович, это гениально. Быстро ставим вторую пару!

Гайдар потупит глаза:

– Вы считаете, это кому-нибудь интересно?

Караулов кивнул:

– Считаю. Даже уверен.

– Что такое «вторая пара»? – вздрогнула девушку пресс-секретарь.

– Вторая пара кассет, миледи!

Девушка улыбнулась:

– Спасибо, ясно...

– Андрей Викторович, не для записи...

Караулов наклонил голову:

– Прошу вас.

– Госзаказ необходим только когда речь идет о безопасности страны.

– А продовольственная безопасность – это не государственные интересы? – удивился

Караулов. – В 90-е мы производили в два раза больше молока, чем производим сейчас. Зерна – в полтора раза больше, но самое главное: в кошмарном 43-м коров у товарища Сталина было... страшно сказать... в три раза больше, чем у Гайдара сегодня...

– Не надо меня со Сталиным сравнивать, – улыбнулся Гайдар.

– Не вороши лихо, пока оно тихо...

– Поехали, – приказал Караулов. – Работаем!

– Может, чайку? – осторожно предложила девушка – пресс-секретарь.

– Нет, нет, собьюсь, – воскликнул Гайдар. Никаких пауз, друзья, только вперед!

– Поехали, – и Караулов так посмотрел на оператора Володю, что Володя сразу надел наушники...

45

Великий художественный покой... Как у Льва Николаевича Толстого, в Ясной Поляне. Главное условие для создания эпических полотен: глубокий внутренний покой.

Наташа считала, что Александр Исаевич до такой степени переполнен фактами и размышлениями, что его тексты трудно читать. А стиль? Разве можно писать в («Красном Колесе»): «Атут и умерши матери одна за другой...» Или – «Раковый корпус», здесь небрежность повсюду: «... А сегодня там еще мыла пол санитарка Нэлли – крутозадая горластая девка с большими бровями и большими губами. Она давно уже начала, но никак не могла кончить, встречая в каждый разговор...» Или дальше через страницу: «Русанов повернул пошел выше, глядя вверх.

Но и в конце второго марша его не ждало одобрение».

Да, проблемы с языком были, Александр Исаевич не спорил с Наташей, но все оставлял как есть, «раз вышло, значит вышло...».

Осенью 21-го года художник Филипп Малявин сделал в Кремле поразительные рисунки Ленина. На его набросках – элегантный, легкий человек. И молодой, что удивительно, хотя это 1921-й...

Сразу после 1905-го, после русской революции, академик Владимир Вернадский написал: если в России снова будет бунт, именно этот человек, Ленин, возглавит страну

Как он его увидел, а? Где?

В январе 17-го, в годовщину Кровавого воскресенья, швейцарские студенты спросили у Ленина: когда же в России произойдет наконец та самая революция, о которой он пишет свои статьи?

– Лет через сто, – отмахнулся Владимир Ильич. – Вряд ли мы доживем...

Вернадский думал иначе. И оказался прав!

Нет, – как, как он его так увидел? Кто ответит на этот вопрос?

Или Блок? Почему Блок был влюблен в Ленина?

В России у власти – одни убийцы. Сталин отправлял людей в тюрьмы за семь минут опоздания на работу, Николай II – за пять. Царьосвободитель Александр утопил в крови польское восстание. Тысячи жертв, может быть, – десятки тысяч, кто там, в Варшаве или в Вильно, считал растерзанных поляков?

А великий Столыпин? Его знаменитые «галстуки»?

Сколько людей повесили в те годы?

Михаил Сергеевич Горбачев сразу, на следующий день после своего избрания, отправил в психушку собственного шурина – детского писателя Евгения Титаренко, родного брата Раисы Максимовны.

Супруга Генсека опасалась: вдруг кто-то из журналистов подловит Евгения Титаренко не в самую лучшую для него минуту. Например, встретится с ним в «Дубраве», в знаменитой воронежской пивной, где он часто валяется в лужах собственной мочи...²

Правозащитники никогда не интересовались судьбой этого человека.

Кто вернул Сахарова из ссылки? Как кто? – Горбачев! Событие высшей государственной важности.

А тут – какой-то дядька-алкаш, в России таких сотни тысяч, если не миллионы.

² В Москве, в «Худлите», книги Титаренко выходили стотысячными тиражами: роман «Минер», повесть «Четверо с базарной площади», другие вещи; у Титаренко почти двадцать книг.

Титаренко забрали ночью 12 марта 1985 года и отправили в Орловку, в Воронежский психоневрологический диспансер, в специальный «бокс», больше похожий на тюремный карцер, запретив ему (увидит кто!) прогулки на свежем воздухе.

Раиса Максимовна может быть спокойна; ее брата никто не найдет.

Похороненный заживо, Евгений Титаренко семь лет, вплоть до января 92-го, был изолирован от всех. В 87-ом он перестал узнавать людей, а 14 марта 88-го попытался покончить с собой.

Контроль за Титаренко после суицида ужесточили. Если Евгений Максимович отказывался от пищи, его: а) кормили насильно (по той же «схеме», кстати, что и Сахарова в Нижнем) и б) беспощадно избивали.

Убить было бы проще, конечно, но Раиса Максимовна – человек сердобольный и очень добрый, на убийство она не пошла.

Все эти годы воронежский литератор Евгений Новичихин пытался связаться с «узником Орловки».

Один раз, в 85-м, его подпустили к Евгению Максимовичу – на несколько минут. Врачи объяснили: у Титаренко болезнь Альцгеймера, ему трудно с людьми, но кормят его сносно, жив же... – чего тогда убиваться?³

Александр Исаевич аккуратно выровнял на рабочем столе стопку книг и бодро, почти бегом (где они, его 70 с гаком?), спустился по лестнице вниз.

Двора у него нет – сразу лес, сосны. Это у Матрены был двор – большой, настоящий, двор как приглашение к жизни, как вечность.

А здесь прямо с порога лес: 20 гектаров собственного леса, больше напоминающего тайгу. По окрестностям – там, за забором, – Солженицын почти не гулял: пересеченная местность мешает думать.

Одежда Александра Исаевича – строго по сезону: грубый канадский ватник, похожий на телогрейку, и шапка из рыси. Шарфы и рукавицы Александр Исаевич презираете, так и бродит по лесу – с растерзанной шеей.

Настоящий враг никогда тебя не покинет! Ленин мог бы сообразить, наверное, что ни в какой социализм Россия с ее составом населения не годится; на Кавказе, в республиках Средней Азии не может быть социального равенства, таков их уклад жизни, однако пророчество Вернадского (прежде он не знал этих слов) так задело Александра Исаевича, что он вдруг встал, подошел к книжной полке и раскрыл – наугад – томик Ленина:

...Ничего нет более опасного, как принижение значения принципиально выдержанных тактических лозунгов в революционное время. Например, «Искра» в № 104 фактически переходит на сторону своих оппонентов в социал-демократии, но в то же время пренебрежительно отзывается о значении лозунгов и тактических решений, идущих впереди жизни, указывающих путь, по которому движение идет, с рядом неудач, ошибок и т. д. Напротив, выработка верных верных тактических решений имеет гигантское значение для партии, которая хочет в духе выдержанных принципов марксизма руководить пролетариатом, а не только тащиться в хвосте событий. В резолюциях съезда III Российской социалдемократической рабочей партии и конференции отколовшейся части партии мы имеем самые точные, самые обдуманые, самые полные выражения тактических взглядов, не случайно высказанных отдельными литераторами, а принятых ответственными представителями социал-демократического пролетариата.

³ Последняя жертва внесудебной советской психиатрии, Е.М.Титаренко жив до сих пор. Ни разу за эти годы бывший Президент СССР не интересовался судьбой шурина. И не перевел ему ни копейки. В 92-м, в разгар приватизации, главврач психбольницы, назначенный – кто его назначил? – опекуном Титаренко, продал его однокомнатную квартиру. Жить Евгений Максимович мог теперь разве что на улице. И он, похоже, до века будет в психушке, заживо заточенный здесь без суда и следствия... (Прим. Ред.)

Наша партия стоит впереди всех остальных, имея точную и принятую всеми программу. Она должна показать пример остальным партиям и в деле строгого отношения к своим тактическим резолюциям, в противовес оппортунизму демократической буржуазии «Освобождения» и революционной фразе социалистов-революционеров, которые только во время революции спохватились выступить с «проектом» программы и заняться впервые вопросом, буржуазная ли революция происходит у них перед глазами...

Да, господа: этот поток слов на иностранные языки не переводится! А ведь знаменитая работа, между прочим: «Две тактики социал-демократии»⁴.

Или Ленин, вся его жизнь свелась у Александра Исаевича лишь к банальной скороговорке, то есть – к «нездоровым обстоятельствам России»?

А на самом деле правы враги (враги!) Ленина: этот человек «сыграл поразительную по силе и влиянию роль в истории. В сравнении с ним Наполеон – мелочь»?

Александр Исаевич перелистал «Ленин в Цюрихе», потом «Август четырнадцатого»:

Заколебало, заклубило, замутило все то высокое чистое настроение, с которым Саня сегодня прозрачным утром выехал и насматривался на снежно-синий скалистый Хребет. Как Хребет расплылся, так вдруг и все дорогое настроение его. Вечное борение с искусами, вся наша жизнь, мяса есть нельзя – а хочется, злого делать нельзя, доброе трудно...

Что это?.. Язык гения?.. Текст слеплен из из странных, недоделанных фраз:

А в Минеральных Водах только пройдишь, тут увидят свои станичные, дома рассказут... А ехать в Пятигорск – и вовсе уклонение, вздор. Гостиницы, рестораны?.. Все копейки рассчитаны на билет. Жалко было свое сегодняшнее особое утро...

Это еще не беда, конечно, пока что предбедки, но Набоков убил бы, наверное, за такой натюрморт!

Или права Наташа? В том хотя бы права, что Александр Исаевич озлоблен – сейчас – на весь мир? – Жизнь Матрены – это лагерь. Раковый корпус – Иван Денисович, «В круге первом» и, наконец, «ГУЛАГ» – лагерь, лагерь, лагерь... вся советская жизнь – один лагерь, он не знает ничего и не видит ничего, кроме лагеря, социализм не выдержал перед ним свой экзамен... – тогда где же, в каком обществе он хотел бы сегодня жить?

Где эта страна, где эта улица, где этот дом?

В самом деле: где, на каком утесе, в каком океане стоит сейчас тот монастырь, где его ждут, приютят, внимательный монах приготовит ему, старику, теплую постель, предложит чай с медом и укутает его уставшие ноги старым шерстяным пледом?

Или его угрюмый гений и... покой – две вещи несовместные?

Копелев говорит о нем: твердыня, скала. – Так ведь русские земли испокон веков тверды, в России почти нет ползучих песков, не одарил Господь...

Все тексты Солженицына – это как внутренняя трещина; он пишет очень хорошо и уверенно, только когда он задыхается.

А может быть, Александр Исаевич просто ожесточился? Озлобился? Ведь было от чего ожесточиться и озлобиться! Злость – она же всегда изнутри идет, а изнутри как увидеть человеку самого себя?

...Письмо от учительницы с Камчатки:

...Каждодневные мытарства, мучительный поиск куска хлеба засушного, выстаивание в очередях, обозленные люди вокруг... – все это отнимает силы, лишает не только настро-

⁴ В обмен на легитимность, Ленин (весна 1919-го) заявил, что Совнарком готов поддержать международное признание правительства Колчака и согласиться на аннексию войсками Антанты Мурманска, Архангельска, Владивостока... да хоть бы и всей России! Ленин был готов (и Буллит, посол Соединенных Штатов радостно телеграфировал об этом в Вашингтон), чтобы за большевиками оставались только Московская и Петроградская губернии. Тверь и Ярославль. Черте ней, со страной, лишь бы себя сохранить и хоть какую-то власть...

ния, но и способности к какому-либо творчеству, что в учительской профессии просто необходимо...

Еще бы! Александр Исаевич сам был школьным учителем, он хорошо знает, на себе испытал когда-то эти (да и не такие!) «каждодневные мытарства».

Хожу по магазинам, Александр Исаевич, ищу, чем бы накормить свою маленькую семью, чтобы подешевле и дотянуть бы до зарплаты. Домой попадаю после семи. Кухонно-моечная круговерть забирает еще пару часов. И только около десяти вечера я могу сесть за книги, подготовку урокам, проверку сочинений!

Раньше хотелось чего то необычного, хотелось что то сдвинуть с мертвой точки, хотелось, чтобы из школы выходили личности, а не серая масса. Ночам читала и сама разрабатывала какие-то планы, т. к. нет пособия никаких. И еще – постоянное чувство унижения, нищеты, ведь какая-нибудь толстая и глупая торгашка смотрит на тебя как на ничтожество, потому что ты одета нищенски и в квартиреу тебя нет самого элементарного. Безвыходность!

Уже и души нет, а какое-то месиво внутри...

Александр Исаевич читал письмо – и плакал. Позвал Наташу, ей прочитал, опять плакал...

Если духовные силы найти иссякли, никакое государственное устройство не спасет нацию от смерти. С гнилым дуплом дерево не стоит. Из всех возможных свобод на первый план сразу выйдет свобода бессовестности, это закон.

И все-таки: в России, где почти сто пятьдесят миллионов людей, кто для него, для Солженицына, сегодня... люди?

Вот эта учительница? Конечно! Но ведь это – жизнь при смерти. Кто еще? Люша Чуковская? Чудный человек, светящийся. Конечно! Ирина Николаевна Медведева-Томашевская? Бесспорно. Шафаревич? Кто еще? Боря Можаяв. Якунин? Тех, кому Александр Исаевич с удовольствием пожмет руку?⁵

Один из героев Солженицына, любимых и уважаемых героев, мечтал, чтобы американцы скинули на Россию атомную бомбу:

Если бы мне, Глебу, сказали сейчас: вот летит самолет, на нем бомба атомная. Хочешь, тебя тут как собаку похоронят под лестницей, и семью твою перекроет, и еще мильон людей, но с вами – Отца Усатого и все заведение их с корнем, чтоб не было больше, чтоб не страдал народ, по лагерям, по колхозам, по лесхозам? – Да, кидай, рушь, потому что нет больше терпезу! Терпезу – не осталось!

Черт с ним, с «мильоном», короче, пусть будет новая Хиросима, лишь бы Отец Усатый тоже сгорел в этом огне...

«Мильон» не жалко. И всех не жалко, раз служат Отцу Усатому...

Любимому, уважаемому герою никто не возразил.

Ведь говорил же, говорил Александр Исаевич: если бы в Ленинграде, в 37-м, где Отец Усатый посадил аж четверть города, ленинградцы, весь народ, не прятались бы по своим квартирам, слабея от страха при каждом хлопке парадной двери, а догадались бы устраивать в своих парадных засады (терять-то нечего, ведь наперед ясно, что эти картузы не с добром к ним идут,

⁵ Замечательный детский писатель Корней Чуковский – полукровный еврей. «Чего ждать теперь от детей, если все они выросли на книжках одного жидочка?» – запальчиво (был случай!) воскликнул Александр Исаевич. Чуковскому передали. Он-Люше. Они промолчали. Не задавали ему вопросов. Отвечая, он не мог бы потеряться как человек. В другой раз Корней Иванович сам спросил, что значат вот такие слова: «Система капиталистическая в экономике, в торговле и демократическая в политическом устройстве – по большей части детище евреев, и они же для расцвета еврейской жизни наиболее благоприятны»? Александр Исаевич ответил, что это писал кто-то другой, нет у него таких строк – приписано. В трудную минуту Чуковский предложил Солженицыну свой дом. Солженицын отказался, но ведь предлагали не все. Корней Иванович был первым.

а значит, и ошибиться нельзя, хрястнув с размаха по душегубцу), если бы город вот так, как бы незаметно, восстал бы, НКВД быстро бы не досчитался подвижного состава и своих агентов.

И остановилась бы эта машина смерти...

А может, сам народ сажал в России народ? Четыре миллиона доносов в 37-м в одной Москве! Добровольных доносов – это когда руки сами, по своей воле, не под пытками, тянулись к бумаге? Списано на Сталина и НКВД, но, если бы не сам народ, великий народ (во всем великий!), что могли бы они, Сталин и НКВД?

Ходит, ходит Солженицын вдоль своего забора, вышагивает-вышагивает-вышагивает...

Или это неправильно, глупо, если угодно: ценить людей прежде всего за ненависть ко «всему советскому», за твердость духа в этой ненависти? Гитлер тоже ненавидел «все советское». И Черчилль. А план «Дробшотт»? Глеб не о нем говорит? Или в своей ненависти Александр Исаевич действительно уже вышел из берегов?

Теперь вопрос. (Главный вопрос.) Иосиф Сталин разгромил Адольфа Гитлера. (Точка отсчета мировой мерзости: Гитлер.) Люша Чуковская могла бы разгромить Гитлера? Или Корней Чуковский, ее дед?

А он капитан артиллерии Солженицын, сумел бы разгромить Гитлера?

Только вместе с Россией, где каждый пятый – коммунист или комсомолец, а каждый восьмой – уголовник?

Так где, в каком обществе Александр Исаевич хотел бы жить? Экибастуз – на отшибе, Рязань – на отшибе, Вермонт – на отшибе...

Получается, сузил он свой талант? Разделив страну на «своих» и «чужих»: маршал Конев – туповатый колхозный бригадир, маршал Жуков – холоп, как и все сталинские маршалы (из «Теленка»).

«До чего ж пала наша национальность, – удивляется Александр Исаевич, – даже в военачальниках нет ни единой личности» (из «Теленка»).

Это холопы войну выиграли? Парад Победы в Москве 24.06.1945-го – парад холопов?⁶

⁶ Интересная вещь: мы сегодня (мы все или почти все) судим о Жукове по работе в кино Михаила Ульянова. Не по мемуарам самого маршала, не по книгам о нем, например, Б. Соколова, – нет, книги почему-то отходят в сторону. А перед глазами – Ульянов. Его образ Жукова (хотя современные актеры, Балует и Меньшов, например, их Жуков-это мощно и интересно). Жуков и Ульянов никогда не встречались. Как так? После «Освобождения», Знаменитой киноэпопеи Юрия Озерова, Ульянов играл Жукова так же часто, как Геловани когда-то играл Сталина. – Актер, отдавший, по его собственным словам, «работе над Жуковым несколько лет», не нашел минуту, чтобы просто перейти улицу (оба жили в самом центре Москвы, в двух шагах друг от друга) и – познакомиться? Когда Салтыков и Ульянов создавали «Председателя», Михаил Александрович умолял Юрия Нагибина, автора сценария, познакомить его с Кириллом Прокофьевичем Орловским, Героем Советского Союза и Героем Социалистического Труда, председателем колхоза «Рассвет», в 30-е годы-разведчиком-нелегалом. Ульянов был готов лететь в Белоруссию в любое время, но Нагибин отсоветовал: уж больно сложный, непредсказуемый характер у Кирилла Прокофьевича, хотя именно Кирилл Орловский – прообраз Трубникова! На самом деле Ульянов замечательно сочинил Жукова. И играл он не Жукова, конечно, а свои представления о Жукове, некую мечту, если угодно: Жуков – как исконно русский характер, как живой символ Победы... Если бы Сталин действительно ревниво к Жукову, своему любимцу, разве он доверил бы ему Парад Победы? Разве стал бы он, единственный из маршалов, в 45-м, уже после войны, Трижды Героем Советского Союза? Самое главное: Жуков имел собственный расстрельный отряд. И Ульянов это знал! Он знал, что в мае 46-го, когда на даче у Жукова был проведен негласный обыск, Абакумов, руководитель контрразведки, подробно перечислив все богатства, вывезенные Жуковым из Германии, отдельной строкой в рапорте на имя Сталина указал, что на даче «маршала Победы» нет ни одной книги. Как так? Да так! Память о жестокости «маршала Победы» навсегда осталась в народе. В Сталинграде, например, Жуков чудом не расстрелял Виталия Попкова – будущего дважды Героя Советского Союза и Почетного жителя Москвы. Кто-то (кто?) убедил Жукова, что в трагедии первых дней Сталинградской битвы больше всех виноваты летчики. Попкова и еще шестерых героев (именно так-героев) Жуков поставил к стенке. Не разобрался – некогда было. И герои уже выкапывали себе могилу. Их спас Чуйков. А если бы он на своей «эмке» подлетел бы на пять минут позже? В конце 60-х Жуков и Попков случайно встретились на каких-то военно-исторических «чтениях». – Скажите, генерал-лейтенант... где я вас видел? У меня хорошая память на лица. – Разрешите напомнить, – усмехнулся Попков. – в 42-м, товарищ маршал Советского Союза, вы меня к расстрелу приговорили. На Волге... «Жуков, – рассказывал Попков, – даже бровью не повел. Прошел мимо, не проронив больше ни слова...» Октябрь 41-го, знаменитая Соловьевская переправа, «эмка» генерала Петрова заглохла прямо на мосту. Жуков дошел до бешенства: он не мог проехать! Под руку Георгию Константиновичу подвернулся стальной прут. Шофер «эмки» и политрук, оказавшийся рядом (к слову-отец политолога Сергея Кургиняна), спасались от Жукова, нырнув

Певец своей жизни... певцу нужен забор?

Лев Николаевич утверждал: печататься при жизни безнравственно.

Настоящий, глубокий читатель (даже он!) редко поспевает за настоящими литератором. Теперь вопрос: разве сам Лев Николаевич не сочинял русскую историю? «Война и мир», например? Светлейший князь Голенищев-Кутузов, изгнавший – с Божьей помощью? – эту сволочь, Бонапарта, из России, был, судя по всему, самым осторожным, нерешительным и ленивым из всех российских полководцев.

«Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем!» – восклицал, в сердцах, Багратион. Глубоко презиравший Кутузова. Ужасные, главное – весьма подробные отзывы оставили – для потомков – Ермолов и Раевский, но автор «Войны и мира» их не замечает, да и знать не хочет!..

У Толстого – *свой* Кутузов. Тот, чей профиль выбьет Сталин на блестящем военном ордене, но не тот мертво-обрюзгший Кутузов, сам, своей рукой выкинувший имя своего учителя, Суворова, из торжественного приказа по армии: Суворов, мол, великий полководец, но ему не доводилось, как Кутузову, спасти Отечество...

Долг писателя – «не одно доставление приятного занятия уму и вкусу, строго взыщется с него, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не останется от него ничего в поучение людям», – глупо было бы спорить – верно? Да и кому придет в голову спорить с Гоголем?...

Лет пять назад немецкие коллеги предложили Александру Исаевичу побывать в Освенциме.

Зачем? И на расстоянии ясно: Освенцим – тот же ГУЛАГ, в чем-то и пострашнее. Злоумие Гитлера было еще и в том, что в его ГУЛАГе рядом со взрослыми находились дети. Здесь из них *высасывали* кровь.

– Кулачком, киндер, кулачком! – командовали белокурые немки, называвшие себя врачами. На детских ручонках разрезались вены и в них вбивались трубки. Дети знали: плакать и сопротивляться нельзя, иначе «злые дяди» тебя тут же куда-нибудь уведут.

А как не плакать-то, корчась от боли... – как? Они же дети!

Другой конец трубки вставлялся, но уже через тонкую иголку, в другую руку, взрослую. Иголок не хватало, на детях экономили. В условиях войны кровь негде хранить, поэтому госпитали стояли рядом с концлагерями: кровь брали посвежу, рука к руке...

Александр Исаевич ненавидит Рузвельта и ненавидит Черчилля. За их помощь – в войне – Советскому Союзу. За «второй фронт». За «ленд лиз». За тушенку и шерстяные носки для солдат...

За все! За их помощь ненавидит...

Его слова: «мировая демократия укрепляла советский тоталитаризм...». В 41-м «с этой страной, с этим Советским Союзом» вся «объединенная демократия» – Англия, Франция, Соединенные Штаты, Канада, Австралия... вступили военный союз. Как это объяснить? Как можно это понять?

Пусть бы больше потеряла Россия людей, здесь же почти все – коммунисты, комсомольцы, пионеры...

Ходит, ходит Александр Исаевич вдоль своего забора, вышагивает-вышагивает-вышагивает...

Или прижизненная смерть уже настигла бессмертного?

в ледяную воду. Адъютант Жукова палил в них, как бешеный, но не попал из-за тумана. – А Жуков лично порол Петрова стальным прутком, и в воду-на глазах у всех-летели куски человеческого тела...

46

Над головой Егорки из стороны в сторону болтался старый, облезлый провод с лампочкой; он качался, как на ветру, раскидывая по красным кирпичным стенам жуткие тени.

– Где я? – бормотал Егорка. – Это ад? Да?.. Ад?

Окаемов сплюнул:

– Угадал!

– Тут кто?... – вздрогнул Егорка.

Тени от лампочки истерично дергались на стенах.

– Черти пляшут... Черти пришли... – обомлел Егорка. Катюха, глянь, черти ходят... И – луна над ними, Катюха! Видишь?.. Ты где, Катюха?..

На самом деле человеку очень просто сойти с ума.

– Катюха, ты где?.. – Егорка испуганно искал ее глазами. – А, Катюха? Ты... ты тоже меня бросила, – да?

Фроська лихорадочно, с головой, зарылась в опилки.

– Ка-катюха... – он вдруг завыл.

– Бабу ис-шит... – прошептал Окаемов.

– Да какая баба, Палыч? Девка она подзаборная, я ж тебе сообщала...

Где-то по-прежнему гулко капала вода, и страшно было уже всем, даже Окаемому.

– Ты где, Катенька, Катенька?.. – звал ее Егорка. – Неужто мне и помочь сейчас некому?..

Он немощно уткнулся головой в колени; голова с устатку упрямо валилась вниз.

– Есть кому! – громко сказал Окаемов. – Я – милиция. Внимание, граждане! Выходим по одному. Руки за голову! Слушаем команду: вперед, ш-шагом м-марш!..

Егорка засмеялся:

– Люди! Я ж у вас правда с ума тронулся!.. Голоса вокруг шлындят... Люди, это что? Это конец? Кто скажет, люди?..

Егорка и сам не понимал, кого он зовет.

– Да, это конец, – громко подтвердил Окаемов. – Выходим, сука, по одному.

– Конец-конец... – закричала Ольга Кирилловна. – Руки вверх!

На ментовском языке это называлось «поштопать петуха».

– Че?.. – не понял Егорка.

– Руки вверх, говорю!

Ольга Кирилловна была на седьмом небе от счастья, это же она привела Окаемова в подвал...

– Не сдамси! – вдруг заорал Егорка. – Не дождетися!..

– Не сдаш-си – застрелют, – сплюнула Ольга Кирилловна. – Воин, бля, нашелся...

Фроська с головой зарылась в опилки и замерла, даже дышать боялась.

– А че стрелять-то? – пробормотал Егорка и вдруг опять засмеялся; кажется, он не сомневался, что говорит сейчас сам с собой. То есть раньше это был один Егор Васильевич Иванов, а теперь их, Егор-Васильевичей, двое, потому как Егорка пил-пили допился наконец до полного сумасшествия, как и предрекала ему Катюха.

– Брат! – завопил Егорка. – Братик мой, ты здесь?

Сам меня нашел, да? Давай обнимемся, брат, – и Егорка стал обхватывать воздух руками.

Он радовался, что нашел наконец родного человека.

– Белая горячка, – прошептала Ольга Кирилловна.

– Стреляю... – предупредил Окаемов.

– Стреляй, черт с тобой, – разрешил Егорка; как же это смешно, обнимать руками воздух! Обнял воздух – и вроде как ты уже не один! А может, вдруг кто-то третий появится, но этот... третий... тоже ты!

– Стрелять-то чего?.. – бормотал Егорка. – Дурацкое дело – завсегда подлое...

Окаемов улыбнулся:

– За нарушение паспортного режима.

– А ты-то ис-шо... кто здесь будешь? – не понял Егорка, и какая-то догадка... вдруг смутно промелькнула у него в голове.

– Слышь, вы... ящериубогие! С вами власть говорит!..

Егорка замер. Ольгу Кирилловну, как и голос Наташки, своей жены, он различал в любом состоянии.

Фроська так глубоко зарылась в опилки, что у нее не было даже щелочки разглядеть Егорку, но Фроська все слышала и лихорадочно соображала, как же ему помочь.

– Сщ-а... товарищ участковый в вас гранатой кинется, – предупредила Ольга Кирилловна. – Раз вылезать не вылезайте!..

Все! Теперь Фроська не сомневалась, что она сегодня умрет.

...Как? Я умру?.. Жила-жила... и вдруг умру?..

Егорка перекрестился. Потом навернулись слезы, – за ним пришли, там, за стеной, милиция, а милицию ненавидела вся страна.

– Ты права, Оленька... – Окаемов сообразил наконец, что Егорка так просто не сдастся, лезть за ним придется ему самому, но пачкаться не хотелось. Надежнее всего, конечно, привязать здесь, у лаза, собаку и отойти пока пообедать. Окаемов проголодался. Тем временем подъедет кто-то из младших чинов... вот пусть и занимаются...

Только за собакой надо обращаться в отделение, собаку быстро не привезут.

– Батяня мой, Оленька, в войну... великую чеченов из Урус-Мартана выселял. Врываемся мы, говорит, к чеченам на грузовиках, целая рота... – Окаемов решил передохнуть; надо же понять, что теперь делать, – темень непроглядная, моторы режут, фары слепят... и мы стоим грозно, с автоматами наперевес: «Десять минут на сборы! Всем по машинам!»

А чечены... маленькие такие, грязные, детишков к себе прижимают, трясутся, потому как ночь кругом, а тут автоматы и фары... – вот тогда, сынок, говорил батяня, я и был человек! Свою силу чувствовал. Захочу, говорит, перестреляю их к чертовой матери! И ничего мне за это не будет, потому что товарищ Сталин сказал, что чечены Родину предали, Гитлера полюбили...

– Во как...

– Очень хорошо, я считаю, что тогда все на свете русские решали. Везде порядок был.

– Мы, Палыч, великий народ, – подтвердила Ольга Кирилловна. – Мы запросто можем всех перестрелять. Я вот думаю: может, их правда гранатой? Примите решение, товарищ капитан.

– Не, Оленька, не! Здесь собачка нужна... Конкретно натравленная.

– Верно Палыч, ой как верно, – лепетала Ольга Кирилловна, заглядывая Окаемому в глаза. – Тут же пробочкой выскочут...

Егорка застонал.

– Эй товарищ... – тихо просил он. – Пожалуйста... не надо песиков. У нас ребеночек тут живет.

– Какой, бл, ребеночек?.. – вздрогнул Окаемов.

– А?..

– Дети, говорю, откуда?

Они испуганно переглянулись с Ольгой Кирилловной.

– Где ребенка украл?

– Зачем... украл?.. Крыса больная... с нами живет, – испугался Егорка. Ее ж испугать можно... песиком...

Он застонал, обхватив голову руками.

– Ну и вылазь, – гаркнул Окаемов. – Личность твою установим, и сразу отпущу. Слово русского офицера!

– Егоркой меня зовут! – крикнул Егорка. – Иванов я... Русский! Егор Васильевич! Я ничего плохого не делаю... честное слово! Крест даю!

– А девка где?.. – насторожилась Ольга Кирилловна. – Девка куда деласи?

– Так гуляет где-й-то... Я ей что, надсмотрщик? Сам переживаю, не обидел бы кто! С вчера ис-шо ушедши. А где – не скажу, потому как ведать не ведаю, товарищ! Проснулся, ее нет...

– Считаю до двух, – громко повторил Окаемов. – Или вылазь, или пуля в живот!

– Зачем пуля? – закричал Егорка. – Зачем?

– За нарушение паспортного режима.

– А?

– Закон у нас такой. У милиции. Мы стреляем, когда хотим. Р-раз...

– Да какой я гражданин? – пробормотал Егорка. – Засранец я, самому ж неловко...

Он поискал глазами Фроську и вдруг увидел кончик ее хвоста. Вот радость-то, хоть крыска здесь...

– Мудофлоты!.. – вдруг истошно завопила Ольга Кирилловна. – Товарищ Окаемов, глянь! Это ж мой бидон, бл!.. Это ж... меня грабанули, Окаемов! Ты... ты слышишь, меня? Участковый! Мой!

Окаемов не слышал:

– Два...

– Палыч, Палыч... прикинь! – теребила его Ольга Кирилловна. – Это же меня наказали! Эти двое! Они уперли, срань чертова! Такой бидончик был... Новенький! – всхлипнула она. – Это что ж... они в квартиру мою залезали?! В квартиру? Через балкон? Нет, все! Теперь все! Сча я сама им нутреца выну...

– Два с половиной...

– Слышишь?! Дай же пистолет! – вцепилась в него Ольга Кирилловна. – Дай, Окаемов! Я их пристрелю, СА-ма-а!..

Егорка выдернул из опилок Фроську и осторожно взял ее на руки:

– Я иду... Товарищ милиция! Я иду!

Фроська пискнула, но не от страха: Егорка так резко ее поднял, что из ранки брызнула кровь.

– БГ-х...

– Больно, да?

– БГ-х...

– И мне больно, милая, – прошептал Егорка. Ты уж потерпи, роднушка, потерпи... И я тоже потерплю...

– Окаемов, Окаемов... – стонала Ольга Кирилловна. – Дай пистолет, Окаемов!

– Лезет... лезет, ек-макарек, потер руки Окаемов. – Все, Оленька, лезет...

Фроська тоскливо взглянула на Егорку, и в этот момент глаза ее закатились. Лампочка, висевшая у Фроськи под носом блеснула и вдруг – погасла, будто бы разорвалась.

Их... х...х...

Смерть, это ты?

Да, это смерть. Она самая.

Покой, какой покой...

Егорка тоже не сразу понял, что его крысы больше нет. Так он и вылез – с Фроськой на руках, прижимая ее к груди, потому что никто, кроме крысы, не мог сейчас его защитить.

Егорка был уверен, что Фроська – это его ребеночек, а с ребенком на руках Егорку точно никто не тронет, ибо нельзя обижать людей, у которых маленькие дети. Большие люди – тоже люди, они закон знают, ведь он, Егор Иванов, не сделал никому плохого, разве только Наташку обидел, жену свою, потому как ушел от нее незаметно...

Но он же по делу ушел, у него цель была, он хотел свою Родину спасти...

Егорка был как дикобраз: с перепоя он еле-еле двигался, но мертвую Фроську от себя не отпускал, покрепче прижимая ее к груди.

Он был уверен, что Фроська – это его ребенок, он не понимал, что Фроська умерла, он вообще сейчас ничего не понимал.

Увидев Фроську, ее стеклянные глаза и запекшуюся кровь, Ольга Кирилловна стравила, бедная, прямо на сапоги Окаемова.

– Это че за хрень... – Заорал Окаемов, не успев увернуться.

– Ох, Палыч, ох...

Ольга Кирилловна отошла подальше к кирпичной стене, но от этого лучше ей не стало.

Ударом изгаженного сапога Окаемов тут же вышиб Фроську из Егоркиных рук:

– Чисть, сука! Чисть сапоги!..

Окаемов поднял Фроську, размахнулся и так вмазал Фроськой по кирпичной стенке, что она от удара растеклась, как блин по сковородке.

– Чисть блевотину, тварь! Чисть, сука, чтобы блестели!

Егорка окаменел. Он давно не видел милиционера так близко перед собой.

«Убили крыску, – подумал Егорка. – Значит, я следующий...» Бомжи всегда готовы к смерти, – Егорка стоял на коленях, но даже на коленях он сейчас чуть-чуть шатался: столько в нем было водки.

Окаемов еще раз пнул его сапогом:

– Счищай, сука!.. Языком счищай, понял? Языком, говорю! Не то сапогом в морду дам!

Ольга Кирилловна хотела что-то сказать, но рвота била фонтаном. – Откуда в крысах столько крови, а? кровь ручейками ползла со стены на опилки, и под ногами у Ольги Кирилловны появилась целая лужица. От мертвой разорванной Фроськи шел такой запах, что Окаемов сразу вспомнил их ментовскую общагу на Садово-Кудринской в Москве и практикантов из далекого Вьетнама, которые на общественной кухне из вечера в вечер жарили селедку. Запах жареной селедки – это боевое отравляющее вещество! Вьетнамцев били, долго, с внушением, безжалостно, но вьетнамцы все равно жарили селедку, ибо без селедки они не могли.

– Мама дорогая! – завывала Ольга Кирилловна. – Сп... ть бидон, это ж... этож...

Она не могла говорить.

– Отставить бабьи радости, сволочь! – рявкнул Окаемов. – Молча блюй, тихо и благородно. Не позорь органы... внутренние...

Сам Окаемов был родом из Юхнова. Тихий, приятный городок близ Москвы, туда-сюда – одним днем обернешься, но ведь Москва нынче – какая-то другая планета, хорошо, что не все русские живут сейчас в Москве, вот ведь чем надо гордиться!

– Чисть, сволочь... – кричал Окаемов. – А оброс-то, оброс... как мамкина писька, прости Господи...

Егорка схватил песок и быстро, обеими руками, стал вычищать милицейские сапоги.

– Хорошо или ис-шо?.. – спрашивал Егорка, подобострастно заглядывая Окаемому прямо в глаза. – Я ведь и исшо могу, товарищ капитан, мне незападло...

На Егорку смотрел человек, не знавший жалости.

Весной, в апреле, Окаемов потерял мать. «Бабушка» (маму последние лет двадцать он звал «бабушкой», было ей почти 88) долго болела, не выходила из своей комнаты, ноги уже были не ноги.

Срок пришел, последний срок: мама устала от болезней.

Жить устала, вот что...

Она тихо сидела – с утра до вечера – в большом уютном кресле у торшера, смотрела телевизор, хотя уже почти ничего не видела...

Место на кладбище (Окаемов подключил разное начальство, но время теперь такое, что все решали только деньги, а Окаемов был жадноват, копил на старость: кто знает, что его ждет там, впереди), – могилу бабушке назначили черте где: Тушино, у Кольцевой.

Радуйся, говорят, Окаемов, что не Звенигород; когда Иван Данилович Шухов, начальник их управления потерял старшего брата, ему (при его-то связях!) предложили только Звенигород. Там вокруг города леса, и их постепенно, упрямо вырубали под кладбища...

Окаемов поехал в Тушино. То, что он увидел на кладбище, это был не шок... нет, больше, чем шок, потому как шок проходит рано или поздно, а здесь – память на всю жизнь.

Каждая могила как помойка. Пустые консервные банки, бутылки, везде кучи строительного мусора, рядом, похоже, стройка была, отвалы – далеко, да и дорого, поэтому весь мусор со стройки сваливали прямо здесь, на кладбище, между могил.

Место глухое, что ж не воспользоваться, – верно?

Какой народ – такие и погосты.

Разве в Европе такие кладбища?

А в Азии?..

Только в России, между прочим, на кладбищах идут перестрелки и взрываются бомбу. Кого-то сразу здесь же закапывают, в свежие могилы.

Сыщи потом труп...

Маму Окаемов кремировал. Сам забрал ее прах, подделал документы и похоронил маму у дома, на их семейной дачке, под Загорском.

Здесь ее могилку никто не изгадит, не замусорит, здесь ей точно будет лучше, здесь ее не обидят...

В России людей могут обидеть даже после смерти, в России и мертвых надо защищать как живых...

– А, бля... твари, твари! – завопил вдруг Егорка и зубами, как овчарка, вцепился Окаемому в голень. Его зубы хрустнули, но остались целы, хотя штаны Окаемому он точно прокусил.

Главную правду русского человека всегда сообщают только матом.

– Получи, зажученный, получи, – орал Егорка, кромсая милицейские штаны, – за все, лягаш, получи!.. Убей меня, убей... я ж тебя, изверг, все равно не боюсь!

Онемев от дерзости, Окаемов занес было руку, чтобы разбить Егорке череп, но Егорка вскочил и рванул на себе нестиранную майку:

– Остопиз... ли, твари! Не сберегся я от людей! Стреляй в меня, лягаш, стреляй! Прямо сца стреляй, потому как я вас всех ненавижу!

Он ползал по песку, хватал Окаемова за ноги и что-то кричал.

Странно, но Окаемому вдруг стало его жаль.

– Стреляй, стреляй, блядонос!.. – орал Егорка. – Я ж и такдохнутый, мне че вас бояться, если я жить не хочу?!

Окаемов усмехнулся:

– В Бутырку спровадим, и будешь там немножко не живой!

На днях аркадий Мурашов, новый милицейский начальник, проводил в главке совещание. И раз пять, наверное, повторил, что в России сейчас другое время, поэтому милиции надо заботиться о своем народе.

Интересно, – а он сам пробовал любить этот народ?

Окаемов знал: сейчас Егорку свезут в Бутырский замок. В других СИЗО плохо с камерами, с местами, а в Бутырке недавно был ремонт, и тюрьму – расширили.

Из тех, кто оказался в Бутырке. Никто, ни один человек, не вышел в этом году на свободу. Такое ощущение, что Бутырка просто пожирает, как Минотавр, людей, оказавшихся в ее лабиринтах.

Судьи, особенно в судах первой инстанции, так бояться прокуроров и следователей, что оправдательных приговоров практически нет. В самые страшные сталинские годы было – в среднем – 12-13 % оправдательных приговоров по году. Сейчас, в 92-м, – 0,4 %; об этом, кстати, Мурашов тоже говорил. Он – демократ, и такая статистика его удручает.

Может быть, завтра что-нибудь изменится?⁷

– Иди... – и Окаемов пнул Егорку сапогом.

Пнуть – пнул, но уже не больно.

– Вставай, падаль...

Егорка вскочил, но снова упал: подкосились ноги.

– Лучше стало, – радостно сообщила Ольга Кирилловна, вытирая рот.

– Лихо тебя прорвало, коллега... Обвал в горах.

– Отметить бы, Палыч... – напомнила она.

Окаемов не ответил. Он схватил Егорку за шиворот и потащил его на улицу.

Егорка не сопротивлялся: воли уже не видать, но кому нужна такая воля, если людей обижают на каждом шагу?

⁷ Нет. Не изменилось. В 2016-м, например, суды различных уровней вынесли в Российской Федерации менее одного процента оправдательных приговоров. Хуже, чем в России, дело обстоит только в Папуа-Новая Гвинея. Правда, нет никаких данных по КНДР... (Прим. ред.)

47

– Так вот... – чмокнул Гайдар. Чмокал он губами, но казалось, что у него говорящие щеки. – Я предлагал Борису Николаевичу: назначайте премьером кого угодно, но с условием – этот «кто-то» сразу, с ходу начинает реформы. Поэтому когда Борис Николаевич выбрал меня, когда пошли разговоры (почему-то я их не испугался), что именно Гайдар должен взять на себя всю ответственность за хозяйство страны... – слушайте, тогда, в 91-м, это не воспринималось э... э... как подвиг или как... представление к ордену!

Караулов видел: Гайдар уверен в себе, это подкупает, ему нельзя не верить...

– В сентябре прошлого года, Андрей Викторович, инфляция подходит к критической отметке. По расчетам центра конъюнктуры – 29 %, по Госкомстату – 26 %. В любом случае – это предельно близко к экстремально высоким значениям. Явная, Андрей Викторович, тенденция к катастрофе.

Почему академик медицины Святослав Федоров, рыночник до мозга костей, в тот момент, когда Борис Николаевич предложил ему пост премьера, согласился, но... не сразу и как-то через губу? – «Меня убьют, меня убьют», – повторял Федоров. Другие кандидаты, Полторанин и Рыжов, отказались сразу, без раздумий, хотя Полторанин сейчас критикует меня на каждом заседании правительства...

Вдруг – что-то произошло и Гайдар остановился.

– Передохнем, господа. Буквально минуту.

– Стоп! – приказал Караулов.

В комнате стало тихо.

Гайдар повернулся к пресс-секретарю.

– Как я говорю?

Он полез за платком.

– Как всегда, как всегда... – успокоила пресс-секретарь.

– Мне не надо как всегда! – обиделся Гайдар. – У нас не рядовая передача, все будут смотреть...

Воспользовавшись паузой, Наташа, жена Караулова, принесла Гайдару стакан воды.

– Спасибо, – улыбнулся он. – Большое спасибо...

Караулов встал, снял петличку с микрофоном и прошелся по комнате.

– Егор Тимурович, надо побольше ярких фраз. Типа: «русские после первой не женятся...» Или – «пьяная женщина – легкая добыча, но тяжелая ноша...» – Я шучу, разумеется, но поймите: телевидение – это грубое искусство, здесь грязь становится еще грязнее и лезет вперед. Надо побольше конкретики! И цифр. Сделано то-то и то-то, успех не везде, чаще у нас полная жопа... про жопу, к стати, не бойтесь, вы ведь трагическая фигура... – вот и давайте!..

– Поехали, – согласился Гайдар.

– «Он сказал – пое-е-хали, и взмахну-ул рукой» – пропел Караулов. – Парни, работаем!

Гайдар закинул голову назад, пытаясь вспомнить, где его оборвали. Он заговорил быстро, без разбега, нервно набирая темп, и его губы напоминали щупальца медузы: он грубо, с шумом всасывал воздух и так же с шумом выдыхал его вместе со словами:

– ...и я понимал, понимал, Андрей Викторович, мне придется отвечать перед обществом, потому что, спасая страну от паники, правительство наобещало несоизмеримо больше, чем могло бы выполнить!

– А зачем было обещать? – спросил было Караулов, но Гайдар увлекся и не услышал вопрос:

– ... Нам удалось убрать ряд глубочайших структурных диспропорций! И да много что... удалось, хотя, вот добавлю сейчас самоиронии, Андрей Викторович... я плохо понимаю, на самом деле, что же в итоге у нас получилось... Вот... честно говорю.

– В каком смысле?

– В прямом.

– То есть у нас теперь... ни социализма (тот же госзаказ), ни рынка...

– Э... э... немного социализма осталось, конечно, – улыбнулся Гайдар, – немного рынка – появилось. Гибрид какой-то... Ну да, что-то вроде этого...

– Так вы уже год у власти... – напомнил Караулов.

– Это много или мало, Андрей Викторович? За свое кресло, говорю же вам, я совершенно не держусь...

– При чем тут «кресло»? Когда второй человек в государстве, подводя итоги собственной работы за год, не знает... что сказать?

– «Второй человек в государстве» – это сильно сказано, – возразил Гайдар. – Но я согласен, конечно, мою работу не оправдывает тот факт, что наше правительство в 92-м не имело еще той силы, как думали многие.

Если ты не можешь снять главу какой-нибудь городской администрации, хотя твердо знаешь, что он – враг твоих реформ... – да, становится очень обидно, конечно. Тот же Лужков...

– Что Лужков?

– Гадит.

– Исподтишка?!

– И публично тоже...

На самом деле Караулову было очень приятно, конечно, что камеры стоят не в кабинете Гайдара, а здесь, в его квартире на Делегатской. В большой железной клетке, накрытой тряпкой, сидел Борька – его любимый кенар. Во время съемок Борька никогда не выступал, ценил, наверное, человеческий труд. А тут вдруг заверещал – как ужаленный.

Может быть, Борька тоже не любил Лужкова?

– Выходит, в Кремле – свое правительство, в столице – свое, – усмехнулся Караулов. – И два премьера?

– Надеюсь, что нет, Андрей Викторович, Боливар не выдержит двоих! Но Лужков, который ужасно гордится, что Москва всячески поддерживает оборонный комплекс, и отрицает свободу экономики, ссылаясь на жесткую связанность ведущих отраслей российской промышленности... – ну что же, Юрий Михайлович: кесарю – кесарево, а Богу – Богово, как говорится. Замечено давно.

Борька то ли пел, то ли издевался над Гайдаром, – кто его разберет?

– В нашей скрупулезной работе по созданию в России экономики с человеческим лицом, – продолжал Егор Тимурович, – Лужков отрицает уже тот факт, что выход из СССР республик с легкой промышленностью не оказался для России большой проблемой. Хасбулатов кричит: реформы Гайдара в громадной степени обогатили 8-10 % населения; эти люди получили государственную собственность на сумму в 300 миллиардов долларов. – Я спрашиваю: что здесь плохого? Если каждый 15-й гражданин России в скором времени станет миллионером, разве это плохо?

– Хорошо, «Норильский никель»...

– И что?

– Там, за Полярным кругом.

– Понимаю. И что?

– Платина, золото, драгметаллы...

– Ну-ну...

– Также в частные руки?

Кенар Борька вдруг радостно завелся в руладе, а Гайдар искренне, даже как-то по-детски, удивился:

– Почему же нет? Объясните!

Никогда прежде Гайдар не снимался под пение птичек.

– Чистая прибыль около миллиарда долларов в год. Это что за руки счастливые? Чьи?

– Все через аукцион, Андрей Викторович. Аукцион покажет.

– Да?

– Да.

– Вы уверены, что Владимир Долгих выиграет аукцион?

– Шутите?

– Не шучу, Егор Тимурович! Дважды Герой Социалистического Труда Владимир Иванович Долгих не может приобрести родной «Норникель», хотя он когда-то его создавал. Строил-строил, потом секретарем ЦК стал (в ЦК, кстати, неплохие зарплаты были). А не заработал! Не хватит на «Норникель» его кошелька! Но без Долгих, и таких, как Долгих, «Норникель», Егор Тимурович, умрет. Из 300 миллиардов, о которых сказал Хасбулатов... вы его цитировали... половина активов уже умерщвлена новыми хозяевами, обобравшими свои заводы до нитки... Приватизация в стране, где такое количество криминала и столько разных народов (у каждого народа – собственный криминал, который считает себя главным в государстве), это... странно, Егор Тимурович!

– А вы... что же, Андрей Викторович, думаете, в Европе мало криминала?

– То есть смысл реформы, – уточнил Караулов, – заменить государство на любого частного – например, господина Бендукидзе, нынешнего владельца еще одного гиганта, «Уралмаша». – Каха Автандилович Бендукидзе торговал всю свою жизнь цветами на рынке в Кутаиси. В этом году переехал из Кутаиси сначала в Москву, потом в Екатеринбург и стал – вдруг – машиностроителем.

Цветы – ваучеры – «Уралмаша». Осталось, Егор Тимурович, всего-ничего: подождать, пока Каха Автандилович разберется в среднем машиностроении...

– Ну...

– Или мой товарищ по ГИТИСу Саша Паникин, – продолжил Караулов. – Добрый и заботливый парень, но вот беда: учиться Сашке было некогда. Он сутками торчал в переходе на Пушкинской, где продавал – с рук – «мышек-норушек».

Знаете, «мышки» такие... прыгают на резиночках. Вверх-вниз, вверх-вниз...

– Принципиальная ошибка, – воскликнул, улыбаясь, Гайдар. – В истории с «Уралмашем» важны те доллары... живые доллары... которые Каха Автандилович готов вложить в «Уралмаш». Смысл реформ предельно ясен: даешь свободу! А свобода, я согласен, выкидывает на поверхность самых разных людей. В том числе и подозрительных, с рынка в Кутаиси, это я не отрицаю...

– Или Азарий Лapidус. Строитель.

Гайдар внимательно смотрел на Караулова:

– Кто?

– Лapidус. Или – Лапедус... не помню точно.

– А это кто, Андрей Викторович?

– Так вам лучше знать... – воскликнул Караулов. – Правительство России, то есть вы... вы, Егор Тимурович, поручили Азарию Лapidусу реставрацию Большого театра России.

Прежде Лapidус строил коровники под Костромой. А тут выиграл конкурс: Большой театр.

Почему же не схватить? Полтора миллиарда госзаказ!

– То есть, через конкурс, официально, – согласился Караулов. – Еще как официально! У них – самая дешевая смета калька с коровников, так они вам какую угодно смету нарисуют, лишь бы заказ схватить!

Не бойтесь, Егор Тимурович, что квадрига Клодта еб... ляжет прямо в фонтана Театральной площади? Под топором Лapidуса? А?..

Гайдар замялся:

– На самом деле, Андрей Викторович, жизнь гораздо более стереоскопична, чем мы думаем. И я не могу не сказать сейчас несколько слов о президенте Российской Федерации. В 91-м Егор Гайдар был, извините меня, мало кому интересен. За все отвечал Президент...

– А вы не бойтесь, – взорвался Караулов, – что лапидусы сейчас вырвутся вперед и потащат за собой все общество? И мы все, хотим мы того или не хотим, будем жить только их головой? Но эти люди всегда хотят больше, чем могут съесть, у них аппетит...

– Не боюсь, Андрей Викторович! Знаете почему? Потому что рынок в России уже был. До одна тысяча... семнадцатого года. Это при рынке Чайковский писал «Пиковую даму», Мусоргский – «Бориса Годунова», а Лев Толстой – роман «Воскресение», мою любимую книгу...

Рынок не отрицает мораль!

– То есть ваша линия – пробираться между? – уточнил Караулов.

– Да. Именно так, господин ведущий. С реформами связан огромный социальный риск...

– Остановимся, – вдруг прервал его Караулов. – Стоп. Оператор Володя удивленно скинул наушники.

– Стоп, стоп! – повторил Караулов. – Здесь я хозяин.

– Что... что вы себе позволяете?.. – прошептала девушка пресс-секретарь, испуганно оглянувшись на Гайдара.

Караулов встал.

– Дорогой, многоуважаемый Егор Тимурович...

Он понял, что передачу – уже не спасти и ближайший понедельник будет нечем закрыть, а это катастрофа. Не было случая, чтобы Караулов сорвал эфир. А тут эфир срывает премьер-министр – ничего себе!

– ...Цель разговора, Егор Тимурович... – осторожно начал Караулов, – показать всем советским зрителям Гайдара-человека. Реформатор как жертва времени. Тяжелых обстоятельств в России. Нам не нужен и не интересен Егор Гайдар, реагирующий на все через губу. Я спрашиваю вас о судьбе «Норильского никеля»...

– Егор Тимурович никому ничем не обязан, – отрезал Караулов. – А ты, милая, сиди и помалкивай.

– Говорите, говорите, Андрей Викторович... – вздохнул Гайдар. – Я слушаю. Надо послушать, друзья.

– Мы рассуждаем о Норильске, где живут 300 тысяч человек. В ответ слышу...

– Давайте переснимем! Друзья, Андрей Викторович абсолютно прав: я действительно увлекся теософией реформ. А людям важно, сколько завтра будет стоить хлеб.

– Вы знаете... сколько будет стоить хлеб? – удивилась пресс-секретарь. – Эфир через три дня, – так?..

– Бегущую строку дадим! – хмыкнул Караулов. Вся эта комедия его раздражала.

– Господа, я действительно не знаю, как быстро дорожают сейчас хлебобулочные изделия, но... – Гайдар примиряющее улыбнулся, – но... продолжаем, коллеги!..

– Новую пару, – приказал Караулов. – Быстро!..

Олеся, режиссер монтажа, принесла кассеты.

– Накинь на Борьку тряпку, – попросил Караулов. – А то он опять что-то скажет...

– Дадите – накину, – вздохнула Олеся.

Гайдар вопросительно смотрел на Караулова:

– Работаем?

– Итак, «Норильский никель»! Прошу вас, Егор Тимурович!

Собираясь с мыслями, Гайдар даже чуть запрокинул голову.

«Благородная тишина, в ней есть что-то молитвенное...» – Караулов обожал, когда люди готовятся к съемкам, и всегда в такие минуты вспоминал Ремарка.

– Но я, Андрей Викторович, если позволите, все же доскажу сейчас про 91-й, – извинился Гайдар. – Хочу напомнить: мы тогда были в безнадежной позиции. Ну вот... э-э... как в шахматах, аналогия... интеллектуально вполне состоятельная: вы можете обострить игру, пожертвовать ферзя, гарантированного места нет, зато есть шанс уйти от неминуемого поражения!..

Мы... – он старательно подбирает слова, – ... мы дружно, всей командой, говорили Президенту: Борис Николаевич, ситуация трудная, но решение есть. За него придется серьезно заплатить, но в результате...

– А что в результате? – завелся Караулов. – Что, Егор Тимурович?! Девочка Катя мечтала не о принце, а о придурке и, выйдя замуж, не получила моральную травму – в отличие от своих подруг...

Гайдар остановился.

– А при чем тут Катя?

– Сейчас отвечу, – извинился Караулов. – Я хочу задать вам вопрос.

– Пожалуйста, пожалуйста...

– Вы русские народные сказки давно перечитывали?

– Хо! Младшему уже не читал, Андрей Викторович! Значит, давно.

– Вы обратили внимание...

– ...старшему читал!..

– ...что в русских народных сказках никто не работает?

– Общеизвестный факт, Андрей Викторович, – оживился Гайдар, – неоднократно упоминавшийся исследователями российской истории.

– Тогда на что вы надеялись, начиная реформы? Или правы те оппоненты Гайдара, кто пишет, что Гайдар совершенно не знает Россию?

Странно, но Гайдару показалось, что разговор – налаживается.

– О своей стране, Андрей Викторович, я сужу не по народным сказкам и поэтому утверждаю: у нас в стране огромное количество высококвалифицированных людей. Через 5-7 лет мы станем одной из самых индустриальных держав мира! Мы обязательно догоним и перегоним Америку, хотя бы по ракетам, только если у Никиты Сергеевича это был мотив... почти сказочный, то мы – прагматики. И я очень хочу чтобы каждый чиновник строго знал бы сейчас свое место: только так, уважаемый ведущий, мы избежим жесткой коррупции, которая разъедает сегодня наших соседей – например, Украину...

Караулов понял, передачу не спасти. Попцов обожает Гайдара, а цензуру на РТР отменили только на словах.

– А о том, как господин Владимир Шумейко, ваш коллега, у себя на даче мебель жег подаренную... вы уже слышали, – да?

Из карельской березы?

Насторожились все, даже оператор Володя.

Гайдар помрачнел:

– Мне не хотелось бы, Андрей Викторович, говорить на темы, которые плохо знаю. О том, что Владимир Филиппович... что-то там сжег, я узнал вчера. Из вашей статьи. Кажется – в «Независимой газете!».

– Понравилась?

– Статья? Нет. Вы пишете о якобы коммерческой близости Якубовского и Владимира Филипповича, но вопрос о Якубовском, об этом... действительно странном назначении в пра-

вительстве... сейчас закрыт. Я завизировал указ, но меня ввели в заблуждение, по этому поводу было проведено внутреннее расследование. Если бы ваша статья, Андрей Викторович, появилась бы на пол года раньше, все вопросы по Якубовскому решились бы, уверяю вас, намного быстрее...

– А мебель из «карелки» – это не коррупция?

– Я не Генеральный прокурор. И Якубовский – ваш друг, а не мой.

Караулов устал, и разговор на самом деле потерял смысл.

– Согласен, Егор Тимурович. Но господин Шумейко – ваш первый заместитель. И он уже ответил мне – на первом канале, в программе «Личное дело».

– Вы ставите меня в затруднительное положение... – начал было Гайдар, но Караулов опять его перебил:

– Работа такая. Дайте секунду, и я процитирую Шумейко дословно.

– Только коротко.

– Конечно! «Одно время у меня во внештатных сотрудниках работал Якубовский. А он – друг Караулова. По-моему, они вместе в школе учились...

Якубовский говорит: Владимир Филиппович, вы не хотите сходить на «Момент истины»? – «А что такое «Момент истины»? – спрашиваю. «Это известный журналист Караулов, к нему все хотят попасть и, знаете, просто так не попадают, обязательно надо деньги заплатить».

Я спрашиваю «Большие?» «Да нет, – говорит, – 20 тысяч долларов». Я говорю: «Да что же это за передача такая? Я таких денег не стою, обойдемся, а если бесплатно – то да». Он говорит: «Ну он же мой друг, я договорюсь».

И произошла эта передача – «Момент истины». Первое, что мне не понравилось, Караулов сказал: «Владимир Филиппович, мы сейчас материал наснимаем, потом вы ко мне приедете, потом вы ко мне приедете и мы будем монтировать то, что выйдет в эфир. Вы мне показывайте, где шероховатости, мы это уберем». Вот он эту передачу монтировал, и то, что я попросил убрать, он все это, наоборот, оставил. Мне это крайне не понравилось, и после того, очевидно, этот Дима Якубовский не заплатил ему деньги, и вот Караулов в одной из передач, глядя... вот так...» – тут, – Караулов отвлекся, – господин Шумейко, Егор Тимурович, попытался меня изобразить: скорчил поганую рожу, – «... глядя вот так, говорит: есть люди интеллигентные, а есть не интеллигентные, для меня они чем отличаются: интеллигентный человек – он благодарный, а Шумейко – неблагодарный!».

Я думаю: родной, ни копейки тебе не дам и не обещал никогда, да и нет у меня таких денег...»

Гайдар скучал, но он не мог оборвать Караулова – стеснялся.

– Вот Егор Тимурович, уровень первого вице-преьера, пойманного на гарнитуре с поличным. Беда не приходит в одиночку. Всегда с понятиями.

– Сильно, – кивнул Гайдар. – Сильный текст, не спорю...

– Я спрашиваю: Шумейко, ты зачем мебель уничтожил? Взял? Испугался? Детям отдай! Сиротам! От страха, что Коржаков узнает? Так он и так узнает!

– Андрей Викторович, – взмолился Гайдар. – Свобода прессы – это...

– ...карельский гарнитур! Ручная работа!..

– ...вы тоже хотите, чтобы Егор Гайдар отвечал сейчас за все? Вспомните какой-нибудь...

88-й, все эти полуинтеллигентские разговоры: рынок – да никогда, где мы найдем в России такое количество предпринимателей, бизнесменов, банкиров и т. д. Я тогда в шутку говорил: выпустим всех, кто сидит по линии ОБХСС, и у нас такие предприниматели появятся, – о! Мы воплощаем сейчас самый масштабный приватизационный проект в истории человечества. Я понимаю, многие страдают: больно Леониду Зорину, больно моему старику-отцу... не на Луне

ведь живу, я все вижу. Но, когда ты разворачиваешь страну к жесткой экономике и реальному смыслу, не может быть иначе...

– Значит, смысл реформ, Егор Тимурович...

– В свободе. В свободе человека от государственного аппарата... – вот почему я не верю в любые апокалипсические прогнозы, ибо они основаны на ощущении собственного бессилия и безответственности, а это тема, которую здесь совершенно не хочется обсуждать...

Гайдар устало отвалился на спинку кресла.

– Отличный финал, – вздохнул Караулов. – Спасибо. Больше не надо, я в стол не пишу.

– Уже все, – улыбнулся Гайдар. – Так быстро? Ну что же коллеги... Все так все...

– Налить Егор Тимурович? Может, виски?

– Нет-нет, не заслужил! Так, что мы... – он посмотрел на часы, – имеем?.. Всего пять?

Пять часов? Быстро, быстро работали...

Кенар Борька, с которого Олеся сняла тряпку, тут же отметился трелью.

Гайдар вопросительно посмотрел на пресс-секретаря:

– Я был убедителен?

– Сто процентов, – строго кивнула девушка.

– И обаятелен, и мил, – Караулов зло оторвал от пиджака черную петлю с микрофоном.

– А у меня даже голова прошла...

Гайдар не понимал, что над ним смеются.

– Приезжайте чаще, – предложил Караулов.

– Зовите, зовите... – улыбался Гайдар. – Для вас, Андрей Викторович, я всегда рядом, искренне вам говорю...

48

Коржаков не знал, что ему делать с Руцким. Какой, к черту, «вираж», скажет шеф... они ведь великие, наши начальники, сами камни таскать не хотят, других заставляют...

Политика по-русски: один пьет, всех остальных тошнит от зависти!

А Руцкой, между прочим, набирает очки. Бабы, самый примитивный российский электорат, от него просто без ума, особенно от его усов. – Ладно... бабы, у экстаза есть пределы, но: 1) армия, офицерский состав: все за Руцкого; 2) ветераны; 3) деревня, хотя с деревней чуть проще, конечно, для деревни нет героев, полнейшая апатия, вот разве что... Руцкой.

На самом деле он давно просит Бориса Николаевича о личной встрече. Но шеф (характер, черт возьми!) запретил – всем – любые контакты с Руцким. Пусть хоть гражданская война будет... – прорвемся!

С Дудаевым, кстати, такая же история. Борис Николаевич непоколебим: для врага, говорит, либо пуля, либо веревка. Вот и весь сказ... уральский.

Зато с Зюгановым, с коммунистами, железно договорились: если вдруг что-то начинается, на баррикады КПРФ не выходит. Наоборот, Зюганов сам, в прямом эфире Первого канала, призовет своих сторонников сидеть по квартирам. Объяснит товарищам (объяснять он умеет), что их час еще не пришел, настоящая битва Коммунистической партии с «компрадорским режимом» Ельцина – впереди. А пока надо копить силы и не поддаваться на провокации...

Зюганов – выдающаяся находка. Вот с кем Президенту невероятно повезло: с такой «опозицией» Ельцин до века будет в России Президентом.

Ира, любимая жена, месяц не разговаривала с Коржаковым после того, как Мишка, их внук, спросил:

– Деда, с кем твоя работа связана?

Коржаков никогда не обманывал:

– С проститутками, Миша!

...Банкиры липнут к Зюганову, как мухи к дерьму! Раньше всех подоспел Миша Ходорковский, бывший комсомольский вожак: «Менатеп» сейчас находится в том же самом здании, где когда-то был их райком. – А больше всех порадовал некто Женя Чичваркин, поднявшийся – за год – на производстве дрожжей. Его личная вилла близ Одинцова – точная копия Дворца пионеров в Москве. Вот-вот достроят, даже гипсовый пионер с горном стоит у входа. Когда Чичваркин был маленьким, его обидели – не взяли в кружок кройки и шитья (мама очень хотела, чтобы Женя шил). Поэтому теперь у Жени – свой дворец пионеров, и он здесь *хозяин*.

Где они эти слова находят: «Менатеп»?! «ОНЭКСИМ», «Конти», «Силабанк»?

А еще интереснее: банк «Рублев».

Ходорковский хочет, чтобы Зюганов (с помощью компартии Китая, разумеется) привел его в Дацын. Китай быстро развивается, Китаю нужна нефть, и Ходорковский готов протянуть в Китай нефтяную трубу. – А параллельно с Зюгановым, коммунистами, он, Ходорковский, финансирует (для души, так сказать) Явлинского.

Но Зюганов, конечно, берет больше: Явлинский – рохля, зато вокруг Зюганова крутятся нынче весь бывший КГБ, много военных, директора заводов, концернов и... даже Рыжков сейчас где-то там...

Вот она, птица-тройка 1992 года: если и несется куда, то исключительно в Дацын, где за нефть китайцы дают овес, много зеленого овса – с портретом Авраама Линкольна.

Предательство Родины в одиночку – это преступление. Предательство Родины группой единомышленников – бизнес. Подождите, ребята: Ходорковский еще так развернется, он скупит – у вас на глазах – весь парламент страны, всех депутатов. Сколько стоит голосование за

упразднение в России поста Президента? А? Бескровный переворот: был Президент – и нет Президента, да здравствует парламентская республика!

Если бы «съездок» (так Коржаков звал Хасбулатова) был чуть посмелее, он бы и сам *подвел* парламент к такому вот решению...

«Я сослан в двадцать первый век...»

Коржаков, кстати, много читал. Прежде всего – историческую литературу.

По размерам кабинет Коржакова в Кремле был чуть больше комнаты в обычной «хрущевке». Большая светлая приемная, герань на окнах, а сам кабинет – совсем крошечный, в углу у шкафа – письменный стол, торцом к нему – стол для совещаний, у окна – пальма-рахит, совершенно засохшая, но вроде бы еще живая...

Генерал Барсуков называл этот кабинет «пеналом Раскольников». Зато у самого Михаила Ивановича все стояло на «широкой ноге».

Комендант Кремля работал за огромным столом легендарного Малькова (в прежние годы была привинчена табличка: «Тов. Мальков»). Вдоль стен, справа и слева, шкафы с книгами, альбомами по истории Кремля. – Было бы правильно, конечно, встречаться здесь, в этом кабинете, но Михаил Иванович не чинился, сам шел к Коржакову, хотя Коржаков был младше его и по возрасту, и по званию...

Ничто не сокращает жизнь так, как ожидание первой рюмки.

– За Пашу, короче, поручиться не можешь... – Коржаков плеснул коньяк в стаканы, но – немного, почти по капле; Барсуков с утра хорошо «взял»!_в кабинете у Президентам время – всего половина двенадцатого.

– Я так и думал о Паше-то!

– Гондон.

– Хороший образ, – похвалил Коржаков. – В детстве Паша на помойках кошек сетками ловил. Так до сих пор гордится, представляешь! Сильное, говорит, осталось впечатление!

Они выпили.

– Морячка... морячка надо было ставить... – вяло откликнулся Барсуков. – Феликса Громова. Хороший, Саша, был бы министр. И – не предатель.

Коржаков не ответил, разговор не получался: лень.

– Утром надо быть особенно осторожным... – бормотал Барсуков. – Одно неловкое движение – и ты снова спишь...

Коржаков засмеялся, снова разлил коньяк. И опять – по глотку

– Не примет моряка армия, слушай...

– А Пашу... что? приняли?

– Есть еще Чечеватов, он шефу нравится. Только диковат, конечно. Шеф в Хабаровске был и после бани немедленно вошел в глубокое расположение. «Будешь, говорит, Чече-ватый, в Москве, иди прямо в Кремль, не стесняйся! В Кремле тоже баня есть, теперь я тебя парить буду...»

Сообразил бы: выпил человек, вот он и борется... с одиночеством.

Так Чечеватый, Миша, решил на говне сметанку взбить. Примчался в Москву, закупил в ГУМе коньяк, две бутылки, и – к Спасской башне... Вратари изумились: ни заявки, ни пропуска! А Чечеватый в крик: я, бл, генерал-полковник, командующий округом, меня Ельцин ждет, мы с ним в баню пойдем, потому как друзья закадычные...

Драться полез. Ребята его скрутили, ну и, как водится, психушку вызвали. Менты долго выясняли, где этот кретин сп...л парадный генеральский мундир. И вдруг выяснилось, что он действительно командует Дальневосточным округом, причем хороший, говорят, командующий...

Выглянуло солнце, но будто бы споткнулось о кремлевскую стену – улыбнулось и тут же пропало.

Затрещала «вертушка», потом, наперегонки, ВЧ, но Коржаков их будто бы не слышал. – Обидно, слушай: шеф ко всем безразличен, кроме себя. А если выпьет, то и к себе... Декабрь, а солнце как в марте, и снег, наверное, вот-вот поплывет...

Начальник службы безопасности Президента уже знал (имел подробнейший доклад), как Грачев издевался в Адлере над Барсуковым. – Это неплохо, конечно, когда большие генералы ненавидят друг друга; Борис Николаевич уверен, что за каждым из них нужен глаз да глаз.

«Актерам и художникам надо время от времени грозить пальцем», – говорил Гитлер.

Умно, между прочим.

Опять нарисовалось солнышко – сквозануло по паркету и улыбнулось, растворившись в окне.

– В 87-м Чебриков хорошую идею Горбачеву подал...

– Это когда Руст по брусчатке шоферил?

Коржаков зевал так, будто глотал блины.

– Горби одним махом 40 генералов вымел. И Соколова заодно. Они ж, слушай, задолбали Михаила Сергеевича, каждый день Соколов требовал новые танки и пушки, а Рыжков за них стоял горой. Насмерть.

«Шереметьево-3! – вопил Горбачев. – Где ПВО, где Соколов? Шереметьево-3, а не Красная площадь!»

Барсуков задумчиво барабанил пальцами по столу

– Руст... Руст... красивая история... Ему ж дозаправку устроили под Тверью, сам бы не дошел. Ну и переделали заодно, чтобы он в Москве как человек выглядел. На Каменном мосту все провода сняли, чтоб не зацепился.⁸

Барсуков поднял стакан:

– Выпьем?

– Давай, выпьем.

...Кремль, Кремль, великий Московский Кремль... совершенно особое, сказочное место.

Он, Кремль, так и будет всегда вечной сказкой для людей. Не только для ребяташек, нет – для всех людей сразу. Между Кремлем и москвичами испокон веков существует особое, благородное чувство дистанции. Этот красивый и какой-то очень застенчивый, деликатный холм-утес со сказочными башнями никого (на самом деле) к себе не подпускает. И вокруг – одна старина: дом Пашкова, Манеж, Университет... даже ГУМ почему-то выглядит старше своих лет... – но разве Кремль, сам Кремль можно назвать стариком?..

Люди, работавшие с Ельциным, если и бывали когда-то в Кремле, то только на экскурсиях. Помощник Президента Юрий Батулин, будущий космонавт и герой, бросился перед Ельциным на колени, узнав, что Президент России выгоняет его из Кремля! Ельцин отшатнулся, побагровел, когда Батулин схватил вдруг его за ботинки, покрывая их поцелуями! Черт с ней, с должностью, но из Кремля гонят, из Кремля... – это как пережить?

Неужели Батулин работает лично на Дудаева? Почему Дудаев сегодня раньше всех узнает о военных и политических решениях, которые принимаются в Кремле? Раньше наших военных?

Барсуков раскраснелся.

– Министр обороны на измене стоит? – зашипел он. – Тогда почему Грачев – министр, скажи?.. – Хорошо, шеф колеблется... – а мы на хрена?! Паша-практикующий десантник. Прыгнул он с парашютом – и не повезло. Я ему такие, бл, провода устрою, у меня с горя даже собаки выть будут...

⁸ Полет Руста над Красной площадью снимали с разных точек пять или шесть профессиональных телекамер; эти кадры видел весь мир. Одна – с крыши ГУМа. Откуда на крыше ГУМа телекамеры? Почему никто не задал этот вопрос? (Прим. ред.)

Коржаков пододвинул стаканы и взял бутылку.

– Ты тоже считаешь, что если бы мама Горбачева вовремя сделала аборт, мы бы сегодня в другой стране жили?

– Ну...

Вопрос сбил Барсукова с толку, хотя Александру Васильевичу хотелось всего лишь поменять тему разговора.

– Вот ты... кого выше ставишь? Сталина или Горбачева? Барсуков задумался.

– Оба говно.

– Оба? Сталин каких наркомов поднял? Какие глаза у этих людей! Тем наркомам было все по плечу. А нашим – все по х...! Вон, Бурбулис: второй год национальную идею ис-щет. А чего искать-то? Служи России, как служили России Устинов или Королев... вот и идея!

Коржаков всегда разливал помалу. Кто-то ему сказал, что, если пить коньяк маленькими глотками, быстрее пьянеешь.

– Смотри: «Амур-золото» на Дальнем Востоке. В 37-м там работали... что-то около тысячи человек.

– Зэки? – зевнул Барсуков.

– Ага! Добывали 500 килограммов по году. А с 32-го по 38-й добыча уже – 80 тонн. И работает на Амуре 310 тысяч человек. У кого в мире были такие результаты? Только у Сталина, потому как цена труда – а нечеловеческая. Теперь скажи: Косыгин или Байбаков с такими, как наш Петя Авен, могли бы работать?

– Так я о Паше и говорю!.. – встрепенулся Барсуков.

– Завалишь Пашу, а кто придет? Громов?

– Людей, что ли, нет... – Барсуков взял стакан, чокнулся с Коржаковым, и они с удовольствием выпили.

– Кто?! Вон Старовойтова... Галина Васильевна... страсть как хотела, чтобы шеф назначил ее министром обороны.

Я его здорово пуганул тогда: не примет, говорю, бабу армия. Представляете, что было бы с Толстым, если бы он в «Войне и мире» не Кутузова, а Старовойтову представил? На боевом коне с саблей наголо?..

Задумался шеф. А это, между прочим, очень хорошо, когда он думать начинает!

...В глубине души Коржаков, наверное, недолюбливал Барсукова: вороватый он человек, не такой замах, конечно, как у Черномырдина, но Барсуков – парень не промах.

Больше всего Коржаков переживал за бильярд Геринга. Простить себе не мог: это он рассказал Барсукову, что на «дальней» даче Сталина стоит бильярд рейхс-министра Имперского министерства авиации.⁹

– Рассказать анекдот, генерал? – Коржаков встал, итогов бы размяться, подошел к окну. – Встречаются две блондинки. «Где работаешь, подруга?» – «На вертикале власти». – «То есть?» – «В стриптиз-клубе. Там у меня шест и полная власть над мужиками!»

– Смешно...

– Вот ты, – не отступал Коржаков, – смог бы в 45-м, как Лаврентий Павлович, атомный проект поднять?

Барсуков даже чуть протрезвел:

⁹ В покаянном письме на имя вождя маршал Жуков сам, своей рукой, перечислил все, что он привез в Москву из Берлина. Картины европейских мастеров, коллекция старинного оружия, около тысячи шкур диких зверей, прежде всего-обезьян. Почти два километра панбархата и других тканей, 16 инкрустированных аккордеонов и... старинный бильярд из замка Геринга. Сталин отобрал у Жукова все, что он украл, - в пользу государства. Вот только бильярд Геринга оставил себе, отправил его на «дальнюю» дачу: Сталин очень любил «погонять шары». Когда Барсуков станет комендантом Кремля, бильярд Геринга вдруг окажется на его личной даче. А что: Жукову можно, Барсукову нельзя? На «дальнюю», чтобы Ельцин не узнал о подмене, привезут другой бильярд, тоже немецкий – из дома приемов министерства иностранных дел. Скрыть воровство не удалось (и Барсукова, кстати, выдал Коржаков), но Ельцин не удивился: – А шта-а... здесь такого?

– Зэков дашь – подниму. Звериной ценой я тебе что хошь подниму.

– Не-а... – мотанул головой Коржаков. – Зэков нынче под миллион. Они – что? могут какой-нибудь завод поставить? По темпам сталинских пятилеток? А Гайдар с Шумейкой руководить будут? Помнишь, шеф в Казань летал? Все бурлит, народ референдум хочет, и шеф – прямо к ним на митинг...

– Это когда он драпанул... что ли?..

Барсуков знал (да и все знали), как встретила Ельцина Казань.

– В трамвай ворвался... – слышал? Он с самолета – и сразу на митинг. Стоит на трибуне, что-то говорит, а толпа к нему наступает, мы держим, но нас мало, а толпа – тысяч пять-шесть. И она напирает, напирает, до трибуны три шага осталось...

«Задавайте, – орет, – вопросы Минтимеру Шариповичу!» И Шаймиева вперед выгалкивает. «Спрашивайте! Берите суверенитет!..»

Где-то там, за спинами, грохочет трамвай. Митинг-то стихийный, улицу не перекрывали, – и шеф, Мать Божия, как побежит!

Вскочил на подножку трамвая. Как только дверцы его не прихлопнули?

Смылся. В неизвестном направлении.

– Ему б на скотобойне хорошо скотину резать... – махнул рукой Барсуков. – Слушай, а колбаски какой... нет?

Он проголодался.

Коржаков открыл маленький холодильник, спрятанный в шкафу, но холодильник был пуст.

– Мы по джипам и – за ним! Ты представь, что в вагоне творилось... Сидят люди. Вдруг врывается взмыленный Президент Российской Федерации:

– Да-а-рогие россияне! Проверяю, понимаешь, как городские трамваи работают...

Где-то там, за кремлевской стеной, громко завизжала пьяная женщина. Была, наверное, в ГУМе, вышла на Красную площадь и что-то здесь не поделила...

Коржаков вздохнул:

– По статистике, Миша, проводники поезда Москва-Владивосток к концу рейса проходят свидетелями по трем-четырем уголовным делам...

– Правда? – удивился Барсуков.

Спать он все принимал за чистую монету.

– Ну а что ты хочешь, такая страна...

...В «девятке» майора Коржакова (еще недавно он был майором) не любили: вредный.

Как только подвернулся случай, и генерал Плеханов с удовольствием «сплавил» Коржакова только что избранному Первому секретарю МГК КПСС: Ельцин славился своим пренебрежением к людям.

Плеханов думал, что жесткий, своенравный Коржаков сторит у Ельцина подобно мотыльку

Не сторел. Крестьянину при любом барине выживать надо, нет у крестьянина другого дома и другой деревни!

Коржаков взял бутылку, пододвинул стаканы и разлил коньяк.

Опять по чуть-чуть.

– В 91-м, Миша, я целый час разговаривал... знаешь, с кем? С Лазарем Моисеевичем Кагановичем. И дурак был, что отказался от личной встречи.

– Ему сколько было-то?

– 94, по-моему. Слепой старик. Ходит на костылях. Спрашиваю: Лазарь Моисеевич, вам сейчас 94. Товарищу Молотову когда он в ящик сыграл, было 92 или 93. Булганину – ровно

80, а в 70 с чем-то он, красавчик, волочился за Галиной Павловной Вишневецкой, не обращая внимания на все страдания ее гениального супруга!

Клименту Ефремовичу – за 80, Калинину... он сам не знал, сколько ему лет, потому как два раза его паспорт терял...

И ни у кого из вас, товарищи наркомы, ни одного инсульта, инфаркта, онкологии – вообще ничего. Потом, в старости, – да, но когда вы при должности – ничего. Молодыми ушли только Жданов и Щербаков, но Жданов на стакане сидел, а у него диабет...

– И что?

– Как что? Если нация, Миша, так много пьет, значит у нации генетическая потребность в иллюзиях, – верно? Смотри: война, дикое напряжение нервов, вечный страх перед генерал-лиссимусом, чистки, расстрелы, антипартийные группы, но самое главное – работа на разрыв. И никаких там, извините, свежевыжатых соков, океанской рыбки, пропитанной йодом, устриц и водички из родника, рекомендованной почему-то не экологами, а ближайшим митрополитом...

Так кто вы такие, граждане наркомы? Вон, Гайдар, Егор Тимурович... Убежден, что он сейчас – главный смысл мироздания. Если Егор Тимурович нервничает (а нервничает он по любому поводу), тут же: лечащий врач, адъютанты, кислородные подушки, «скорая помощь» и ЦКБ.

И в палату к нему зассых на ночь не подгоняют, я проверял. Только бумаги. А он – почти юнец, между прочим!

– Хорошие девушки продлевают жизнь, – согласился Барсуков, – плохие – наполняют ее впечатлениями, здесь я согласен.

Александр Васильевич вытянул ноги и откинулся на спинку стула.

– Знаешь, что сказал железный нарком? А у нас был результат. Каждый год, 7 ноября, мы выходили на трибуну Мавзолея и понимали: у нас – получилось! Оркестры, тысячи людей, повсюду наши портреты, знамена, улыбки, цветы...

Такой драйв, слушай, был у этих наркомов, любая онкология проходила! Вместе с варикозом, гипертонией и сердечной недостаточностью.

– Выпьем?

– Зачем? Еще одна рюмка, Миша, и с тобой будет неинтересно разговаривать.

Барсуков вздохнул: Согласен...

Коржаков улыбнулся:

Теперь скажи, Михаил Иванович: у нас есть результат? Или – только одна болтовня? Вместе с умоутупляющей канцелярией? Кругом взятки: за квоты, аккредитацию продление и непродление! У них ум спекулянтов, у наших министров! На Мишу Федотова посмотри! Тихий-тихий, приятный такой, сладкий... а у Полторанина, когда он о Мише слышит, кулаки сжимаются: зданиями, говорит, интересуется, на АПН глаз положил, прибрать хочет...

– Скользкий, – согласился Барсуков. – Наступишь – поскользнешься.

– Есть люди и поинтереснее, генерал! Один такой крот... у Президента в приемной торчит. Ничего? А? Трианон!

Барсуков поднял глаза: – Кто?

– Помнишь, фильм был про Трианона? Американский шпион: артист Боря Клюев очень правдоподобно его изобразил?... – Докладываю, товарищ комендант Кремля: в приемной Президента России есть такой же... парашютист. И шеф с утра до ночи питается его мозгами.

Парашютист трудится исключительно на итальянскую разведку, то есть...

– ...на американских товарищей?

– И «Большую шляпу», представь, они придумали! И финансируют. А через теннис, шефу бабу подсунули...

Барсуков окончательно протрезвел:

– Виктория?..

– Виктория, ага.

– Так она ж с Витей Илюшиным...

– Тренируется, правильно. Правильно называешь фамилию.

– Е...

– Вислогрудая баруха, да бедра ядрены!

– А что ж тогда... Наручники – и...

– Нельзя. Шеф факты потребует, а у меня доказательств – зеро! Но это вопрос месяца, максимум двух.

– Дожили... – Барсуков давно дал себе слово ничему не удивляться, но американский разведчик в приемной Президента... и Коржаков твердо, даже как-то буднично об этом говорит...

– А по летчику... на, читай! – Александр Васильевич взял со стола папку и кинул ее Барсукову. – Бурбулис на днях подогнал. Если по верхам, все вроде бы сходится, хотя нужен, конечно, разведопрос.

В папке был один-единственный документ: Бурбулис информировал начальника службы безопасности Президента, что ответственный работник АП Арзамасцев вышел на контакт с журналистом Андреем Карауловым – по его просьбе.

Караулов тесно связан с неким Дмитрием Якубовским, «носителем важной информации» о Руцком, Дунаеве, Баранникове и, предположительно, о его секретном агенте – бизнесмене Бирштейне. О искренности намерений Караулова говорит его недавняя статья в «Независимой газете», где он подробно, в деталях рассказывает, как Якубовский чуть было не стал «полномочным представителем всех российских спецслужб» в правительстве Гайдара.

По словам Караулова, у Якубовского есть документы, подтверждающие, что вице-президент Руцкой незаконно, через фонд «Возрождение», приобрел в Цюрихе, в магазине некоего Багенпггосса, два 600-х «Мерседеса».

По документам автомобили проходят как подарок Руцкому «от бизнеса Швейцарии», хотя это не что иное, как завуалированная форма взятки.

Другие должностные лица, Баранников и Шумейко, незаконно налаживают – через Бирштейна – продажу на Запад редких металлов и химической продукции, возможно – полимеров.

– Хрусталеv, бутерброды! Сработай-ка!

У Коржакова, как и у Сталина, был свой Хрусталеv. Капитан госбезопасности: он следил за порядком в приемной.

– Зоопарк, слушай, – вздохнул Барсуков, перевернув листок «мордой вниз». – Руцкой – вор, но Баранников, Баранников... – а?..

– Ты Караулова знаешь?

Барсуков усмехнулся:

– Сдвинут на сенсациях. Главная задача – пугание людей до смерти. Хочет прославиться мужеством.

Коржаков встал и медленно прошелся по кабинету.

– Этой бумаге я верю. О Якубовском – слышан. Службу светить не будем, но надо будет кому-то быстренько смотаться в Канаду и расписать там парня по полной программе.

Опять зазвонил телефон, и опять Коржаков не снял трубку.

– По Руцкому есть еще один клиент... веселый: некто Юзбашев – Пушкинский район, Подмосковье.

Водочный король. В прошлом – цеховик, Руцкой у Юзбашева «крыша».

Заход, я считаю, будет с двух концов. Юзбашева – глушим. За дружбу с Руцким ответит здоровьем. Пацана карауловского обстучим. Он вернуться хочет, это нам на руку, но торопиться не будем... – зачем?

Распахнулась дверь, и на пороге появился Хрусталеv с подносом в руках. На нем красовалась гора из колбасы и сыра.

– Будьте добры, Александр Васильевич...

Коржаков оторопел.

– Иван! Очумел? Тут колбасы на детский приют хватит!

– Так кушать же пора, Александр Васильевич...

– Я что, лошадь, что ли?

Хрусталеv растерялся:

– Микоян прислал. Пока свеженькое.

– Кто-о?

– Товарищ Микоян.

– Какой Микоян?

– Не могу знать, товарищ генерал! – Хрусталев вытянулся по стойке «смирно». – Просвирин докладывал: Микоян, мол, старается. Для Александра Васильевича.

– Завод?

– Никак нет! Про завод речи нет. Сказывали, Микоян...

Это искусство, конечно: выжать из подчиненных все соки, не выдавливая из них раба.

Коржаков зло пододвинул к себе телефон и нажал кнопку.

– Просвирин, бл! У тебя на «Микояне»... что? теща завелась? Кто нас балует с такой самоотдачей?

Судя по лицу Коржакова, на том конце провода происходило что-то удивительное.

– Врешь, сука, – покачал головой Коржаков... – В Кремле вроде как голодных нет, это те не Тула и не Тверь...

– Чего?.. – не понимал Барсуков.

Он с интересом смотрел на Александра Васильевича.

– Ставь поднос и вали, – приказал Коржаков. – Докладываю, товарищ генерал-лейтенант: с сегодняшнего дня «Белая дача» известного тебе Вити Семенова бесплатно обслуживает Кремль. Что хочешь – то и жри!

– Ого...

– Любое сельское хозяйство. Кроме самогона.

Барсуков засмеялся:

– Это Витек в министры нацелился...

– Именно так.

– Через колбасу

– Окончательный шаг к грядущему рыночному коммунизму! – поддержал Коржаков. – С шефом согласовано, шеф доволен. На халяву – и укус сладкий! По этой же схеме товар идет и к нему на дачу, прямо в руки Наине Иосифовне!

Комендант Кремля аккуратно взял кусочек колбасы.

– Смотри не подавись, – предупредил Коржаков.

– Ай, слушай... – в магазинах сейчас такие продукты, не сразу поймешь, что за отдел: продуктовый или бытовой химии...

Коржаков вздохнул:

– Курить полезнее, чем эти сосиски жрать. Ладно, Миша, давай по капле, – предложил он, – и сразу расходимся, обедать пора. На досуге подумай, кто в Канаду смотается: там, похоже, хороший гешефт может быть...

49

С какой же все-таки целью ты, Россия, так широко размахнулась на нашей маленькой планете: с северных морей, от Мурманска и, всеохватно, аж до самого Владивостока?

А на юге – до Черного моря? Там ведь, рядышком, и могучее Средиземное, в любые дали дорога... Была же, была у Творца какая-то высокая цель: доверить такое количество земель именно России, ее народам...

И русским царям.

Не соседям: Китаю, например, или Японии, Турции, Польше... – Нет, Россия, только Россия!

На исходе XX века госпожа Олбрайт, госсекретарь США, скажет: это несправедливо. Творец, мол, ошибся. Ну а что... все ошибаются. Вот и Он – промахнулся.

Была, это видно, была на Россию какая-то великая надежда, но вдруг – раскол, и вот вся Русь уже перевернута «вверх дном», погибших не счесть, – с той поры вся история России – это постоянная, ни на год, ни на минуту не прекращающаяся гражданская война, то есть борьба народа с собственной жестокостью и дурью (а как образовать людей на таких гигантских площадях, в таком количестве деревень и Богом забытых городков, особенно в Сибири?), но Россия, даже когда на ее землях появились – вдруг – такие персонажи, как Гришка Распутин, Вырубова или Стессель, никогда не теряла свое величие, а Петербург всегда был любимцем Европы.

Это сейчас Россия рассматривается Соединенными Штатами лишь как резервная территория для Европы. На случай какой-нибудь глобальной катастрофы. В серьезных кругах, близких к НАТО и Международному валютному фонду, центральной *политической* организации на планете (у кого больше влияния – у ООН или МВФ?), – в серьезных кругах это уже не скрывается. Россию можно завоевать только без войны, ведь прежде, до Буша-старшего, до Клинтона все ломали о Россию зубы: Карл, Наполеон, турки, немцы... Даже Брестский мир, «похабный», по словам Владимира Ильича, Брестский мир, когда Россия потеряла 50 миллионов человек, то есть те земли, где русские землекопы добывали почти 90 % всего отечественного угля и 70 % железной руды, даже Брестский мир не причинил России (и – глубоко – в самой России) того вреда, какой обозначен сейчас.

Так почему же Россия такая огромная?

Неужели, правда... «резервные земли»? И – резервный народ? На тот случай, когда миру являются такие скоты, как Гитлер?

Если бы американцы построили атомную бомбу на полгода раньше, Рузвельт сбросил бы ее на Гитлера, на Берлин.

Весь мир рукоплескал бы этой победе – великого американского оружия.

Пройдут годы, и – еще раз, – госпожа госсекретарь Соединенных Штатов открыто, не стесняясь, скажет, что Небожитель сглупил, у России слишком много богатств.

Всевышний может ошибаться, кто спорит, зато она, госсекретарь, не ошибается...

А Ельцин вдруг полюбил саксофон. – Как играет «друг Билл»! Ельцин в восторге! Что подарить Клинтону в знак дружбы? Конечно, саксофон! Старый, 50-х годов...

Новый русский страх. Главные достижения русского XX века: образование, металлургия, ВПК, химическая промышленность, полимеры, литература, театр... – и страх, страх, страх. Сначала Первая мировая и Ленин, потом Сталин и голод, потом КГБ и Андропов нагнали на Россию такой страх, от которого она, похоже, уже не избавится.

Почему? Потому что бояться – это правильно?

Да. Сейчас – да. Если вся работа у людей, миллионов людей, сводится лишь к *выполнению задания*, значит это задание (или задачу) должен кто-то поставить. Какой-то начальник. Боль-

шой или маленький. Точнее, большой – начальнику поменьше, начальник поменьше – совсем маленькому и т. д. Сверху вниз.

Вся страна в ручном управлении.

Человек приходит (пять раз в неделю) на работу с единственной целью – не навредить себе. И своему бизнесу, если он есть, но главное – себе.

Ни с кем нельзя ссориться, ибо неизвестно, какую должность купит себе завтра тот, с кем ты сегодня поссоришься, кем он станет или какой «заказ» сделает – против тебя.

В России сроду, с древнейших времен, никто никогда никого не «заказывал». Сейчас – можно. Любого.

Как описать тебя, новый – могучий и бесконечный – русский страх, это постоянное, всеобщее *дрожание* перед любым господином, и большим, и маленьким, когда вместо необходимых (ситуация зовет) поступков, решений, действий тут же, мгновенно включается голова, интеллект. Идет просчет: а нужны они вообще, эти поступки, решения и действия? Может быть, лучше, умнее вообще ничего не делать? Совсем!

В 37-м был страх у всех – за собственную жизнь.

Самый жуткий страх из всех самых жутких страхов. За свою жизнь¹⁰.

Нынче другой страх: подленький. Уйти в тень, не услышать чью-то просьбу о помощи, например, просьбу друга промолчать, не подходить к телефону: тихо *ускользнуть*.

Если страна-такая страна-находится в ручном управлении, путь у страны только один – на кладбище.

¹⁰ И – ни одного серьезного покушения на жизнь Сталина. А ведь как просто было бы сквитаться с ним хотя бы за ГУЛАГ: припрятать бомбу где-нибудь в Большом театре, ведь Сталин приезжал (как правило) на одни и те же спектакли, к финалу «Ивана Сусанина», например, чтобы послушать «Чуют правду...» в исполнении Максима Михайлова... Как просто было бы расправиться с ним во время широких кремлевских пиров, особенно – перед войной, когда Сталин свободно гулял среди своих гостей, разумеется, без всякой охраны. Берия был смелее других. Берия знал: Сталин собирался после финской опередить Гитлера, напасть на него первым (Генштаб, Жуков разработали план «превентивного удара»). Первоначальный срок войны – 12 июня, потом эти сроки отойдут на июль. В 41-м у Гитлера и союзников Германии было 7 тысяч танков, у Сталина – 26 тысяч. Самолеты: у Сталина-60 тысяч, у Гитлера-40 тысяч! «Фоккеры» превосходят наши машины, зато соколы Сталина бьются в воздухе так, что им завидуют лучшие асы Геринга. В мае 41-го, на приеме в Кремле, в честь выпускников военных академий, Сталин сам скажет о «превентивном ударе». А у Ворошилова приказ: подготовить польских офицеров, оказавшихся в наших тюрьмах и лагерях после идиотского похода Красной Армии на Варшаву, для «показательного выступления» – Парада Победы в Варшаве. На фронт поляков никто не допустит, конечно, перейдут к Гитлеру, но польский легион пройдет на Параде по Маршалковской – в форме Армии Крайовой. Еще раз: Сталин сам, первый, начал войну с Финляндией, у Красной армии-большой опыт вероломных походов в Европу...-другое дело, что подлинную правду о финской кампании Сталин, например, знать не желал. Опять пришлось бы расстреливать генералов, – а кого?.. В самом деле: кого еще не расстреляли? За Финскую у Сталина отвечают только летчики: Алкснис, Смушкевич, Рычагов, Левин... Их расстреляют зимой 1941-1942 годов. Это не идиотизм? Воевать некому, Гитлер – уже в Сталинграде, а Сталин расстреливает... в том числе и Дважды Героев... А что, если Гитлер вообще не собирался воевать со Сталиным? 22 сентября 1939-го в польском Бресте-над-Бугом (ныне – Брест) состоялся совместный парад советских и гитлеровских войск в честь победы Верхмата над Польшей, взятия Бреста-над-Бугом и торжественной передачи города и Брестской крепости Сталину-Советскому Союзу. Танковые части генерала танковых войск Гудериана и комбрига РККА Кривошеина в парадном расчете прошли по главной улице Бреста. Над крепостью был спущен победный германский флаг и поднят советский. Гитлер боялся Советского Союза, его территорий: один немецкий солдат на 74 квадратных километра русских земель – как удержать их в случае победы, это какие силы для этого надо иметь, какую инфраструктуру, средства связи, оперативного реагирования и-т. д.? Да, Сталин предал Гитлера, предал их нерушимую дружбу и через 21 месяц, правда, не Гудериан (он пойдет дальше, на Москву), а генерал Фриц Шлипер будет яростно-и безуспешно – штурмовать Брестскую крепость. Тысячи немецких солдат найдут свою смерть у крепостных ворот. Начиная с 48-го, Сталин не раз ставил Советский Союз на грань Третьей мировой: сначала – блокада Берлина, потом – «дело врачей», людоедские планы депортации советских евреев на Новую Землю, где (операция «Белая куропатка») до сих пор валяются-в огромном количестве – «ежи» и бревна для лагерных бараков. А в 50-м, в разгар Корейской войны, Сталин пишет Мао Цзэдуну: «Соединенные Штаты могут быть вовлечены в войну из-за престижа; Китай так же вяжется в войну, и Советский Союз, который связан с Китаем пактом о взаимопомощи, таким образом вступит в конфликт. Следует ли этого бояться? По-моему, нет, так как все мы вместе окажемся сильнее Соединенных Штатов и Англии; другие европейские страны не представляют серьезной военной мощи без Германии, которая теперь не в состоянии помочь США. Если война неизбежна, то пусть лучше она начнется сегодня, а не через несколько лет, когда японский милитаризм восстановится и объединится с Соединенными Штатами...» Атомный успех развязал Сталину руки... Только Берия мог ударить Сталина по рукам, и он это сделал. Спасти Советский Союз от Сталина, значит спасти-всех-от Третьей мировой. В этой банде Берия действительно был самый сильный. За это и поплатился.

В самом деле, может, предки виноваты? Заразили нас страхом, вирус подрос, освоился и мутирует сейчас в свое удовольствие?

Хрущев пережил четыре заговора против себя. Трижды он всех обыграл, на четвертый раз – слался.

Он уйдет в 64-м, доживет до 71-го, фактически – под домашним арестом. В день похорон у могилы Хрущева будет совсем мало людей, хотя Москва, весь центр, будут *оцеплены*.

Зачем? Просто так, на всякий случай...

Четыре заговора: Берия, потом – Жуков, потом – Шелепин, которого подслушал – на прогулке с Семичастным – его же охранник [«прикрепленный», как тогда говорили), ну и, наконец, «серые волки»: Брежнев, Подгорный, Суслов, Малиновский...

Если бы Берия не был грузином, он бы сразу после Сталина, не думая, забрал *всю* власть в стране. – Не надо, пусть сначала порулит кто-нибудь из *ничтожных*: либо Хрущев, либо Булганин; без Берии, без его рычагов, эти маршалы все равно что пыль...

Жуков-друг. Булганин – ничтожество, а Жуков-друг.

Как же он ошибся, – удивительно! Хрущев прикончит Берию в секунду, как только спецназ Московского военного округа, небольшой отряд, двадцать человек, налетит, по его приказу, на особняк Лаврентия Павловича у площади Восстания.

А чего было ждать? А?.. Когда Берия (он хотел...) всех арестует? – И ведь Жуков говорил Лаврентию Павловичу Серго, его сын, подтвердил точку зрения Жукова: «только военный государственный переворот смог бы что-то сдвинуть с места», имея в виду, что Булганин тупо, уверенно разрушает армию. И какую! Лучшую в мире!

А сам Жуков? Кто объяснит, почему Жуков шел к захвату власти в стране так нерешительно и так медленно?

1958-й, январь, Тамбов, глухой лес, почти две тысячи диверсантов, подчиняющихся только министру обороны Советского Союза Жукову и начальнику Генерального штаба Штеменко.

Дуайт Эйзенхауэр, коллега Жукова, стал Президентом Соединенных Штатов. Жуков и Эйзенхауэр встретились в Берлине, в 45-м, только Берлин, как известно, брал Жуков, а не Эйзенхауэр. И капитуляцию у немцев принимал Жуков: американцы скромно топтались в стороне.

Кто объяснит, почему Советским Союзом руководит сегодня это ничтожество – Хрущев?¹¹

В июне 57-го «маршал Победы» спас Хрущева от Молотова и «антипартийной группы». Если бы Хрущев тогда был свергнут, Жуков пошел бы следом: его «антипартийная группа» боялась даже больше, чем Хрущева!

«Цезарь! Прикажи мне стать Брутом...»

Жуков мог и без спецназа, конечно, расправиться с Никитой Сергеевичем, но рядом с «хрюшкой» всегда был вернейший человек – генерал Иван Серов. В случае переворота Серов, его войска, остались бы верны Хрущеву, Жуков – об этом знал, у Жукова и Серова были чисто-сердечные, приятельские отношения.¹²

¹¹ Гавриил Попов предложил перезахоронить Хрущева у Кремлевски стены. «По деньгам будит дорого», – резолюция Ельцина на обращении Попова. Орфография сохранена. (Прим. ред.)

¹² В 45-м в Берлине отряд Серова раньше всех спустился в бункер Гитлера. Там, в «волчьем логове» рейхсканцелярии, были спрятаны архив немецкой разведки-спинки агентуры, работавшей в СССР, в Европе и в США, – и сейфы с драгоценностями, деньгами из кладовых берлинских банков. В одном из сейфов находилась бриллиантовая диадема бельгийской королевы, чем-то похожая на корону. Серов украл диадему, привез ее в Москву и торжественно преподнес своей супруге 24 июня 1945-го, в честь Парада Победы на Красной площади. Вера Ивановна была женщиной умной и властной. Об этой реликвии не знали даже ее ближайшие подруги: диадема хранилась среди панталон и другого белья в платяном шкафу. Но в 57-м, под Новый год, женское сердце дрогнуло. Все-таки 12 лет прошло: 57-й-это не 45-й! – В роскошном платье, сделав у знаменитого

Это генерал армии Штеменко рекомендовал Жукову назначить начальником тамбовской школы легендарного человека – Хаджи-Умара Мамсурова.

После событий в Испании Мамсуров стал прообразом главного героя романа «По ком звонит колокол?»: Хемингуэй понятия не имел [да и никто не знал], что командир испанцев, полковник Ксанти – советский диверсант, будущий Герой Советского Союза.

Предложение Штеменко – роковая ошибка, она ломает Жукову жизнь.

Мамсуров тут же обратился в Центральный Комитет: что это за школа такая, если Мамсуров подчиняется только Жукову и Штеменко, а его назначение произошло в обход ЦК?

Позже, на Пленуме, Хрущев назовет Мамсурова «настоящим, смелым партийцем». А о подготовке переворота скажет полунамеком: «Недавно Жуков, товарищи, предлагал заменить председателя Комитета государственной безопасности и министра внутренних дел военными работниками.

Чем продиктовано это предложение? Не тем ли, товарищи, чтобы «украсить» руководящие посты в этих органах своими людьми? Как вы думаете, друзья: не является ли это откровенным стремлением установить свой личный контроль над Комитетом государственной безопасности и министерством внутренних дел?..»

В Бога поверить не сложно. Вы попробуйте поверить в людей...

После отставки Жуков был – все оставшиеся до срока годы – как живой мертвец: «Я бы с радостью умер, но смерть отказалась от меня...»

Подсчитано: с 1368-го, за 525 лет, русские дружины провели в войнах 353 года. Что они делили? Особенно в XIV веке? Им было мало земли? Россия *погрузилась* в такую кровь, что она, эта кровь (даже через *поколения*), не могла не сказаться на психическом здоровье людей.

Сталин построил великую экономику. И у Гитлера, кстати, тоже была фантастическая экономика; Альберт Шпеер в четыре раза – с 42-го – увеличил объем вооружений Третьего рейха. – Да, у Сталина получилось *раздуть* народ. Он фантастически *преподнес* – всей планете – подвиг Чкалова, папанинцев, Гризодубовой и ее подруг, Стаханова... – русский народ стал наконец ценить собственный труд.

В 30-е годы все советские люди видели себя героями. Кто не видел себя героем – тот не советский человек.

Сталин *каждый день* готовился к войне.

Кто не простит Советам Советы? СССР – инородное тело в Европе.

Война неизбежна.

Если бы Гитлер в 1933-м на выборах проиграл коммунисту Эрнсту Тельману Вторая мировая началась бы в те же самые сроки (если не раньше) и была бы такой же чудовищной.

Версальский *договорунизил* нацию, были задеты самые коварные, самые больные струны национального самосознания, – и вот они, факельные шествия, вот он, Гитлер; страна Гете и Шиллера *с удовольствием* стала «фигурять» по Европе в мундирах с символикой рейха...

XX век – самый кровавый. Новая война русских друг с другом, названная Гражданской, «красный террор», необъяснимый, как любое безумие, поход Первой Конной на Варшаву,

Цоя на Кузнецком мосту прическу, супруга Председателя КГБ СССР явилась в Большой театр на премьеру «Снегурочки» с диадемой на голове. В этот вечер она сама была как Снегурочка: жены дипломатов с завистью изучали бриллианты, которые сверкали на копне черных волос, как льдинки на солнце. Да, это не Картье, не Тиффани: такую красоту невозможно купить! Хрущев рассвирепел. Кто донес на Председателя КГБ СССР-загадка, но кто-то донес. Командант Большого театра Рыбин? Может быть. Но разве Рыбин смыслит в диадемах?... Приказ не заставил себя ждать, Хрущев-эмоциональный человек, внушаемый; вызов «на ковер» последовал уже nasledующий день, 31 декабря, в обед. Иван Александрович, тут же догадавшийся, о чем «будет крик», вошел в кабинет Хрущева... с диадемой в руках. По дипломатическим каналам реликвию тут же передали в Брюссель, и королева, растроганная до слез, вскоре посетит СССР с неофициальным визитом (первый – королевский! – визит в страну «рабочих и крестьян» за всю историю СССР) и публично, на приеме в Кремле, назовет Хрущева «честным и открытым человеком».

когда красноармейцы, вырезавшие на своем пути – полностью, целиком – польские и литовские городки и деревни, сами оказались в конце концов в концентрационных лагерях.

Зверства Красной армии в Европе, сначала в Польше, потом в Прибалтике, до сих пор не описаны в мировой литературе. Пилсудский вдребезги разбил армию Тухачевского и взял в плен – внимание, цифры! – 146 802 человека.

В Советскую Россию вернутся только 75 699 человек. Более 60 тысяч – погибнут в польских лагерях смерти.

Поляки доводили бывших бойцов Первой Конной даже до самоедства. (Да, «они – враги и злодеи», писали – не раз – *польские* журналисты и священники, «но нельзя же так...».)

ГУЛАГ, 37-й и 38-й. Халхин-Гол, поход в восточную Польшу (1939-й) и в Прибалтику, Финская, Великая Отечественная...

А «депортация военных инвалидов» в колхозы, на целину или в лагеря, где их, полуживых калек, беспощадно, по-сталински, «мордовали работой»? Тех, кто потерял обе ноги и передвигался на ручных деревянных платформочках... – их *всех*, почти *всех* выслали в концентрационные лагеря, под Магадан, на Соловки, в Казахстан!

Инвалиды портили, как говорил маршал Берия, «образ великой страны-победителя».

Значит, куда? на смерть!

История глубокой человеческой ненависти как история государства.

В Финскую войну был такой *эпизод*. В воздух поднят полк десантников – почти тысяча человек. Их выкидывают прямо в лес. На елки. Без парашютов. – Зачем? Был приказ из Москвы – десантироваться. А парашютов – не было, не привезли, не успели, да и сам полк был сформирован на скорую руку. Новый командир полка – промолчал (прежнего расстреляли за трусость) и тоже прыгнул – вместе с бойцами – из самолета...

Ночной пейзаж: на елках, как на штыках, висят люди, сотни людей...

Примеры *жюти* в советской истории – на каждом шагу¹³.

Если бы мы знали, сколько людей (и как!) погибли в России из-за своей трусости, сколько людей (и кто!) погибли из-за трусости других, в том числе и своих друзей, если бы мы знали, сколько блестящих проектов (и какие!) осталось на полках в архивах из-за трусости «сильных мира сего» (не из-за предательства, нет, – именно из-за трусости), если была бы у нас написана такая Книга, она была бы зачитана до дыр.

¹³ Сергей Павлович Королев скончался во время рядовой хирургической операции. По специальному решению Политбюро, за операционный стол в этот день встал министр здравоохранения Борис Петровский – выдающийся хирург, но в последние годы, увы, оперировавший очень редко, от случая к случаю. У Королева вроде бы полипы прямой кишки, но Петровский, взяв скальпель, сразу увидел большую раковую опухоль. Испугался – он не онколог. А ведь это Королев! Опухоль была действительно очень крупная, сложная и размером-с кулак. Вместо того чтобы тут же передать Сергея Павловича дежурной бригаде специалистов-онкологов, находившихся здесь же, рядом с ним, в операционном блоке, Петровский приказал срочно найти академика Вишневского – главного военного хирурга. Разве можно доверять Королева каким-то там... ассистентам? Что он скажет членам Политбюро? Вишневский ненавидел Петровского. Примчавшись в «кремлевку» (почти сорок минут были потеряны) и увидев, в каком состоянии находится Королев, Александр Александрович бросил: «Я трупы не оперирую!» Нет, он провел операцию (и вроде бы успешно), Королева зашили, Вишневский и Петровский сели за столик, чтобы выпить кофе, и в этот момент Королев скончался: разрыв сердца, Королев не вышел из наркоза. Хорошо зная, «как оно бывает», Андрей Николаевич Туполев, когда боли в боку (апендицит) резко усилились, обманул «прикрепленного», тайком, через черный вход, явился в Боткинскую и по паспорту брата (они очень похожи) записался, отстояв очередь, на госпитализацию. В ту же ночь дежурный врач вырезал Трижды Герою Социалистического Труда аппендицит, причем сначала Туполева положили в коридоре, в палатах не было места, зато уже через три дня он был на работе, объясняя недогадливым, что лечиться надо только утех, кто действительно умеет лечить...

50

Как же хочется в мафию, Господи!

Явлинский поехал: тепло в комнате, пылает камин, а все равно будто озноб какой-то, да и кожа, вон, гусиной стала, нервы, похоже, опять разгулялись, опять...

И – мысли, мысли, мысли... Куда деться от них, если вся жизнь проходит в одиночестве?..

Явлинскому ужасно импонировал банкир Андрей Дробинин, «человек с клыками волка», как он сам себя называл. Еще крепче Явлинский подружился с Владимиром Гусинским. Казалось бы, они совсем разные люди, но не было между ними «недоумений», как говорил Гусинский, они с полуслова понимали друг друга, хотя владелец «Мостбанка» вел себя в Москве как хозяин.

С «Мост-банком» Явлинский договорился о финансировании экономических программ своего «ЭПИ-центра». Скупой до посинения, Гусинский на «ЭПИ-центр» денег, однако, не жалел. «Соглашение о разделе продукции» и собственный *домик* в Лондоне – разные вещи. Явлинский и «ЭПИ-центр» создают идеологию российского минерально-сырьевого комплекса, «Шелл» за это их вознаграждает... – можно домиком, можно квартиркой, можно и домиком, и квартиркой, – что же тут странного?

Месяц назад Бурбулис дал интервью «Московскому комсомольцу»: «За годы пребывания в российской политике Григорий Явлинский палец о палец не ударил, не сделал ничего, кроме постоянного, непрерывного словоговения... Явлинский напоминает Васисуалия Лоханкина. Тот лежал на диване, ничего не делал, но все время рассуждал о судьбах русской интеллигенции...»

Перед Явлинским стояла бутылка красного вина. Вообще-то он любил виски, но из Краснодара вчера рислали «ВинаКубани», целыйящик.

Выкидывать жалко, передавать стыдно!

Ужасно, если ты сам себе наливаешь. Что такое комедия? Это когда есть с кем, но негде. Что такое трагедия? Это когда есть где, но не с кем.

А что такое трагедия всей русской интеллигенции? Это когда есть где, с кем... но зачем?

Явлинскийпил с обеда, поэтому ему сейчас было уже все равно, что пить.

Интересно, кто явится раньше – девочка или Мельников?

Явлинский обижался по любым пустякам.

В 79-м он подружился с Львом Лосевым, директором Театра им. Моссовета. Давно, еще с фурцевских времен, Театр им. Моссовета (жуткое название, между прочим) шефствовал над шахтерами в Щекино, а Явлинский работал тогда в Министерстве угольной промышленности, был здесь на хорошем счету и даже выпускал стенную газету

Тема кандидатской Григория Алексеевича – «Совершенствование разделения труда рабочих химической промышленности». Молодцы биографы, Зверев и Кожокин, правильно отмечают: Явлинский «быстро пришел к выводу, что никакого способа организовать труд рабочих так, чтобы они достигали бы большей производительности труда, не существует»!

Лосев гордился, что Анатолий Эфрос, любимец Москвы, возвращает на сцену Театра им. Моссовета старый спектакль режиссера Раевского «Дальше – тишина».

С Фаиной Раневской и Ростиславом Пляттом в главных ролях.

Разумеется, Лосев тут же потащил «представителя министерства» в зрительный зал.

Плятт работал с трудом, все время забывал текст, Раневская сердилась: «Я с этой плятью... играть не буду!..» – Ее в театре боялись, она могла *сказать*. Увидев, что молодой актер Владимир Высоцкий (это было еще в Театре им. Пушкина) пропустил десять репетиций подряд, Раневская возмутилась:

– Молодой человек, вы пьете не по таланту!
Ее фразы *облетали* Москву

Улучив момент, Явлинский протянул Фаине Георгиевне свой паспорт – для автографа. Что делать, если нет под рукой даже листа бумаги!

Раневская удивилась: «Зачем же пачкать интимные вещи?..» И громко, на весь зал (глухие старики всегда говорят громко) предложила Лосеву и Явлинскому... «...вам, вам, молодой человек... как вас зовут-то?..» пообедать вместе в «Пекине»...

«П-понимаете... – Фаина Георгиевна чуть-чуть заикалась и говорила баском, – ...есть о одной в ресторане... в-все равно что срать вдвоем!..»

Явлинский вздохнул и снова налил – сам себе – жуткое краснодарское вино.

...О, вот еще хороший абзац в биографии: работая «в должности старшего инженера Всесоюзного НИИ угольной промышленности, Явлинский (дело было на шахте в Прокопьевске) попал в производственную аварию. Он почти час простоял по пояс в холодной воде и угодил в больницу, многие шахтеры после этой аварии скончались...»

Поверят? Но так было на самом деле. Почти так!

«...Зная с пяти лет английский, я понимал без перевода все песни «Битлз» и слушал их ночи напролет...»

Слушайте, «пять лет»... надо, наверное, выкинуть, да? Получается, Григорий Алексеевич чуть ли не с детского сада бредил битлами.

«...Именно тогда я полюбил длинные волосы, ведь «хипповать» было запрещено. Иными словами, я вырос, когда единственным окном в мир были «Битлз». И я, Григорий Явлинский, всегда буду находиться под воздействием их музыки...»

В 91-м, когда советские диссиденты, тем более – политкаторжане, пользовались (повсюду) особенным вниманием, Явлинский дал большое, полос на десять, интервью молодежному журналу.

Кто его тянул за язык, – а?

Или он просто работал на опережение?

Был, был в его жизни такой эпизод, не миновала его чаша сия: психбольница. Девять месяцев тяжелейшего лечения. Почти год.

В какой-то момент ему вдруг *почудилось*, что кто-то превратил его, Григория Явлинского, в ячменное зернышко: он неделями не выходил из дома, забившись в угол, боялся, его склюют птицы.

Рано или поздно кто-то из журналистов обязательно задаст этот вопрос: что он, Явлинский, целый год делал в психушке?

Лечился? От чего?

Не надо задавать такие вопросы.

Явлинский сразу, в первых строках своего *признания* в журнале, заявил: он долго молчал, были на то причины, но сейчас он молчать не будет и скажет все как есть.

А именно: в середине 80-х КГБ СССР устроил на Явлинского охоту, решив его уничтожить. Сгнобить в психбольнице.

Как и многих других пламенных борцов с советским режимом режимом.

Слишком часто он, Явлинский, «подавал» записки «на самый верх» о необходимости срочных реформ в экономике, прежде всего – в угольной промышленности. Видимо, терпение у кого-то лопнуло.

Явлинский опускал детали ареста, но оговорился, что забрали его прямо из кровати, глубокой ночью. Психбольница была где-то в Тушино, на окраине Москвы и замаскировалась под туберкулезный диспансер.

Таблетки, которыми пичкали Явлинского, сразу, мгновенно парализовали его волю! Он путал все на свете: день и ночь, мужчин и женщин, принимал лето за зиму – и т. д. ит.д.

Но когда ему полегчало (шел девятый месяц «хождений по мукам»), Явлинский стал готовиться к побегу.

Врачи поставили страшный диагноз: туберкулез легких.

В ночь перед операцией старый профессор... Явлинский даже называл фамилию этого благороднейшего человека, всю жизнь, правда, работавшего на КГБ СССР, – так вот, ночью старик-профессор шепнул Явлинскому, что утром у него отрежут здоровое легкое.

Что делать?.. Бежать. В окно!

И Явлинский бежал. Профессор ушел, а Явлинский бежал! Выломал окошко с тюремной решеткой и – в сугроб.

С третьего этажа.

На нем была только больничная пижама, больше похожая на арестантскую робу, но Явлинский холода не чувствовал.

Как же он бежал, Господи! За Явлинским гнались. Он слышал лай собак и выстрелы в воздух. Потом (это все в интервью!) долго пытался поймать такси, и какой-то добрый человек помог ему добраться до верных людей.

Почти год Явлинский скрывался в разных квартирах, но тут к власти пришел Горбачев, и КГБ СССР забыл о Явлинском. Он вернулся в Совмин, вступил в КПСС, и в Совмине (вот она, перестройка!) никто не интересовался, где шатался их молодой сотрудник целых два года!

Интервью в журнале прошло незамеченным.

Повезло Григорию Алексеевичу. Есть журналы, которые читают только дураки.

Пил Явлинский не часто, но если уж пил, то много, получая – в такие минуты – ощущение собственной глубины.

А ведь это уже профессия, между прочим: раз в четыре года баллотироваться в Президенты России. И – ничего больше не делать. Так и в Книгу Гиннеса можно попасть.

«Какой ты Президент, Гриша? – издевался Коржаков. – Ты ж еврей-западенец...»

«В России и небываемое бывает!» – огрызнулся Явлинский!

Все пространство страны сжимается сейчас до одной точки, точнее – до одного города: Москвы.

Явлинский с друзьями, Михайловым и Задорновым, подготовил проект реформирования экономики СССР: «400 дней доверия».

400 дней – потому что Козьма Минин и Дмитрий Пожарский спасли когда-то Россию именно за 400 дней. Явлинскому очень нравилась эта аналогия, и его горячо поддержал Задорнов.

На самом деле Явлинский имел *прямое указание* Горбачева: вместе с академиком Шаталиным срочно придумать для страны «что-нибудь спасительное...».

Веселый дед, академик Станислав Сергеевич Шаталин! Любит шашки, любит выпить («Такой коньяк, Гришенька, вчера хлестали, с утра было жаль в туалет идти...»).

Горбачев и Ельцин (редкий случай, когда они не спорили) согласились: нужен любой документ, любой лозунг, чтобы страна, ее народы хоть на какое-то время могли бы объединиться.

Когда-то премьер Столыпин просил для России «10 лет спокойствия». Шаталин смеется: 400 дней – никто не поверит. 10 лет – другое дело. – Мало? Нереально? Хорошо, будет другая цифра: 500.

500 дней. Тоже красиво!¹⁴

¹⁴ Роль в политике красивой фразы Явлинскому однажды объяснил многоопытный Эдуард Шеварднадзе; этот рассказ Явлинский запомнил на всю жизнь. Рейкьявик, 86-й. Первая (с брежневских времен) встреча Рейгана и Горбачева на «высшем

Хорошо, кстати, что на обложке программы «500 дней» нет сейчас их имен – Явлинского и Шаталина.

– А вот и я, шеф...

Явлинский вздрогнул. Перед ним стоял лохматый, неделю не брившийся человек в черной шубе и в носках (ботинки он, видно, скинул в прихожей).

Человек держал в руках шапку из заполярного волка и прижимал ее к груди, как боевой шлем.

– Матка-боска... – пробормотал Григорий Алексеевич; он сейчас только узнал Мельникова. – Ты моей смерти хоч-цешь, – да? По-ц-цему... так тихо вошел?

Мельников улыбался, но как-то стеснительно:

– Как велели, шеф, так и вошел. У вас же встреча.

– Встреча... да, – согласился Явлинский. – Пока ее нет.

– Кого?

– Встречи.

Мельников скинул шубу и бросил ее на диван.

– Послушайте, Мельников, – не выдержал Григорий Алексеевич. – Я хотел бы все же напомнить: я – не Настасья Филипповна, а вы – не истеричный купец Парфен Рогожин, самый большой идиот из всех идиотов Федора Достоевского. За их искренними убеждениями прячется их постоянная неубежденность. А взгляд на Россию как на страну идиотов не нравился советской власти, поэтому советская власть Достоевского не любила.

Умный там – один человек, некто Лебедев. Тот самый, кто больше всех старается быть идиотом.

Мельников плюхнулся в кресло.

– Согласен, шеф.

– Кидаться шубами... это вульгарно, Алеша.

– У нас проблемы, Григорий Алексеевич.

Брови Явлинского приподнялись:

– Какие теперь? Где вы, Мельников, там всегда проблемы.

– Спасибо, шеф.

– Человек задыхается, Мельников, когда хочет получить все сразу.

– Согласен.

– Так начинайте уже!

– Начинаю. Позавчера в банк к Андрюхе Дробинину шеф, завалились – кучей – дядьки-приставы. Четыре часа дня. Он, сука, уже припудрил носик и полностью под «снежком»...

– Говорите коротко, Мельников, – попросил Григорий Алексеевич. – Про носик – не интересно.

уровне!»! Вопрос один, важнейший: сокращение ядерных зарядов. Чернильницы открыты. Прорыв! Советский Союз и Америка (впервые после Хельсинки) вроде бы договорились, – но в решающий момент Горбачева сдали нервы. Военные накрутили? Министр обороны? Генштаб? С Горбачевым – почти истерика. Все говорено-переговорено, точки над і поставлены, а Генсек не владеет собой. «Подписать – подпишем, – кричит Горбачев, – но СССР разорвет любое соглашение, если база на Аляске, мистер Президент, по-прежнему будет строиться, если вы не прекратите работы по рельсотрону, климатическому и биологическому оружию, генетическому-комару с вирусом Зика – и т. д. и т. п.» Рейган встал и направился к выходу. Горбачев замер. Он, как говорится, делал «последнее внушение»... просто так, на «всякий случай»... и вдруг – такой конфуз, встреча сорвана... – Погодите, мистер Президент, погодите! – Горбачев кинулся за Рейганом. Они вышли на лестницу. – Может, вернемся и... подпишем?.. Рейган был очень серьезен: – Так дела не делаются, мистер Горбачев... Из его глаз текли слезы. Впереди – выборы Президента Соединенных Штатов, и договор о сокращении ракет, о ликвидации «Оки» (будущего «Ярел») был ему жизненно необходим. Что Горбачев и Рейган скажут сейчас миру? Там, в саду, их ждут журналисты, там около ста телекамер... – в тот момент, когда Горбачев, Рейган, Бейкер и Шеварднадзе спускались вниз, на пресс-конференцию, Бейкер нашел слова, сразу успокоившие все человечество: – Это поражение – больше чем победа! Красиво? Очень красиво. И понимай как хочешь, что это значит: каждый читатель «Гамлета» есть как бы новый его автор...

– Корпоративная фигня, шеф: Шорор, Янковский и Дробинин. Были партнеры, но Андрюха их предал. Пригласил на охоту, поднял вертолет, а над лесом распахнул калитку: либо гоните, друзья, дарственную на весь бизнес сразу, либо айда навстречу смерти, парашюты у нас не предусмотрены...

Явлинский медленно допил свой бокал до конца. Третья бутылка пошла, а ему не в кайф, он не пьянеет...

– Отдышавшись, шеф, Янковский и Шорор нагнали в банк приставов. С некрасивым решением какого-то суда в Дагестане, купленного по случаю. На улице – телекамеры центральных каналов и некто Дейч из вездесущей газеты. Дробинин закрылся в кабинете и принял с горя лошадиную дозу. Эффект был выше ожидания репортеров! Дробинин вылетел из парадного подъезда «Легпромбанка» с фомкой в руках и принялся крушить автомобиль судебного пристава!

Ура, кокаин! Ты окрыляешь людей! Сбылась мечта человечества!

Явлинский налил себе немного вина. Он предчувствовал срамоту: ему не удалось отделаться от самоощущения себя как случайного в России человека; случайные люди всегда притягивают к себе проходимцев.

Мельников нервно облизал пересохшие губы:

– Его тут же повязали, шеф, но Андрюха перескочил Zubовский и исчез в неизвестном направлении? Где он шатался целыми сутками – никто не знает, но вчера этот черт вваливается ко мне в «Калчугу».

Морда в крови, грязный, просто... снежный человек какой-то.

– Снежный?

– Ну да! Умоляет: пусть, говорит, Григорий Алексеевич сей же час позвонит Ельцину, иначе меня поймают и закроют. Банку будет полный пипец, а у нас там, Григорий Алексеевич, хотелось бы напомнить, четыре ляма трудовых доходов, плюс – первый английский взнос.

– Красивая история.

Мельников вскочил и стал носиться по комнате.

– Шеф, я не переживу!.. Взяли, сука, Сибирь! Слава Ермаку!

У него на глазах выступили слезы.

– Деньги... Четыре ляма... – причитал он по-бабьи, – как корова... языком... – о-о!..

Григорий Алексеевич был ни жив ни мертв, на самом деле терять деньги, столько денег, это катастрофа, конечно, но вида он не подавал: среди своих Григорий Алексеевич считался щедрым человеком.

– Ваш стиль... это самовозбуждение, Мельников? – поинтересовался он.

– Что?..

– Вы все сказали?

– Все!

– Ну так... и до свидания.

– Как это? – Мельников аж привстал.

– Да вот так.

– В смысле?

В смысле – идите, Алеша, с богом...

Куда?.. Куда мне идти?

А я поц-цем знаю? Я вас звал? Нет. Вы сами, Мельников, влетели, потому как вами дурная энергия движет. Эндорфин. А любая энергия сейчас подозрительна.

– И куда мне идти? – не понял Мельников. – К кому?

Григорий Алексеевич засмеялся:

– Вы, Мельников, человек из анекдота. Мужик пил целый месяц. Вдруг звонок в дверь. Стоит ангел. С крылышками.

«Ты кто? – обалдел мужик. – Тебя кто звал?»

Ангел смотрит чистыми-чистыми глазами: «Меня, говорит, никто не звал. Я – п... ц, я сам прихожу...»

– Не гоните меня, шеф! – задыхался Мельников. – Четыре ляма – это два замка в Шотландии, где я ни разу не был!

– Да?

– Да! И куда мне сейчас идти?!

– А я откуда знаю, где вы, Мельников, проводите свои безумные ночи? Видимо, все там же, на Рублевке, в бывшем дворце товарищу Шеварнадзе... – Я, пусть с трудом, но понимаю, Мельников, за-цем товарищу Шеварнадзе понадобилась «Калчуга»: две тыщи огромных метров.

И еще три дома вокруг: для повара, медсестер, няnek и охраны, как у Тутанхамона.

Объясняю: это старая советская традиция. Посмотрите, как жил Лев Давидович Троцкий в Архангельском. Или – товарищ Крупская. Какой у нее был бассейн! Это ж коммунисты придумали: строить бассейны. И в Царском, и в Зимнем не было бассейнов, верно? А вот зачем вам, Алексею Мельникову, обаятельному демократу времен Ельцина и Бурбулиса... уши всем нам прожужжавшему о необходимости создания в России бескомпромиссной политической партии ради людей, обманутых коммунистами (такими, как Шеварнадзе), нужна «Калчуга»? Вы на хрена ее хапнули?

– Шеф...

– С-то? С-то... шеф?..

– Я хочу напомнить...

– Не надо, Мельников, вытирайте сопли! Просто у вас – рефлекс. Вы по-другому не можете. Умрете, если не хапните.

Мельников хотел что-то сказать, даже руками замахал, но ничего не вышло – захлебнулся слезами.

– Теперь вы удивляетесь, Мельников, – спокойно продолжал Григорий Алексеевич, – па-а-цему именно у вас всякая разная сволочь ищет защиту от специальных служб Бориса Ельцина? И почему в глазах всей этой сволочи именно вы, Мельников, всемогущий человек!

– Я?

– Вы. Запомните, бизнесмен – это тот, кто видит будущее. А поскольку вы, Мельников, не всемогущий и не хрена не видите, вы вприпрыжку несетесь ко мне за помощью. Только, дорогой друг и многократный товарищ, звонить Борису Ельцину не буду. Я пока не сошел с ума, хотя пью, как вы видите, в полном одиночестве.

– А четыре миллиона?..

– Ц-то... четыре миллиона?..

– В банке у Андрюхи.

– Так идите и забирайте свои цветочки.

– А он не отдаст. Пока помощи не будет!

– Да?

– Да! Шеф, я – маленький человек! – вдруг закричал Мельников. – Я мало беру! Но если мы, шеф, не протянем Андрюхе руку, все банки Москвы тут же отвернут от нас свои напыщенные морды! Владимир Александрович – раньше всех. Вы не представляете, как они держатся сейчас друг за друга! Для «ЭПИ-центра» это как два пожара сразу! – Не боремся за Андрюху? Значит, мы – крысы зеленые... Люди сейчас знают наизусть не стихи Пушкина, а те статьи Уголовного кодекса, по которым их могут закрыть.

Явлинский рассвирипел: «вина Кубани» дали все-таки о себе знать: – Ты, Мельников, знаешь... давай подожди! – предложил он. – Наши недостатки каждому из нас помогают подобрать себе друзей, а наши достоинства – найти себе врагов. Это у тебя каждая ситуация без-

выходная, а вся твоя жизнь – на грани инфаркта. Но я хотел бы напомнить, Алеша: ты живешь в стране, где у нации есть только один показатель здоровья: можно человеку пить или нельзя?!

– Понимаю... – согласился Мельников. – В будни ты поднимаешь ребенка в садик, а в выходные он мстит тебе за это!

– Россия, Мельников, – тыкал в него пальцем Явлинский, – это хрящ, образовавшийся от бесконечного трения Европы об Азию. И в этой стране, Мельников, Григорий Явлинский всегда будет Григорием Явлинским. Знаешь почему?

– Вы уже говорили, шеф. В Явлинском существует загадка. России нужен человек с загадкой.

– Молодец!

– Россия в загадку верит как в сказку.

– Вот! А ты, Мельников, оценил сегодня мою политическую загадку в четыре ляма, как ты выразился! Надо защищаться, Мельников, от разрушающей силы плохого. От разных там... снежных людей. Но ты, Алеша, – алчный. А все алчные люди всегда чуть-чуть как дети.

– Шеф...

– Не перебивай, меня, Мельников, я не всегда откровенен! Политик заранее должен знать, что можно, что нельзя. Но ты ворвался ко мне без стука, прижимая к брюху грязные ботинки! И даже шубу не снял... это, кстати, бобры? Красивый мех!

Григорий Алексеевич опять потянулся к бутылке.

– И я уверен, Мельников: ты еще не раз ворвешься ко мне с воплем: «Наших бьют!» И будешь твердить о «понятиях», о Гусинском, о том, что в тюрьме Дробинин с удовольствием расскажет милиционерам о вашей с ним сердечной дружбе, о «Легпромбанке», где у тебя, Мельников, есть даже свой кабинет... – о, эт-то кто же сейчас... так успешно прячется в дверях? За нашими спинами?..

Только сейчас Явлинский увидел Альку Она скромно стояла в дверях – в красивом вечернем туалете, лакированных туфлях и с голыми, как положено при туалете, ногами.

– Здра-а-сте вам... – протянул Явлинский. – С прибытием.

– Всем привет, – улыбнулась Алька.

Мельников оторопел:

– Слушай, – у тебя подруга есть? Я ж еще не женат...

– Не женат, значит, до смерти в мальчиках будешь ходить... – засмеялась Алька.

– Так есть подруга? Скажи!

– Есть. И не одна. Но им по пятнадцать, дядя...

Мельников облизнулся:

– А тебе сколько?

– Посадят, дяденька, посадят...

– Не, если серьезно?..

– Женщине, дорогой, столько, на сколько она выглядит перед завтраком. А сейчас – почти ночь.

– Подслушивала?.. – Григорий Алексеевич нахмурился.

– Конечно.

– И как? Интересно?..

– Интересно, – Алька пожала плечами, – но не все понятно. Нас что, трое сегодня?

Мельников встал:

– Ухожу, ухожу... Вот ведь... не мой день сегодня. Всем надо, чтобы я свалил!

– До свиданья, – кивнул Явлинский.

Он все-таки понял, что пьян.

– Эх, Григорий Алексеевич, – театрально воскликнул Мельников. – На полтиннике не сошлись! А ведь какая любовь была...

– Ну, и цтоже было самое интересное? – усмехнулся Явлинский, повернувшись к Альке. – Из подслушанного?

– Все интересно. Слушай... а ты действительно считаешь, что послан в Россию с небес? Явлинский замер, посмотрел на Альку, и у него вдруг дрогнула нижняя губа.

– Другая половинка у меня появится, только если меня переедет поезд... – громко сказал он.

Бабушки, сидящие на лавочке у сауны, никогда не ошибаются в людях.

«Кино с гарантией...» – подумал Мельников. Он взял шубу, сунул ноги в ботинки и молча выставил себя за дверь.

51

...Эх, Никита, Никита... Ничего Хрущев не доводил до конца! конца! Не довел он до конца и низвержение Сталина, а немного еще – и ничьи бы зубы не разомкнулись кричать о «великих заслугах» убийцы...

«Хвала XX съезду!» – торжествовала Люша Чуковская, радуясь выходу «Ивана Денисовича». – «Остановись, дурак! Кто работать будет?» – резолюция Сталина на расстрельном списке Хрущева от 16 августа 1937-го, присланного в Кремль, вождю на утверждение.

Одной бумагой. Точнее – одним отношением.

В списке Хрущева были 55 741 человек.

Обманул всех Хрущев с XX съездом, обманул – прежде всего он *свои* следы зачищал, говорил о Сталине, а боялся за себя, за свои списки, его рукой подписанные... – такие скоты, как он, как Ежов, Розалия Землячка, Эйхе... да и Хрущев, конечно... они всю страну были готовы отправить в лагеря.¹⁵

В официальной советской табели о рангах Твардовский – поэт № 1. [А.Т. не терпит, кстати, Маяковского. Он тоже был когда-то № 1.] Волнуется: Маяковский недостойн в Москве иметь площадь, тем более – рядом с Пушкинской!

*И тот, кто сегодня поет не с нами, –
Тот против нас!*

Ожидайте расстрелы. Такое – и выпустить! Форменный психопат, – Александр Трифонович, кстати, при крестьянской его схватчивости на лица, сразу это заметил¹⁶. – Так вот: если Твардовский у них – поэт № 1... ну и озаботилась бы компартия, что кандидат в члены ее ЦК по какой-то своей, совершенно немислимой алкогольной оси регулярно уносится в тот мир, где

¹⁵ По заказу партии Александр Александрович Фадеев сочинил, как известно, «Молодую гвардию». Но роль самой партии там, на Украине, в брошенном под ноги наступающим немцам Краснодаре, не нашел. Искал. И не нашел. Какая, к черту, партия, если все бежали как сумасшедшие? Коммунисты – прежде всего. Это Виктор Гришин, в 41-м-первый секретарь Серпуховского ГК КПСС-ушел из осажденного города последним. Так было не везде, в Краснодаре-не так, Фадеев решил не врать. Иосиф Виссарионович рассердился:– Вы говно, товарищ Фадеев. А не писатель. Члены Политбюро согласно закивали головами... И закружился Александр Александрович в штормовом вихре! Скорее на дачу, за письменный стол, работать... то есть – вернуть «роль партии» в брошенный Краснодар. Вернул. За неделю. Лидия Сейфуллина, автор «Виренеи», говорила правду в лицо:– Как же ты мог, Саша?! Как ты мог?! – Молчи, дура! – кричал Фадеев. – Молчи, мы поссоримся! Я коммунист, понимаешь? И хочу им остаться!..«Говорила лиса мужику: дай мне лапку на воз положить, а уж вся-то я и сама вспрыгну...» В холодную майскую ночь 1956 года опрокинул Александр Александрович один за другим два стакана водки и – застрелился, заслоня подушкой наградной револьвер. Он думал, что подушка заглушит выстрел, в соседних комнатах спали дети. Из-под двери кабинета Фадеева в детские спальни покатались струйки крови...

¹⁶ «Кто не с нами, тот против нас...» – разве это в России не норма? «Кто не выйдет на Днепр креститься, тот мне враг...» – разве не так страшил Киев князь Владимир? И поддался народ, куда денешься: крещение – поддался, революция – поддался; кто не с нами, тот враг...

ему никто не плюнет в душу, не поставит подножку, как это гениально делают в ЦК КПСС... – в тот мир, где так плохо его могучему телу, но так уютно, так хорошо его чистозвонной душе...

Если АТ. пил, то глубоко. Так пил – будто смерть искал.

Замуровав себя здесь, в Рязани, Александр Исаевич весь последний месяц не отрывался от работы. Он вдруг пробился туда, где прежде был ему от ворот поворот: вставали, поднимались перед ним сейчас эти живые тени – его раковые больные, люди, от которых отвернулся Господь.

Александр Исаевич лично знал многих из этих людей, но самое главное – он вдруг пробился вдруг к себе самому, то есть к тому Солженицыну, вдребезги разбитому болезнью, которого там, в лагерной больнице, оперировал какой-то неизвестный доктор. – Тот, уже почти мертвый, почти умерший Солженицын давался Александру Исаевичу с колоссальным трудом. А перед самым приездом АТ. в Рязань строчки вдруг сами стали ложиться на карандаш, да так густо, так легко, что он действительно не отрывался от письменного стола...

Обидно: «Круг» АТ. не взял. Сам, без чьих-то советов, потому что сердцем не принял.

Не приучены они оба торговать душой...

Машина, старенький «шевроле», осторожно, на плохих тормозах, катилась под горку

– Ты не устал?

– С чего же?..

– Остановимся?

– Да. Надобно походить.

Теленок, столько лет бодавшийся с дубом, так и не сумел его пошатнуть. Дуб здорово подпилит лично Генсек и Президент – Горбачев.

Хотел, видно, сухие ветки убрать, навозику подкинуть, чтоб жил дуб еще тысячу лет. Но в этот момент из дупла вылез заспанный, полупьяный Ельцин, потянулся и – повалил *всю конструкцию* наземь...

Александр Исаевич снова вспомнил о Копелеве.

Получив его письмецо, Александр Исаевич так и не дочитал его до конца – выкинул. А теперь – жалел. Свое «Обращение» Копелев писал не для чужих глаз, только для одного Александра Исаевича и в печать – не отдал. А тут новость из Парижа, с рю Борис Вильде: Розанова хвалится, что копию «Обращения» Ефим Эткинд, приятель Копелева, передал в их с Синявским «Синтаксис», велел пока не печатать, но сейчас свой запрет снял.

Копелев не может простить Александру Исаевичу что он не поехал в Ленинград, на похороны Воронянской: подруга классика повесилась, когда «гебуха» изъяла у нее экземпляр «Архипелага».

Ночь в Ленинград (Александр Исаевич всегда плохо спал в поездах), целый день на холоде и на ветру, ночь обратно. Два дня потеряно. А каждый день – это 20-30 новых страничек, между прочим: печатный лист.

Их много нынче, грозных вопрошателей: Копелев, Войнович, Максимов, Маслов, Эткинд, Лакшин, Синявский, Некрасов... Они (все?) действительно не понимают, что его жизнь и, главное, его тексты нельзя судить по тем меркам, которые для них, его коллег, *общее* правило?..

Александр Исаевич внимательно смотрел на Наташу:

– Скажи, я ведь сейчас таран раскола?..

Выражение его лица никогда не менялось, но какая-то мысль вдруг так его цапанула, что он даже нахмурился.

Люди, переносящие на ногах любую боль, в душе самые беззащитные.

Наташа остановила машину.

Они сидели неподвижно, как провинившиеся школьники.

– Раскололи мы зэков. Сосморкано наземь...

– Каких еще зэков? – насторожилась Наташа.

Машина неловко приткнулась у небольшого сугроба. Наташа думала, что Александр Исаевич выйдет на воздух, но он молчал и сидел неподвижно.

– Саша... Ты сказал неправду

Она положила ему на колени руку, словно хотела его согреть.

– Если бы неправду... – откликнулся он.

Наташа никогда не говорила с Александром Исаевичем о ГУЛАГе, но однажды все-таки не удержалась, спросила: что там, в лагере, было для него самое страшное...

Солженицын ответил: как-то раз он проснулся от шороха. Лагерники знали *каждый* шорох в бараке. Но это был особенный шорох. Александр Исаевич приподнялся: вши *стадом* сбегали с тела его мертвого соседа; помер он где-то час назад, труп остывал, и вши *оставляли* его *со скрежетом*...

Если Александр Исаевич волновался, он начинал говорить очень быстро, не так, как всегда; его степенность куда-то пропадала, и было видно, как же он на самом деле беззащитен, мрамор таял, как снег, на глазах появлялись слезы...

– Мы-то думали, Наташа, «Архипелаг» – первый камень в будущем музее коммунистической инквизиции. Равенство в бесправии. И когда Михаил Сергеевич великодушно объявил «гласность»... вот же, господа коммунисты, вот они, все ваши преступления, пронумеровано и подшито.

«Архипелаг» начинает, а все, кто хотел бы что-то сказать, продолжают: кто крохоткой в тетрадке, кто большой развернутой строкой, а кто и рисунком... – разве «Архипелаг» недостойн надежд читающей России?

Но после «Архипелага» лагерники наоборот раскололись, и мы видим сейчас взаимную отчужденность зэковских сердец.

– Ты не прав, Саша...

Он сидел, погруженный в себя, и говорил с трудом, очень спокойно, но твердо.

– Копелев, Лакшин, Войнович, ясно же выбрана линия: опорочить имя. В Древнем Риме был когда-то такой обряд: изъятие имени.

– Нобелевские имена не умирают.

– Еще как! Десятки примеров. Кто знает, что Чазов – нобелевский лауреат? Кто читает Шолохова? А главное, зачем?

Наташа не ответила.

– Поехали, наверное... Когда едешь, веселее как-то... – предложил он.

...«Шевроле» завелся только с третьего раза. Совсем старенький, продать бы его поскорее...

И опять они всю дорогу молчали: Александр Исаевич был какой-то потерянный, не в своем контуре. – Левка, Левка... пишет грубо, с патетикой; правдивость, видите ли, у Александра Исаевича дает трещины и обваливается... И все это только потому – Копелев не сомневается, что Александр Исаевич провозгласил себя «единственным носителем единственной истины».

Интересно: если бы Солженицын жил где-нибудь далеко от Москвы и там, в его укрыище, родились бы «Один день...», «Матренин двор», «Раковый корпус», «В круге первом» и, наконец, «Архипелаг»... – послушайте, если бы он *сразу*, в *один* день предъявил бы человечеству все свои книги, его бы тут же назвали святым!

Если происходит Обретение, если он, бывший солдат и бывший узник, вдруг получает – для чего-то – еще одну жизнь и в ней, в этой жизни, из ее духа, из ее подвига (вся жизнь как подвиг) рождаются, одна за другой, его великие книги... почему тогда *свои*, прежде всего *свои*, сегодня ведут себя так, будто он, Солженицын, всем им чем-то обязан?

Вот только где они, наконец, те его читатели, его знакомые и незнакомые друзья, кому он «невидимым струением» посылал – все эти годы – свои книги? Почему Копелеву, Войновичу всем если кто и возражает сейчас, так только Юра Кублановский, но у Кублановского – мягкое перо, он поэт, а ведь в лицо-то Александру Исаевичу несется настоящая агрессия...

Описывая в «Красном колесе» Надежду Крупскую, он заикнулся было, что Ленину жилось с Крупской скучно и поэтому – ; тяжело.

Копелев почему-то решил, что «цюрихский» Ленин – это автопортрет самого Александра Исаевича, а Крупская «списана» с Натальи Дмитриевны: «Жить с Надей – наилучший вариант, и он его правильно нашел когда-то... Мало сказать, единомышленница. Надя и по третьестепенному поводу не думала, не чувствовала никогда иначе, чем он. Она знала, как весь мир теребит, треплет, раздражает нервы Ильича, и сама не только не раздражала, но смягчала, берегла, принимала на себя. На всякий его излом и вспышку она оказывалась той же по излому, но – встречной формы, но – мягко... Жизнь с ней не требует перетраты нервов...»

И опять они стояли на какой-то опушке.

«Людам – тын да помеха, а нам смех да потеха!» И он, Солженицын, уже не писатель, оказывается, а пропагандист и иллюстратор! Все, все идет в ход, любая чушь: и забор в Пяти Ручьях – шесть метров с видеокамерами, и погубил он, Солженицын, свой талант точно так же, как Шолохов когда-то погубил себя грязным крестьянским «первачом»!

Асфальтовые дороги через полуголый лес – вот как к этому привыкнуть?

Наташа вышла из машины и потянула его за собой.

– Я сейчас, сейчас... – пообещал Александр Исаевич.

Он обернулся. Школьная тетрадка в линейку по-прежнему лежала на заднем сиденье автомобиля; он с ней не расставался в последние месяцы.

«Конспект, – написано на обложке. – Др. слав. История».

Какой почерк, а? Мелкий-мелкий, буковки как семечки.

«Тихий Дон». Главный вопрос: чего стоит человеку революция?

Солженицын. Главный (и без ответа) вопрос его нынешней жизни: чего стоит человеку эмиграция?

Вся русская история – в этой тетрадке:

– культурные народы Римской империи и Ближнего Востока (слово «близкий» Александр Исаевич дважды подчеркнул) считали славян разбойниками и дикарями; такими они и были (VI-УШ);

– жизнь у славян не дружная, племена жест, нападают др. на друга. Грабеж (по занятиям) на пер. месте, за ним – торговля и землед;

– предм. вывоза (продажи) у ел.: меха, мед, воск. Но осн. источник дохода – рабы. Славяне постоянно продают друг друга в рабство. Сильные с удовольст. торгуют слабы ми, полубольшими; все араб, и европ. рынки «забиты» рабами-славянами. Между славянами постоянная внутренняя война. Слово «раб» (в английском – «slave», у французов – «esclave») от слова «славянин» (подчеркнуто дважды). В Средневековье словечко «дулос» («раб») вытеснено словом «склавос» – так др. греки именуют славян.

«Slave», «esclave» – вся планета знает (говорит), что славяне – это рабы. Теперь вопрос: рабы Древнего Рима – это тоже славяне?..

Даже монголы, азиаты с рысьими глазами, не торговали др. другом и своей ближ. родней.

Разве предки немц., белы, могли выжить в пещ. Колизея, где пр. доб. свинец? – А светлокудрые, ничего... – выж.!

Кстати, о светлокудых. Когда Владимир Васильев в Большом театре танцует «Спартак», он... кто? Кого он танцует? Итальянца, что ли?

На с/д в плену выж. только те славяне, кто не ценит свою жизнь. Насмерть бьется на гладиаторских боях. Им. насмер. иначе не умеют. У ел. вся жизнь есть несконч. поединок. Их

отл. закалили лесные дебри и войны друг с другом. Не ведают страха. На медведя с рогатиной ходили.

Сюда, на бер. Припяти и Зап. Двины, визант. купцы приезж. прж. вс. за деш. раб. силой. Все др. товары (мед, пенька, лен) можно купить и в центре Европы, путь в Бел. Русь смерт. опасен, но сл. – рабы стоят риска!

Вот, к слову, почему ел. пл. пост, напад др. на друга: рабы – это деньги, рабы – это вес. вино, яркие одежды и оружие!

«Каждое русское дело непременно должно оказаться либо не по силам тем, кто его предпринимает, либо окончиться неудачей, вследствие апатии людей, ради которых оно предпринято...»

Прав философ? Так? Но кто в эт. лесах видел – когда-нибудь – такие латы, такие мечи, молнией сверкающие на солнце?

Это от древних римлян. Их звон.

Потряс. Корин, портр. Ал. Невского. Кто-нибудь удивл., что рус. полководец облачен сейчас в римские доспехи?.

Александр Исаевич пишет только для себя, не для чужих глаз, поэтому пишет где может, сокращенно, экономит время.

Кажд. рус. город – мощный бастион на верш. холма. Бастион называется «Кремль». Виден отовсюду. От кого защищ. славяне? От Ногайской орды? От Сибирской орды? Именно у ел. (кривичей, живших в междур. Днепра, Волги и Зап. Двины) ритуал: око за око, смерть за смерть. (Позже на Кавк. у соседей это наз. «кр. мезтью».)

На славян, пр. всего – мол. мужчины, девушки, дети, есз... славяне же, те... кто сильнее... выменивают: оружие, вино, предм. роскоши, золото, ткани.

Человек, его жизнь, приравнен к вину, к деньгам.

(Ремарка на полях: тогда – племена, сегодня – шайки, экономический бандитизм, – какая разница?)

Александр Исаевич отложил тетрадку в сторону: с первых дней Петербурга, с «засилия иностранцев» (в этой стране всегда – засилие), русская интеллигенция дружно взялась за *сочинение* отечественной истории.

Кто придумает громкую фразу, еще лучше – *событие*, тот и патриот! От «Княжнин умер под розгами!» (Пушкин) до «Пусть без страха жалуют к нам в гости, но кто с мечом придет, тот от меча и погибнет...»-Александр Невский никогда этих слов не говорил, их сочинила академик Панкратова, оголтелая сталинистка.

А ведь укрепились слова, мгновенно укрепились!

«Ключевский счит, что слав, призыв. варягов только для защиты своих рубежей. (А уж потом, позже, варяги коварн. обр. захват, власть над сл./землями). Но ни одна летопись (подчеркнуто) не сообщает нич. подобного.

Главное: у славян не *было правды* (выд.) в их внутр. отношениях. А как? Если это все банды. Какая м. б. «правда» у разбойников и работорговцев?

– Приходит Рюрик (Рорук?). Приглаш. ел. на царство (с братьями и дружиной). Пират, тиран, предтеча царя Иоанна, неврастеника и алкоголика; – Русь – древнескандинавское «рогхремен» («гребцы, морех.»), то есть варяги дают этим землям, фактич. своей колонии, еще и свое имя;

– от Волыни до Оки, от Азова до сев. морей – везде правят варяги. (Везде без исключен., подчеркнуто.) Появл. т/образом нов. (исключ. пришлый) правящий строй буд. страны;

– X век – Русь управляется конунгом, т. е. киевским князем (из прямых потомков конунга Рюрика);

– середина X в., «Русская Правда». Закон, созданный варягами для славянских земель. Официально узак. неравенство: за убийство княжьего мужа – 80 гривен компенсации (прим. 20 кг серебра), за убийство смерда – 5 гривен;

– чтобы войти в высш. слой р/общества, надо быть варягом. Пусть не по крови, хотя бы – по стилю жизни...»

Александр Исаевич оторвался от тетрадки и взглянул через стекло на Наташу, на ее веселое, покрасневшее лицо! Ветер меньше не стал, ну так что же, ради такого воздуха, такой чистоты, как здесь, ветер можно стерпеть...

«И безвозвратно уходило время только в том, что безвозвратно изнурялась моя родина...»

Кто-то сказал, что его «Теленок» – книга о том, что он очень хотел, но так и не научился дружить. – С чего, с чего вдруг литературные собратья решили, что они хоть что-то знают о нем?

Ермолай, старший сын Александра Исаевича, принес вчера анекдот. Он любит анекдоты, даже их в тетрадку заносит, чтобы не забыть.

«Согласно этикету, нож можно держать в левой руке лишь в том случае, если в правой – пистолет...»

Из России. В какой еще стране столько анекдотов, как в России?

В Китае? Во Франции? В Индии?

Разговор-интервью с Говорухиным – хорошая идея. Это Аля подсказала: интервью – невыгодный для писателя жанр, поэтому для беседы на экране Александру Исаевичу нужен не журналист, а человек с весом.

Наталья Дмитриевна и Александр Исаевич нарочно уехали из дома: сегодня Говорухин весь день снимает детей, Игната и Степку.

Портрет Солженицына на фоне семьи, так сказать.

Ну, а завтра с утра – их разговор.

– Не замерзла?

– Тепло одета, – улыбнулась Наталья Дмитриевна.

Ветер, и правда, усилился.

– Хорошо, что тепло...

Придет, придет в Россию ее *коренная* власть. Власть церкви. Русской православной церкви.

Та власть, которая идет из духа этой страны, из ее *нутра*... При одном условии: если сама Церковь устоит перед соблазнами, не погрязнет в бизнесе.

Только Всевышний может умирить Россию. Только с Ним этот народ может договориться.

А сам с собой – это вряд ли, русские уже не слышат друг друга...

Точка невозврата. И глядя на Россию, на Ельцина, иной раз кажется, что Бога уже нет...

Кто-нибудь заметил, как исчезли (в составе России) десятки народностей? Есть Красная книга животных. Всех вымирающих видов. А Красная книга народов и народностей, оказавшихся сейчас на краю гибели, – она есть?

Александр Исаевич шел по дороге, крепко держал Наташу, она еще крепче держала Александра Исаевича; ветер бил по ним как заведенный, обдавал холодом и снегом, но обратно, в машину, не хотелось.

«Евреи». Если когда-то придет час возвращения, значит еврейские главы, которые он когда-то сам вынул из «Архипелага», опубликовать пока не стоит.

Александр Исаевич – напряженный стратег. Его книги (все его книги, «Евреи» не исключение) то должны, «закопавшись в землю, не стрелять и не высовываться, то во тьме и без-

звучии переходить мосты, то, скрыв подготовку до последнего сыпка земли, – с неожиданной стороны в неожиданный миг выбегать в дружную атаку...»

Сначала надо вернуться. И оглядеться.

Человек с *миссией* обязан быть стратегом: если бы его «Евреи» остались в «Архипелаге», не видать ему Нобелевской как своих ушей, обнесли бы точно так же, как когда-то с Ленинской...

– Припомни, Наташа, кто тот пустомеля, кто после «Обустроить Россию»...

– Боровой... – с ходу ответила Наталья Дмитриевна. – «... Что несет России этот выживший из ума старикашка...» Бывший таксист, Боровой сейчас – деляга и рисуется политиком...

Она фиксировала каждую брань по его адресу. Она – комитет его безопасности.

И таких, как этот таксист, кто-то слушает?

Пройти по тонкому льду, но обязательно пройти, то есть *доказать*: евреи приняли «непомерное участие» в создании государства «не только нечувствительного к русскому народу, не только неслиянного с русской историей, но и несущего все крайности террора своему населению...».

Александр Исаевич был так задумчив, что не заметил, как они повернули назад, к машине. И не заметил, что ветер стих, уже стемнело и на небе вот-вот появятся первые звездочки.

Давно, с Экибастуза, Александр Исаевич обожал ночное небо: единственная отдушина, когда вокруг тебя только колючая проволока.

Под звездным небом Александр Исаевич чувствовал себя как в церкви, на проникновенной, радостной молитве.

Так же молча они с Наташей сели в машину и вернулись домой. Александр Исаевич так и не обозначил точную дату (хотя бы год] возвращения в Россию, но с «Евреями» все-таки решил повременить: очень интересно, как Москва примет его передачу с Говорухиным, что в «Останкино» вырежут, а что оставят. И самое главное, останутся ли в эфире слова, которые он будет – открыто и прямо – говорить о Ельцине, ведь это первое, глаза в глаза, его обращение к нации...

52

Как только за Егоркой захлопнулась дверь бутырской камеры, он сразу получил мощнейший удар в голову.

В камере тускло горели две лампочки, камера маленькая, а людей – человек двадцать, так что дышать совершенно нечем, аж горло перехватывает. Кто-то из бомжей, тот же Иван....., говорил намеренно, что народ в тюрьмах от тогодохнет, что здесь нечем дышать, особенно в жару.

Кислород на весь золота, – вон что бывает!

Никто из этих... потных, грязных и полуголых людей не удивился, что к ним в камеру без карантина, прямо с улицы закинули вонючего, завшивленного бомжа.

Если бы вошел сейчас Ельцин с одеялом под мышкой, здесь тоже никто бы не удивился.

Егорку сроду не били. Только Наташка, пьяная, запустила в него однажды пустой бутылкой, да и то промахнулась, потому как на ногах уже не стояла.

– Это че... за одичалый?.. – раздался голос с верхней шконки. – Алкота? Слышь? Я имею один, но исключительный вопрос: ты кто у нас теперь такой? Говори, задрыга!

Эки заинтересованно замолчали.

– Я теперь буду настояс-ший труп, – пробормотал Егорка и опять получил удар в голову, потому что ответ прозвучал грубо.

У Егорки в глазах что-то разорвалось, и он медленно осел на пол. Люди, которых прежде не били, успевают удивиться, прежде чем свалиться на пол.

– Ты куда? – удивился все тот же голос. – Вставай, алконавт! Куда пошел? Разговорчик еще не начался!

Заключенные Бутырского замка были сплошь обовшивевшие и истощенные люди, дрожавшие перед своими начальниками. Били их беспощадно. И также беспощадно они били друг друга. Каждый новичок (если только воровской «телеграф» не предупредил заранее о каком-то важном арестанте) получал приветственный удар в голову. Новички должны были *конкретно* почувствовать: их жизнь разделилась на два периода. Один – жизнь там, за забором, на воле, второй – здесь, в тюрьме, где все (и за всех) решает либо начальник тюрьмы, либо тот, кому в камере назначено стать «разработчиком».

«Разработчик» – это профессия. Цель – выбить из заключенных те «чистосердечные» признания, без которых все следственные действия летят в тартарары. Если у следователя были хорошие «показатели», он быстро поднимался по служебной лестнице. Получал ордена, премии, но главное – ему и его семье выделялись бесплатные путевки на курорты, которые ценились сейчас как государственные награды.

В каждом изоляторе были собственные «бей бригады». «Рукопомойничали» сами заключенные: убийцы и бандиты, поступившие [после ареста] на негласную службу к тюремщикам. По приказу следователя «разработчики» либо вбивали в эков «их» показания, либо – выбивали их, не стесняясь крови и мук этих людей.

Получив «приветственный удар», новичок тут же «придушался» полотенцем. Затем эки закидывали его на верхний «ярус» шконки, связывали по рукам-ногам и безжалостно насиловали.

В тюрьмах насиловали всех, даже стариков. (Они не люди, что ли?)

Позже, через день-другой, новичку конкретно объяснят, какие показания (и на кого) нужны следствию. Если заключенный тупит, «бей-игры» продолжают с новой силой. Новичка снова душат полотенцем (иногда натягивают ему на голову целлофановый пакет). В тот момент, когда человек сломлен происходит самая главная пытка – токком.

Один оголенный проводок вставляется заключенному в ухо, другой – в «змеевы орехи», то есть – в гениталии.

Проводки всаживаются в розетку, и ээк получает 220 вольт.

Кручиной моря не переедешь! Слабые умирают, хотя такой финал, смерть, в СИЗО не приветствуется. – Что делать, в любой работе существует брак. В медицинском заключении нет, разумеется, самых главных слов: смерть наступила в результате пыток, среди врачей и надзирающих прокуроров нет самоубийц.

Пишут что-то другое – острая сердечная недостаточность, инфаркт, инсульт... – диагнозы разные, обычно – традиционные.

А кто узнает, что они «левые»? Как?

Егорка упал не сразу, он еще с минуту, наверное, стоял на ногах, пытаюсь сообразить, что с ним сейчас происходит: крови нет, раны нет и сознания-тоже нет, уходит куда-то, плывет...

Народ здесь, в тюрьме, окаменелый.

– Васька, подымь задрота, – посоветовал кто-то, – и подальше забрось его на вату, не то он говном весь дом провоняет...

Вата – это грязные матрасы, раскиданные по шконкам.

– А ковырялочку устроим? – предложил Васька. – Как, Джамиль?

– Успеем еще... – вяло откликнулся Джамиль. В камере он был главным. – Куда гонишь?

– А если с душой, но прямо с-ча?.. – не отступал Васька.

– Обабить хошь?

– Ис-шо как хоч-чу...

– Так и будет тебе пара неприятностей!

– Да?

– А то...

Егорка слышал все, о чем говорят эти люди, но он плохо понимал, о чем идет разговор.

Со шконки юркнул на пол молодой, крепко сбитый парень, чем-то похожий на артиста Высоцкого. А рядом с Егоркой стоял здоровенный битюг с фиксой, от которого потом несло, как от лошади после скачек.

– Поддай-ка, Кривой!

Запахов здесь, в камере уже никто, похоже, не чувствовал: ээки хорошо привонялись друг к другу. Вдвоем с битюгом они небрежно подняли Егорку и забросили его на нары; с размаха он так ударился о стенку, что опять чуть было не свалился вниз.

– А вот и здрасьте! – присвистнул Васька. – Глянь, Кривой! Какая у одичалого... шоколадница...

Васька хоть и молод, но он – опытный карманник. Этот малый лучше всех знал, как здесь, в камере, надо мастырить, чтобы мигом оказаться в тюремной больнице: симулировать заболевание. Если, например, во время прогулки долго мять комочек снега, потом посыпать его солью и приложить к голому телу, на коже сразу проступят два-три сине-бурых пятна. И – к доктору: я умираю! Страшные язвы, подозрение на проказу...

По инструкции Егорку полагалось бы отправить в карантин, но карантин в Бутырке всегда переполнен. В карантине люди спали по 6 часов, в четыре смены, кто-то умудрялся спать стоя, спиной прислонившись к стене.

Васька не отходил от старшего.

– Я скучаю, Джамиль! Ну, обмозгуй же эту мурку! И выдай об-честву справедливый приговор: пусть фарт мне выйдет...

Ээки одобрительно загудели.

– Говорю же: рано пока... – отмахивался Джамиль

– Очань уж хотца! – настаивал Васька. – Мой батончик просит... прям! И весь беленькой переполнен.

– Так ты его не лапуй, соплянос – посоветовал кто-то. – С дочки слезь и не гони! Девственность, бердач, это тот товар... который никогда не портится...

Дикость, конечно: здесь, в камере, вроде бы все говорят по-русски, но язык – совершенно дикий, не русский, одно слово – тюремный.

– А аппетит? – не унимался Васька. – Я ж товарищ с аппетитом.

– Или свинья, дуря?

Васька не спорил, он был опытный зэк.

– Свинья, конечно. Но с аппетитом!

Зэки засмеялись. Сейчас смеялась уже вся камера, а битюг с фиксой крикнул:

– Противогондонный пидор, вот ты кто...

– Спермоторея у меня, ясно, – жаловался Васька. – Эх, жизнь наша бесова... Нас еб... т, а нам некова...

И он руками отбил на груди чечетку.

– Не колоти по сердцу, дуря... – посоветовал Кривой. – Не натужь органы... внутренние...

В камере стоял густой табачный дым, поэтому лиц было совсем не видно. Стекол за решетками не было, выбиты, но дым стоял коромыслом и почему-то не уходил.

Кривой тупо следил за Егоркой:

– Глянь, Джамиль! Одичалый наш... гляделки отворил!

Жизнь в московских подвалах хорошо закалила Егорку – он быстро пришел в себя.

– Доброе утро, барашек, – подскочил Васька. – общество приветствует тебя в нашем закрытом пансионе... для особо одаренных мальчиков...

– А ща уже утро? – не поверил Егорка.

Он пощупал голову: вроде бы голова цела, хотя боль – адская.

– Хватит беременить мне мозги, – заржал Васька. – Пришел пешком, так и уйдешь тишком! Куда? Как куда!.. – воскликнул он. – На кладбище! Кликуха есть?..

– Егор Семенович... я.

– Оч-чена даже и приятно! А я – Васька Дурдом. Будешь меня любить, Егорушка?

Он закатил глаза и стал чем-то похож на девушку.

– Я ж со всем уважением... – прошептал Егорка. – Голова только, товарищ, как ватой набитая. Не моя пока голова...

– Больно небось?

– Очень, товарищ... – вообще-то Егорка никогда не жаловался, но Васька вызвал у него доверие.

– Называй меня лучше «гражданин начальник», – посоветовал Васька.

– Слушаюсь... – прошептал Егорка.

– А если ис-счо больнее будет?

– Зачем? Не надо... больнее...

– Че ж ты такой нарваный, а?.. Джамиль, слушай: то ж не жопа, то счастье! Проникнись, Джамиль! Я его хочу! Я очень быстро хочу сейчас Егора Семеныча! Не то он сбрызнит потом, а я с чем буду?..

Васька крутился перед Егоркой так, будто отплясывал «Яблочко».

– Господа тюрьма! Предлагаю: хва чалиться за вырванные мусорьем годы! Щ-ща Егор Семенович покажет нам сладюсенский свой амортизатор...

Слышишь меня, родной? – зашептал он, повернувшись к Егорке. – Не подведи! А подведешь – убью, – предупредил он. – Скидывай штанишки!

Васька так ужасно дышал Егорке в лицо, что он даже говорить не мог. Удар, опрокинувший Егорку, был мастерский: если уж бить, то сразу в темечко, дураком сделаешься, а голова цела – ни синяка, ни царапины.

– Ты че-то не п-понял, задрот?.. – наступал Васька. – Во неусвойчивый какой!

К ним мигом подскочил Кривой и схватил Ваську за грудки:

– Слышь, пердячий пар! Я тоже хочу!

– Иче?

– Решает старшой.

– Справедливо! – напомнил кто-то со шконки. – Здесь не безотцовщина!

Васька отступил:

– Так пусть и решит. В мою пользу... Я – за!

Егорку определили в самую обычную, «пролетарскую» камеру: здесь были только карманники. Арестованные чиновники и бизнесмены, готовые выложить наличные за «нормальный угол», сидели этажом выше: там располагались камеры на два-три человека, довольно сносные.

Почти всю еду, которая поступала заключенным из дома, забирали себе офицеры или конвойные. Главный вопрос: кто сегодня больше заплатит, следователь или его жертва? Бить или не бить?

Все это время Джамиль валялся на шконке, мечтательно закинув руки за голову.

– А ты, Васька, пархач...

Он всегда говорил очень тихо.

– Я ж к нему со всей любовью, пахан! А он козлит! Любви моей не хочет... во че творится, братва, – оправдывался Васька. – Это ж сурово: парашют пузырится, а он, сученыш, м-меня, как щенка, отхарил!

– Да какая лоретка тебя захочет? – хохотнул Джамиль. – Окромя Кривого?..

По камере пробежал нехороший смешок: люди Ваську не уважали, беспокойный он, от таких – всегда беспорядок...

...Побег из тюрьмы стоил от трех миллионов долларов. Но побег – дело сложное, в цене была другая история: заключенного тайно выводили за забор на волю, он жил где хотел; один товарищ, у которого при аресте почему-то не отобрали загранпаспорт, даже съездил во Францию, на Каннский кинофестиваль! В «застенок» эти господа возвращались только перед какой-то важной проверкой; о таких проверках тюрьма всегда знала заранее. Проще всего, конечно, было бежать из «автозака». Побегом руководили начальники с большими погонами, а списывали на растяпство конвоиров: не уследили! – Конвоиров тут же «закрывали», в камеры к ним являлись «разработчики», и начиналось... сотрудничество со следка.

– Мы еб...ли все на свете, кроме шила и гвоздя! Шило колется в зал... пу, а гвоздя е...ть нельзя! – загорланил Васька. – У-ух!

И он опять отбил руками чечетку.

Тюрьма, если и уважает кого, то только воров в законе и богатых.

Егорка хотел подняться, ноги не слушались, но он все же сполз на заплеванный пол. Никто ему не помог: эки расселись возле старшенького, еле говорившего телевизора, и интерес к Егорке почти пропал.

Егорка так и не понял, почему его загнали в тюрьму: может, про Горбачева узнали? Но как? Даже Катька – и та ничего не знала. Олеша? Борис Борисыч? Нет. И еще раз – нет!

В Ачинске не было предателей.

Интересно, как в тюрьме кормят? Может, и рыбу дают?

Егорка ужасно любил щуку. До чего ж вкусна, зараза! Особенно если сделать из щуки котлетки. Щука в Сибири наивкуснейший зверь! Говорят, хорош еще таймень, но таймень в северных реках живет, а на северах Егорка не рыбачил, случай не подвернулся...

Егорка подполз к Ваське Дурдому. На последней шконке, у стенки, он отчаянно резался в карты.

– Слышь, мил человек... Ты меня не попутал с кем-то... а?

От такой наглости Васька не знал, что ответить: он мог бы двинуть ему в дыню, но в тюрьме после ужина никто никогда не дрался, это закон.

– Темно ж было, – подсказывал Егорка. – Только я, мил человек, не в обиде, я ко всему привыкший, потому что с добром в сердце живу...

Егорка мешал зэкам смотреть телевизор.

– Дуря, – позвал кто-то Ваську, – смотри: скобарь заголосил! Ну-ка, скажи ему... Дуря!

Кривой с неудовольствием кинул карты на стол.

– Послушайте, Василий, что вы приеб...сь до Егора Семеновича, как чирей до пионерки? Сидите уже у телевизора! Там, говорят, футбол будет... А ты, с-самородок... – скопился он на Егорку, – мне решил вопросик подбросить? А я, значит, должен ответ тебе дать? Как у мусоров на допросе?

Его глаза наливались кровью.

– Вишь, Джамиль, какая бранжа? Эта виньетка к ответу меня требует! Можно я ему бубенцы откручу?..

– И просьба по нему вроде нам не поступала... – осторожно напомнил Васька.

Он имел ввиду тюремный «телеграф», предупреждавший заранее о тех людях, к которым зэки должны были бы проявить максимум уважения.

Когда-то, лет сорок назад, Джамиль был «домушником» – в Батуми и Кобулету. «Если я, – рассказывал Джамиль, – влезая в хату, слышал плач ребенка, я все бросал и уходил: вдруг это плачет будущий вор?!»

Васька жалобно смотрел на Джамилу:

– Да он... изводит меня своей попкой, старшой! Мой... член правительства... прямо счас хочет Егора Семеныча, сам посмотри... – и Васька тут же скинул старые треники. – Умоляет же прям!

Его конец действительно напрягся и выросал прямо на глазах.

– Сперматорий... – мечтательно произнес кто-то из них.

Джамиль устало повернулся к Ваське.

– Тебе, случайно, зубы не жмут? – поинтересовался он. – Или второй глаз стал лишний?

– Извиняюсь, конечно... Васька тут же натянул треники.

– Совсем обалдел, к пахану уважухи нет!

Кривой так вздохнул, словно жизнь поднасилственнно отнимала у него весь смысл его существования.

– Бердач, значит, на завтра отложим? Вообще-то спать охота.

– Ты че, опупел? – разъярился Васька. – Где я и где завтра? А?! Завтра, можа, меня расстреляют!..

Джамиль понял, что зэкам («обчеству», как здесь говорили) Егорка стал интереснее даже, чем футбол: он ведь тоже по-своему зависел от этих ханыг, хотя вида не подавал.

– Убедительно гундосишь, – согласился Джамиль. – Только дураки откладывают на завтра то, что можно сделать сегодня!

– Наша взяла, – Васька аж покраснел и бросился в танец. – «Мы е...ли – не пропали, пое...м – не попадем!» – веселился он, глядя на Егорку:

– Поцелуй же меня, сладенький!.. «Любить – не люби, да почаще е...и!»

Он был действительно настроен только на секс.

Егорка вздрогнул:

– Как... поц-целуй?... Зачем... поцелуй?..

– В губы, сладкий, в губы... – приставал Васька. – Педараст я, понимаешь? Педараст! Слышал о таких?!

Егорка знал, конечно, что бывают такие мужики, которые почему-то спят не с бабами, а с мужиками, но в Ачинске их сроду не было, у них нормальный город, да и как ты с таким вот товарищем... водку пойдешь пить на фабрику-кухню? Тебя ж заплует коллектив!

Васька с надеждой смотрел на Джамиля:

– Не томи, председатель... Я ж какие сутки не трахнутый хожу...

– Какие, бл? – не понял Кривой.

Зэки заволновались. Чувствовалось, что «общество» любит во всем справедливость, даже в пустяках.

– Какие-какие! – огрызнулся Васька. – «Папа любит чай горячий, Васька любит х... стоячий»... У-ух!..

Он не знал других танцев, кроме чечетки

– Коллектив! – начал Джамиль. – Разобрать надо сейчас тему одну непростую. Перед вами стоит новопредстав-ленный нам администрацией этого небогоугодного заведения... некто Егор Семеныч. И его детский, никем еще не тронутый... попенгаген. А напротив Егора Семеныча выстроилась сейчас. – целая голубая дивизия.

– Дикая... – хмыкнул кто-то.

– Именно, – согласился Джамиль. – И... что люди скажут? Какое будет решение? Внимательно жду.

– А че его беречь-то? – пожал плечами Кривой. – Глядишь, ему от палки еще ой как приятно делается...

– Вот! – крикнул кто-то сквозь дым. – Большой мерзости охота, Джамиль!

Одна веселая фраза – и настроение в камере тут же поменялось.

Кривой осмелел:

– Я первый! – крикнул он. – Так ведь, Дуря?

– Эт-то ис-шо... че за заморочка такая?.. – возмутился Васька. – Пахан, скажи веско Кривому! Не надо мне горе с пустяка делать!

Зэки заинтересовались. Над «полатами» поднялись грязные, вшивые головы: народ предвкусшал мордобой.

«А если б в камеру сча... Ельцин вошел? – усмехнулся Егорка. – Что б он подумал о своем народе?»

Егорка плакал. Тихо и обреченно он вытирал рукавом свои слезы и – молчал.

– Щ-ща я ему такой взнос сделаю... – предупредил Васька. – Вся его волосня, братцы, ходуном пойдет...

Тут вдруг резко поднялся Кривой:

– Зачехли ракетку Дуря! А можа мы в карты его рассчитаем?

Все ждали, что скажет Джамиль.

– Старшой, я тут жопу не поделил... – доложил Васька. – Веско скажи Кривому, старшой, шо свое счастье можно и по-другому найти! Не за мой же сщет.

– Чухан не баба... – усмехнулся Джамиль. – Чухан всех выдержит. Выделяю каждому по десять минут... раз у всех нынче стояк такой...

Зэки призадумались. Такого решения никто не ждал.

– По десять-то маловато будет, – неуверенно протянул Кривой. – Если барсик такой...

Он сложил руки на задышливой груди и влюбленно уставился на Егорку. Подлетел Васька:

– Ну, свиная морда! Мокрощелину готовь! Кувыркнись на бок, я те сначала ковырял очку строю...

Егорка с ужасом смотрел на Ваську.

– Пальчиком массаж произведу, – объяснил он. – Попенгагена. Подготовлю малек, ты не бойсь...

Егорка понял, что он сейчас умрет. И он был готов умереть. Разве можно вынести такой позор? – Эх, Катька-Катька, пропадешь ты, пьяная, в каком-нибудь сугробе, и даже похоронить тебя по-людски будет некому, потому как ты теперь никому не нужна...

Кто-то нагло содрал с Егорки штаны и кинул его лицом в матрас.

Начинается? Неужели, правда, вся Россия – тюрьма?

В этот момент лязгнул засов. Распахнулась дверь, и конвойный громко произнес его имя: Иванов Егор.

«На расстрел, да?» – догадался Егорка.

Сегодня он плакал впервые в жизни.

Майор милиции Денис Мениханов ненавидел вести допросы в тюремных кабинетах, но Иван Данилович Жарков, его начальник, ждал этого бомжа как соловей – лета, а к разговору с полковником Жарковым надо было хорошо подготовиться.

Конвойные тащили Егорку с двух сторон под руки, и со стороны казалось, что они волокут труп.

Допрашивать подсудимых в таком состоянии запрещено законом, но Иван Данилович вот-вот уйдет на пенсию, Денис метит на его место, значит, работать сейчас надо решительно и быстро.

53

– И шта?.. Так и будем молчать, понимать?

Рядом с кабинетом Ельцина в Кремле находился большой зал для заседаний, но совещания проходили здесь крайне редко.

Ельцин не любил совещания. Он не любил сидеть во главе стола [«я – дрянь тамада», – говорил Ельцин). Он плохо запоминал, кто о чем говорит, кто с кем и о чем спорит, а записывать – ленился.

– Шта вы... м-молчите?.. А?

Лужков встал:

– Борис Николаевич! Как мэр Москвы, я полностью удовлетворен сейчас решением Президента...

– Во-от!.. Наконец-то!

Ельцин вышел из-за стола. Было видно, что он устал и раздражен: два часа дня, пора пообедать, он плохо спал сегодня ночью, точнее – вообще не спал, а здесь еще – противная склока между своими...

– Таким образом, – продолжал Лужков, – еще раз хочу сказать: как руководителя Москвы, решение Президента по Чубайсу меня полностью устраивает...

– Наконец-то! – протянул Ельцин. – И на том спасибо, Юрий Михайлович! А вы, вице-премьер... – он повернулся к Чубайсу, – не лезьте больше в Москву! И Гайдару передайте: в Москве есть у нас Юрий Михайлович, понимаешь... А вам с Гайдаром и России хватит.

Лужков был раздражен, а когда он раздражен, Лужков плохо владеет собой.

– Но как гражданина Российской Федерации, – отчеканил Лужков, – работа Госкомимущества и лично Анатолия Борисовича, те... катастрофические... – не справляясь с волнением, Лужков с трудом подбирал слова, – и совершенно недопустимые явления, которые проявляются сейчас все чаще и чаще... меня абсолютно не устраивает. Более того...

– Шта-а? Шта вы сей-час ска-а-зали?

Ельцин медленно подошел к Лужкову.

– О какой катастрофе... – он смотрел ему прямо в глаза, – вы, понимать, говорите? Я... жду объяснения.

В зале было душно. Кондиционеры вроде бы работали, но не спасали.

...Мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков за неделю узнал о встрече в Кремле и хорошо к ней подготовился. Встретился с учеными – Львовым, Петраковым, Абалкиным, съездил к статистикам, подключил спецслужбы, хотя Баранников (и Лужков об этом знал) приватизацию почти не отслеживал: не хотел ссориться с Гайдаром.

Оказалось, на совещании у Президента не будет Бурбулиса. Значит, верны слухи об его отставке?

– Подчеркиваю, Борис Николаевич: как руководитель города, я благодарен Президенту Российской Федерации за принятое сегодня решение по Москве, – начал Лужков. – Я надеюсь, что у Анатолия Борисовича... нашего молодого... «большевизана», как определил его недавно господин Бжезинский, не возникнут... вдруг... какие-то паллиативы... в таком ключевом вопросе, как приватизация...

Чубайс делал вид, что он уткнулся в документы, но вообще-то Чубайс нервничал, смотрел в бумаги и – ничего не видел. Сейчас Ельцин отнял у Чубайса Москву. Что дальше? А если он всю приватизацию отдаст губернаторам? Местному самоуправлению?

Если бы Ельцин мог, он бы, конечно, отмахнулся и от этого совещания, но вопрос ведь важнейший: предварительные итоги ваучерной приватизации.

– Начну с того, – продолжал Лужков, – что весь шестой этаж здания Госимущества занимают сегодня американские советники. Срочно прибыли в огромном количестве. 32 консультанта. И при каждом – еще по штабу консультантов. – Здесь есть от чего опешить, товарищи! Советники Анатолия Борисовича – сплошь профессиональные разведчики. Но именно они составляют и корректируют сейчас списки тех российских заводов, которые по ускоренным схемам вот-вот уйдут в частные руки. И предлагают... различные приватизационные инициативы...

Поднялся Шумейко. В отсутствии Гайдара, четвертый день не выходявшего из ЦКБ, именно Шумейко отвечал за правительство.

– Прошу прощения, Борис Николаевич! У нас есть контрразведка, господин Баранников. Правительство не имеет оперативного аппарата.

Удивительно, конечно, но Баранникова на совещание не пригласили. Почему-то считалось, что приватизация – не его вопрос.

– Иностранцы консультанты, – наступал Лужков, – раньше всех получают сегодня информацию, где и на каких условиях у нас проходят аукционы по продаже госимущества. Это становится тревожным явлением... ибо в любой стране мира доступ иностранных специалистов к такой информации жестко ограничен, а возможности консультантов сужены! – И не могу понять, – горячился Лужков, – почему, товарищи, мы ведем себя сейчас как самые большие идиоты ты в мире? Называю... – он поднял к глазам приготовленный листочек, – имена: господин Бойл, координатор проекта, чин Бойла в ЦРУ равен званию генерал-лейтенанта. Господа Христофер, Шаробель, Аккерман, Фишер... – Живут, Борис Николаевич, в наших лучших гостиницах, постоянно встречаются с Чубайсом, Нечаевым, но чаще всего с господином Авеном. Я... – Лужков перехватил тревожный взгляд Авена, – ...правильно говорю, Петр Олегович?

– Абсолютно, – кивнул Авен. – И мы, Юрий Михайлове, этим негодьям еще и доллары платим.

– Зачем? – опешил Ельцин.

– За консультации, Борис Николаевич.

– Разведчикам?

– Им! Но они, Борис Николаевич, еще при Горбачеве все у нас разведали...

В этом правительстве Авен, похоже, был самый образованный. Он любил немецких романтиков, Тика и Вакенродера, хорошо разбирался в живописи и был ужасно доволен собой, потому как жил сейчас на бывшей даче Алексея Толстого, в том доме, где родился «Петр Первый»: он забрал ее за бесценок.

– Продав, товарищи, в 1992-м 46 815 предприятий, – продолжал Лужков, – Госкомимущество принесло в казну государства менее одного миллиарда долларов. Вот ключевая цифра в наших рассуждениях. Выходит, что любой американский миллиардер... всего за миллиард... мог бы купить почти 50 тысяч наших заводов?

Лужкову никто не ответил. И – не собирался отвечать: Чубайс уткнулся в бумаги, а Шумейко любовался своими ногтями.

...Прежний хозяин города, его мэр Гавриил Попов совершенно не был хозяином: его дело – сочинять книги, – а руководить Москвой – это искусство.

Попов сделал одно дело: он сохранил в Моссовете Лужкова и Ресина, руководителя стройкомплекса, хотя Сергей Станкевич, яркий молодой демократ, правая рука Попова сразу предложил Гавриилу Харитоновичу разделаться с «контрой».

Станкевич был уверен, что свободная жизнь начинается только там, где есть такие люди, как он.

– Ты в стройке что-нибудь варишь? – допытывался Попов.

– А, бросьте – отмахивался Станкевич. – Я быстро учусь!

Он не сомневался, что может возглавить все, что угодно.

Станкевич ревновал к Попову. Весной 91-го Моссовет проголосовал, чтобы мэром стал Станкевич, а Попов был вторым. Но Борис Николаевич дрогнул, испугался, и Станкевич *подвинулся*: мэром стал Попов, а Станкевич стал при нем идеологом.¹⁷

В совершенстве владея «шефологией», Попов ждал, что Ельцин вот-вот назначит его министром иностранных дел. Он каждый день писал Бурбулису записки по международным вопросам, приводил к нему в кабинет разных влиятельных американцев, но министром стал Козырев.

Промучившись на посту мэра еще полгода, Попов ушел, прихватив себе («на старость») комплекс зданий на Ленинградском проспекте и дачу Брежнева в Заречье.

Он бы и раньше ушел, но на дачу Леонида Ильича претендовал Гайдар, поэтому вопрос решился не сразу.

В июне 91-го, еще при Попове, на очистных сооружениях в Курьяново произошла чудовищная авария: две тысячи кубометров фекалий только чудом не промчались – гордым потоком – по городским улицам и площадям.

«Москве нужны рыцари», – кричал на митингах Станкевич.

«Москве нужны хозяйственники», – отрезал Ельцин и поставил на город Лужкова.

Были и другие кандидаты: из Лондона примчался диссидент Буковский и предложил на пост мэра себя. Потом возникла Старовойтова, но она уже порядком надоела, и Ельцин выбрал Лужкова: грязный, запущенный город, скверно освещенные улицы (в самом центре Москвы, на Сретенке на головы прохожих падали не только сосульки, но и кирпичи), на Тверской – проститутки, бомжи и даже прокаженные... – Москва, вся Москва оказалась – вдруг – как один большой «Черкизон».

ЖКХ и сфера быта, магазины и магазинчики, палатки, стадионы, ставшие вещевыми рынками, кладбища, – криминал жестко разделил столицу на сферы своего влияния. Когда Вячеслав Иваньков (он же – знаменитый Япончик) вышел из тюрьмы, он Москву не узнал. Откуда здесь столько воров? Старых авторитетов (дед Хасан, например) мало кто слушает, у каждой банды – свои законы, значит, войны, кровь неизбежны...¹⁸

В апреле 92-го столовая в Моссовете закрылась из-за отсутствия в Москве продуктов.

Сподвижники Гайдара, господы Филиппов и Киселев из питерского клуба «Перестройка», протасили (добившись поддержки у Президента) закон о свободной торговле.

Его суть: магазины, как это всегда было, получают товары – по фиксированной цене. А торговать этими товарами магазинам разрешено – закон! – по свободным ценам: кто как хочет, так и продает.

Стране нужны богатые люди. Подняться можно только на спекуляции. Если товар не продается, значит цена упадет сама по себе – это рынок, Борис Николаевич!

Ничего не понимая в экономике, Ельцин верил всему, что говорили те, кого он считал экономистами...

Цены взметнулись. Особенно на сигареты и алкоголь.

В мае в Москве произошел «табачный бунт». Станкевич сбился с ног, успокаивая людей, собравшихся на площадях, а Попов доложил Ельцину: еще неделя (курить нечего!), и народ снесет Кремль....

¹⁷ Попов чувствовал: Президент им брезгует. 19 августа 1991-го, вечером, все руководители России спустились в бункер под цоколем Белого дома. Гекачеписты так и не решились на штурм. Да и кто бы решился: Янаев? Крючков? Павлов? Лукьянов? Бакланов? Там, на площади, безоружные защитники: единственное оружие этих людей-они сами. А здесь, в бункере, много водки, коньяка, накрыты столы, работает телевизор. Гавриил Харитонович напился – от страха, наверное, – так, что прямо здесь же, при всех, обмочился. Потом подполз к Ельцину (ходить он не мог), умоляя дать ему охрану и отпустить его домой. Отпустили. Чтoб не вонял.

¹⁸ В 1992 году было зафиксировано 2,5 тысячи убийств, связанных с приватизацией. О «правах» на столицу заявляют все кому не лень: тамбовская, курганская, подольская группировки, «дальневосточный общак», рязанские СЛЮны...

– Американцы, – напирал Лужков, – имеют сегодня полный и абсолютный контроль над Западно-Сибирским металлургическим комбинатом, где оборонный заказ составляет почти 70 %, Волжским трубным заводом, Орско-Халиловским металлургическим и Нижнетагильским комбинатом имени Ленина с его новыми танками, хотя таких бронемашин нет больше ни у кого в мире. Более того: в режиме эквilibристики Соединенные Штаты захватили... а это, товарищи, был именно захват... завод «Авиадвигатель» с его уникальным КБ. Потом, через месяц, американцы зашли на знаменитые «Пермские моторы», таким образом мы, Россия, уже потеряли лидеров нашего двигателестроения.

Лужков достал платок и вытер со лба пот. Он ведь – молодой мэр, он никогда не волновался так, как сейчас.

– Предполагаю, что «Авиадвигатель» и «Пермские моторы» будут уничтожены в самое ближайшее время, товарищи! Как конкуренты «боингам» и «аэрбассам».

Ельцин насторожился:

– У вас... точные сведения?

– Абсолютно. Живет же, Борис Николаевич, легенда, что во время Второй мировой знаменитый «Стейнвей» заплатил огромные деньги американским летчикам, чтобы они своими бомбами стерли с лица земли заводы «Бехштейна» – конкурента «Стейнвея» в производстве роялей на мировом рынке!

Ельцин ничего не ответил, но покачал головой: – Вот как...

– Через подставных лиц, – продолжал Лужков, – американцы вот-вот получают блокирующие пакеты акций ОАО «АНТК Туполева», саратовского ОАО «Сигнал»... – Это ли не чудеса?

И опять Ельцин не ответил – ни слова.

Каждый свой доклад Лужков выстраивал всегда так, как будто он шел сейчас в бой. Его друг, тренер Гомельский говорил, что в любом турнире он готовит свою команду не к игре, а к сражению. – В бою какое самое уязвимое место? Лужков знал: давление на фланги. Так в тройке лошадей: пристяжные давят на коренника, центральную лошадь, но коренник – уже не может сместиться, так заложена тройка, так подобраны лошади, поэтому коренник идет вперед, только вперед, какой бы – извилистой и лесистой – ни была его дорога.

Так и доклад. Центральная линия: ничего лишнего. Ну а фланги – это всего лишь фланги; при ударах по флангам коренник все равно идет вперед и обязательно доходит до цели...

– Я хотел бы, – горячился Лужков, – усилить необходимость безотлагательного решения всех этих вопросов. Компания Nik and Si Corporation *уже* скупил акции 19 ведущих российских предприятий оборонно-промышленного комплекса. В том числе – и нашего «Знамени»! – У нас все в порядке с головой, товарищи? А? Допуск американцев к нашим нефтяным и газовым трубопроводам, к ядерным хранилищам, к центру Харитона в Нижегородской области и другим важнейшим объектам страны сегодня мощно и профессионально организован. У моего заместителя в мэрии Москвы по экономике нет допуска даже к секретам второй категории, не говоря уже о секретах высшей государственной важности. А у руководителя американских консультантов Шаробеля – есть! Они вот-вот доберутся до стратегического полигона в Климовске, до «Маяка» на Урале... – такая... такая, Борис Николаевич... совершенно ненормальная ситуация создана сейчас повсюду. Но я считаю, что эта... картина... преподносится Президенту в облегченном виде...

– А где Грачев? – вдруг оборвал его Ельцин. – Почему здесь нет министра обороны?

– Грачев в Армении, – напомнил кто-то.

– Где-е?... – удивился Ельцин. – Ключевой разговор, понимать, а он... где?

– В Армении...

– И шта-а... он там делает?

Шумейко пошутил:

– Военная тайна, Борис Николаевич...

Шумейко любил шутить.

– Началась приватизация алюминиевых заводов, – продолжал, прерывая молчание, Лужков. – Хочу напомнить коллегам повесть Распутина «Прощание с Матерой». В 70-х гигантские площади Сибири были затоплены с единственной целью – получить электричество для выработки стратегического алюминия. Так вот, товарищи: сегодня собственником КРАЗа, крупнейшего в Азии, стал некто Анатолий Шалунин. Бывший учитель физкультуры из городка Назарово.

– Кто? – не понял Шумейко.

– Учитель физкультуры.

– Говорят, что Владимир Филиппович – талантливый парень, – Лужков медленно повернулся к Шумейко. – Я не знаю, талантливый он или очень талантливый и в чем его талант. У меня вопрос: а допуск к гостайне у учителя физкультуры есть? И самое главное, квалификация... необходимая для руководства гигантом с большим количеством очень опасных производств? Там, товарищи, если вдруг происходят какие-то радикальные изменения в технологии, все эти установки и сами могут мгновенно стать объектом взрыва; я руководил «Химавтоматикой» в Северодонецке и знаю...

Чубайс поднял голову:

– Рынок повсюду, Юрий Михайлович, находит сегодня талантливых людей, – насмешливо возразил он. – Среди учителей физкультуры в том числе...

– Спасибо за пояснения, – разозлился Лужков. – Только где гарантия, товарищи, что КРАЗ с его горячими цехами не взлетит у этих физкультурников на воздух?

Пот, выступивший на лбу, Лужков вытирал грубо, по-мужицки, не думая о приличиях, – ладонью.

«Сколько людей за столом – и все молчат», – подумал он.

Даже Чубайс молчит, снова углубился в свои бумажки... это такой вид бойкота, что ли, а была б его воля, Чубайс просто вышел бы из зала, вот и весь его ответ, сказать, похоже, нечего, иначе что ж он молчит?..

Лужков собрался с мыслями и снова заговорил в полный голос, не сомневаясь, что Ельцин за этот доклад уже сегодня отправит его в отставку.

54

– Запрос по Красноярску, Денис, лично от генерала идет... – сегодня Иван Данилович с самого утра был не в духе, видно, спал плохо, все его раздражало, Денис тоже раздражал, но вопрос серьезный, поэтому Иван Данилович держался как мог.

Мат родился у полковника Шухова на лету. Из атмосферы. Сам он мат свой не запомнил, и никто не запомнил, как Иван Данилович ругался; в такие минуты всем было не до того.

Жаль: когда у Петра Великого, самодержца Всероссийского, случался «загиб», придворные, кто-то из офицеров, тут же записывали для себя грандиозные изречения самодержца: «... махоня шелудивая, курвенный долдон, шентя затертая, ябно осклизлое...» – и т. д., и т. д.

А за Иваном Даниловичем никто не записывал. (Да и кто посмел бы?) Вот и терялась русская речь – рождалась и умирала, как искорка от костра...

– В Красноярске, лапуля, генерал всех на характер брал, – продолжал Иван Данилович. – Думал – фарт ему выйдет, а получил, лапуля, полный отсосиновик.

Мениханов молчал.

В кабинете Ивана Даниловича все его подчиненные больше слушали, чем говорили. На рабочем столе Ивана Даниловича красовалась табличка: «Слушай внимательно, говори коротко, уходи быстро».

Так и было...

– Изменилась, изменилась Сибирь-матушка! – Иван Данилович встал и прошелся по кабинету. – Самым, лапуля, сучьим образом изменилась! И быстро как: человек, майор, падает быстро, на раз. А поднимается медленно, кривые спины быстро не распрямляются, – моя мысль ясна?

Из ящика стола Иван Данилович достал какие-то листочки и аккуратно разложил их перед собой.

– Это раньше братки мутные были. Сейчас, лапуля, ты им «дурашку» уже не воткнешь, они, сука, адвокатурой обложились и газеты читают...

Иван Данилович закашлялся. Да так, что его защецья ходили волнами. Он взял графин с водой, но вода в нем была серо-зеленого цвета.

– Кувшинки вот-вот прорастут, – пробормотал он.

...Служебный разговор полковника Ивана Шухова и майора Дениса Мениханова был, на самом деле, совершенно служебным: Иван Данилович не имел семьи, родственники поумирали, поговорить ему было не с кем.

– По всем мастям, лапуля, эти парни в Красноярске родного для себя губер поставят. Как Наздратенко в Приморье. Выскочит какой-нибудь черт... мутной воды, и попрет на нас, лапуля, огромное, героическое мафиозное целое...

Иван Данилович пришел в московскую милицию в 51-м. В разгар голода.

Голод был повсюду, даже в Москве. Фронтовик с тремя ранениями получал инвалидность первой группы. Таких людей на работу не брали, даже в сторожа. Логика простая и безжалостная: какой это, к черту, работник, если у него – первая группа, на одних больничных вместе со всей страной разоришься!

Путь на тот свет был заказан. Или на тот свет, или – в банду, то есть тоже на тот свет, но, если повезет, не сразу.

Фронтовики уходили в так называемые «сучьи банды». Тоже к бывшим фронтовикам, а до войны – судимым уголовникам, переброшенным из концлагерей в штрафбаты, на фронт.

В окопах «штрафников» не щадили, и они себя не щадили: советские бандиты, «соколы» уголовного мира, не имели привычки жалеть себя. Мало кто из них собирался жить в СССР долго и счастливо – настоящий бандит всегда готов к смерти.

А после победы, на «гражданке», многие, очень многие «штрафники» принялись за прежнее ремесло: в «сучьи банды» ушли *десятки тысяч* фронтовиков, многие из них стали легендами воровского мира – Павленко, Натко (погоняло – Октан), Соколов, Дунаев, Торопов...

– Эти, лапуля, «медведем карябанные», – продолжал Иван Данилович, – тех ментов, кто в Красноярске без подкопа жил, мигом к Богу на постоянку – отправили.

37 бойцов... – прикинь, опер!

– Да в курсе я, в курсе... – поморщился Денис.

– А те, кто выжил, те на измене стоят, с такими в разведку идти – как п...ой мух ловить, – моя мысль ясна?

Отвратительный был у Ивана Даниловича кашель, на разрыв. Все знали, даже первогодки: в 83-м бандит Ванька Сыч прострелил Ивану Даниловичу легкое. Уже тогда, в 83-м, Шухов был трижды заслуженный и дважды почетный, но орден у Ивана Даниловича имелся только один, хотя и боевой: орден Красной Звезды.

Так вот, Ванька Сыч: закатали его за покушение на Шухова в Соликамск, в знаменитый «Белый лебедь», где сидят только те, у кого пожизненное.

Единственное «развлечение» в «Белом лебеде» – это чья-то смерть [ночью, в бараке зэки спали в наручниках; в «Белом лебеде» все делалось для того, чтобы осужденные умирали как можно быстрее).

– Ну и вы...е, шершавые, как мухи на стекле. Когда Гайдар, лапуля, ласты сложит, вся эта чморота охапками будет цветовеники на его могилку таскать – вот увидишь! Точь-в-точь как Соньке Золотой Ручке: ей же, падле волосатой, шершавые в холмик до сих пор записочки тычут!

Руки у глыбобл...ых стальные, наручники их хорошо закалили. Знаешь, что такое брак? Объясню, лапуля, научно: сначала между парнем и девушкой начинается что-то вроде химии, и химия быстро переходит в анатомию. Затем – в физиологию и репродуктивную биологию. Дальше домоводство, тапочки, тахта... потом – элементы физической культуры, приводящие обычно к физическому бескультурью. Ну а потом – гражданское право... если есть что делить...

Денис засмеялся. Он любил, когда Шухов шутит.

– Я генерала, опер, уважить хочу, – признался, наконец, Иван Данилович. – Да и Рушайло просит... я-то, лапу-ля, свое отжил, а тебе шакалье это, я о Рушайло, ой как еще пригодится!..

– Да уж, Владимир Борисович...

– ... подхвостье дьяволиное, – махнул рукой Иван Данилович. – Ему 40, а уже генерал, с высунутым языком живет, сука... по-другому сейчас нельзя...

Настроение Шухова заметно улучшилось.

– Дворники там... вроде поймали кого?

– Так точно. Капитан Окаемов.

– Докладывай! Ты его видел? Бомжа этого?

– Говно, а не бомж, товарищ полковник.

– Уха из петуха?

– Но подработаем, если что...

– А зачем нам говно? – вдруг спросил Шухов.

– Так других пока нет... – развел руками Денис. – Я имею в виду красноярских...

Шухов задумался, походил по кабинету

– Алжирский раб нужен, короче говоря, – подвел черту Иван Данилович. – И чтоб, сука, приговор с улыбкой взял...

– Да где это видано, чтоб приговор – и с улыбкой?.. – удивился Денис.

– А ты постарайся, опер. Хоть что-нибудь сделай с душой!

Любая задача, поставленная полковником Шуховым, воспринималась в управлении как директива товарища Сталина.

– Алжирский раб, – повторил Иван Данилович. – И достоверный, бл! С хмурой харей – как у Леонова в «Джентльменах удачи», иначе генерал нас не поймет. Чтобы сам, шмакодявка, рвался бы туда, где живую п... еще лет сто не увидишь...

– Слушаюсь! – вскочил Денис.

– Сиди. Чего вскочил?..

– Работа ждет, Иван Данилович!

– Работа не жид, лапуля, в Израиль не убежит. Сиди, говорю, я еще не все сказал...

...Вообще-то держался Денис молодцом: этой ночью он почти не спал, играл до утра в казино и ушел домой с прикупом – удалось поднять две тысячи долларов.

– Зато у нашего х...еляги, товарищ полковник, фамилия подходящая, – вспомнил Денис. – Иванов. Егор Иванов.

Шухов остановился.

– Да?

– Так точно.

– С такой фамилией, лапуля, в России Президент должен быть, – кивнул Иван Данилович. – Ну и что бомж? Дергается?

– Утром семечек попросил.

– Семечек?

– Ага... – широко улыбнулся Денис.

– Раз семечек, лапуля, значит убийца.

– Почему, товарищ полковник?

– А убийцы... они все со странностями...

Там, за окном, минус двадцать пять, наверное... Как же хочется на свежий воздух, Господи! В снежки б поиграть, окунуться бы в сугроб с головой, побегать бы по снегу, как в детстве, чтобы ноги сразу стали мокрые!

Денис любил лето, а зиму совсем не любил. А еще хорошо бы сейчас пива разливного, еще лучше – «Моет Шандрн», чтоб пузырьки виноградные... сами бы летели в голову...

Денис встал.

– Бомжа подработаем, товарищ полковник! Будет у меня, бл, как... черепашка-чебурашка...

– Вот он, лапуля, там угорает... раз семечек просит! – засмеялся Иван Данилович. – Хочешь, анекдот расскажу?

Челябинские мужики нашли черепаху, которая прожила триста лет. Сколько бы еще прожила эта елупень, если бы ее не нашли челябинские мужики?..

Смеяться Иван Данилович не умел, вместо смеха у него были какие-то странные звуки: к-хы, к-хы, к-хы...

Как пилой по железу.

Когда Шухов шутил, в кабинете становилось поспокойнее. – Грех, грех обижаться Денису на Ивана Даниловича: по жизни он был его главным учителем.

Встретились они десять лет назад. Шухов только что вернулся тогда из Карловых Вар, «новобранцев» еще не видел, разгребал текучку. И вдруг в коридоре, у окна, он сталкивается с высоким, надменным лейтенантом... уголки его тонких, презрительных губ небрежно спускались к подбородку, а черные, с густой поволокой глаза насмешничали над каждым, кто проходил мимо...

Паралич милосердия в этих глазах. Хороший будет мент!

Как-то раз «следаки» из отдела Дениса накрыли притон у Белорусского вокзала. Воры держали здесь девочек, пили, дулись в карты, баловались анашой (при советской вла-

сти «травка» была фантастической редкостью, и Высоцкий, кстати, пробовал «травку» в... Париже, сын Марины Влади был наркоманом). – Здесь же, в притоне, бандиты назначали «стрелки», хотя «стрелки» проводятся обычно на «нейтральной полосе»...

Всех девушек, пойманных в притоне, полагалось тут же доставить в отделение, но Денис не удержался: он охобочил всех троих, причем одну из шлюх – в «зловещей и издевательской форме» (как заявила она потом милиционерскому начальству).

Проститутки тогда тоже были редкостью.

«Так это ж не он, воропень вертож...ый... отбалдырил требух, это они его отбалдырили... – объяснил Иван Данилович генералу, спасая Дениса от уголовной статьи. – Налетели, сука, и отбалдырили, вон Денис... красавец какой...»

Ему-то Иван Данилович сразу в морду съездил, но Денис так упоительно рассказывал о девичьих трусиках со специальной дырочкой между ног (из Парижа привезли!), что Шухов тоже не удержался: кого-то из гражданок привели к нему прямо в кабинет...

В другой раз Денис сам съездил в ухо одному австралийцу. И опять его спас Иван Данилович, хотя ситуация была чудовищная.

...Тихий, приятный, ухоженный австралиец, овцевод. Как-то утром он зашел в «Арагви» – позавтракать.

К овцеводу тут же подсел местный карманник.

– Вишь, брат, какой у меня бумажник? – и он вытащил из кармана толстый кошелек. – А у тебя какой?

Овцевод улыбнулся и тоже достал свое портмоне, набитое долларами.

– Хороший... – обрадовался карманник. Он поднялся, забрал оба бумажника и спокойно вышел на улицу.

Овцевод долго ждал, когда же наконец вернется его новый знакомый, потом все-таки сообразил, что его ограбили, и вызвал милицию.

Денис только что заступил на сутки. Он составил протокол, лениво посоветовал «большому другу нашей страны» вести себя в Москве поосторожнее и уехал в отделение. Вечером, в двенадцатом часу, Дениса срочно вызывают в медпункт гостиницы «Националь». – Тот же австралиец! С горя он привел в номер проститутку, девушка сразу опоила его клофелином и унесла все его вещи, вот только фотоаппарат не влез в ее сумку.

Денис опять составил протокол, опять порекомендовал «большому другу нашей страны» быть в Москве поаккуратнее и уехал в отдел.

В семь утра – новый вызов. Опять «Националь»). Денис как чувствовал: овцевод!

Рано утром, когда он спустился в холл сделать «чек-аут» и покинуть наконец гостеприимную Москву, к нему подошел какой-то мужчина:

– Помогите бедному человеку, господин! Я три дня не ел. Давайте я сфотографирую вас вашей камерой, а вы дадите мне за это один доллар.

Овцевод – как загипнотизированный – протянул голодному москвичу свой фотоаппарат и отошел к кадке с пальмой, чтобы снимок получился эффектным. А обернувшись, увидел, что холл гостиницы совершенно пуст: голодный москвич исчез... вместе с камерой...

Не стал Денис составлять протокол. Он взял «большого друга нашей страны» за руку, вывел «друга» на лестницу и так засадил ему в физиономию, что австралиец долго-долго катился по лестнице и очнулся в гардеробе, внизу, у женского туалета...

[На самолет, кстати, он тоже опоздал. Целые сутки овцевод тихо голодал на лавочке в Шереметьево, ждал следующего рейса, но кто-то из пассажиров сжалился над ним и угостил овцевода фирменным советским пирожком – с повидлом!]

– О Красноярске, Иван Данилович, я слышан, – вздохнул Денис. – Там у меня товарищ... по Омской школе... знаю, какие пляски... начались...

– Круче половецких, слушай, – согласился Шухов, закурив папиросу. Он достал из кармана мятый листочек бумаги, зачеркнул цифру «7» и написал на бумаге: «8». Иван Данилович каждый день подсчитывал выкуренные папиросы – неизвестно зачем.

Шухов опять прошелся по кабинету.

– У Касьяна Голейзовского половецкие пляски, где танцуют все как один человек, – гениальная вещь, но это, лапуля, танец педерастов. Ты обязательно сходи на «Князя Игоря», опер! Не ровен час, подменят Александра Порфирьевича каким-нибудь фуфлоганом... чтобы театру подешевле было...

Иван Данилович дружил с дирижером Небольсиным и певицей Шпиллер, – Наталья Дмитриевна была любимой женщиной Сталина, это почти не скрывалось, но о Сталине она говорила редко, хотя однажды обмолвилась, что в гостиной у Сталина висел портрет Василия Качалова.

Интересно, Качалов знал об этом?

– Прикажете, значит, пойду, – вздохнул Денис. – А без приказа – нет, не пойду: я теперь о жизни больше всех ваших театров знаю; за такой жизнью, как наша, никакие театры уже не угонятся, поэтому мне в театре скучно.

– Да уж... – согласился Иван Данилович, потушив сигарету. – А пьески – «кашель и пердеж – ничего не разберешь»!

Он удобно устроился в кресле и вытянул ноги, настроившись на серьезный разговор.

– Или Островский...

– Что Островский? – не понял Иван Данилович.

– Истинно русский писатель, – напомнил Денис.

– Ну?..

– Так у него в пьесах одни козлы, товарищ полковник. Купцы особенно.

Накануне по телевизору шла дискуссия театроведов о русском характере. Кто-то из них назвал Островского «певцом русского дебилизма». Денису очень хотелось блеснуть красивой фразой.

– Это Катерина, по-твоему, идиотка? – взревел Иван Данилович. – Лариса в «Бесприданнице»? Ты с Никитой фильм-то глядел?

– Еще как глядел, – обиделся Денис. – В оба глаза глядел. Сначала она духами ссыт, а потом, товарищ полковник, под пули лезет, если Михалков... не наврал там чего...

– Не Михалков, а Рязанов, – поправил Шухов.

– Какая разница?

Шухов встал и опять прошелся по кабинету.

– Послушай, лапуля! – назидательно сказал он. – Когда немцы Орел взяли, всех местных погнали на работу в Германию. Так вот: те орловские девки, кто не замужем был, на 99 %, опер, оказались девственницы.

– Целка, Иван Данилович, здоровья не прибавляет! Я не встречал пока ни одной бабы, чтоб искренне жалела, что рано дала...

– Так не с теми общаешься, опер! – засмеялся Шухов. – Ладно, давай их к блюду курвяжному прямо в яслях склонять! И будет у нас... пышущая здоровьем страна! А если дети по малолетству со своими чувствами не справятся, как Джульетта в Вероне, да и черт с ними, с детьми, естественный отбор!

Денис часто бывал в казино на Новом Арбате и даже имел здесь золотую карточку.

Странный, странный мир – столичные казино! Напряженный, улыбочиво-кривой, злобный... – бал воров, кто с этим спорит, но ведь бал!

Кто сильнее, человек или деньги? Кто сильнее, человек или атомная бомба?

Девки с лентами у широких стеклянных дверей, элегантные официанты с шампанским и таралетками, приятный сигарный дым, бриллианты, богатые женщины в вечерних туалетах,

проститутки на любой вкус, хотя и дорогие, твари, а главное – с поразительно искаженными представлениями о честности...

Бал воров... – что же, пусть этот бал будет и его, майора Мениханова, праздником! Ведь любой мент, даже если его карманы битком набиты нетрудовыми доходами, чувствует себя в казино как Наташа Ростова на первом балу! – Когда пластмассовый шарик, запущенный равнодушной рукой крупье, скачет из клеточки в клеточку, издеваясь (пляска смерти!) над всеми, кто склонился сейчас над игорным столом... – да, в такие минуты Денис чувствовал: здесь, в казино, решается его судьба. Прорвется ли он, майор Мениханов, в шикарное русское будущее, к настоящим деньгам (Денис не сомневался, что Россию ждет шикарное будущее) или он застрянет на полпути к вершине?

Те, кто сейчас в «Арбате» проводит все ночи напролет, это *каста*. Новые хозяева жизни. Многие – да просто бандиты, но бандиты, а не какие-нибудь суки ценные, есть же разница, черт возьми!

Прыг-скок, прыг-скок... – Денис *наслаждался* тем, как вздрючены сейчас его нервы, как играет, пенится его кровь...

Кайф, спасибо тебе! Игра, кто тебя придумал, скажи?!

Деньги – это кровь. Без денег он, Денис Мениханов, обескровлен...

На Новом Арбате часто бывала и Алла Борисовна. Примадонна уже в годах, хотя одевается как девочка (вот только бантиков не хватает). Назло всем богатым теткам, да? – Тянет, тянет Аллу Борисовну к картам: в своих высших проявлениях игра затрагивает те же струны души, что и смерть; любая песня Аллы Борисовны – сконденсированная драма и игра для нее тоже как драма.

В прошлый понедельник Денис осмелился подойти к Алле Борисовне, но она с ходу буркнула что-то грубое, смерив Дениса презрительным взглядом. Ему стало так противно, будто он в штаны нагадил. Но и примадонну можно понять: ей хочется отдохнуть, она в казино не за деньгами приезжает, не за победой...

Франсуаза Саган принимала кокаин и гнала от себя всех, кто пытался ее остановить: «Почему эти люди мешают мне умереть?!»

Подражая Денису, в «Арбат» потянулся и весь их отдел: там, наверху, были номера с сауной и эротическим массажем, красивые проститутки (даже не проститутки – просто какие-то твари ненасытные), – а то, что ментовский хлеб сейчас очень тяжел, что ж... вон, бомжи на улицах сейчас даже карманников потеснили, карманники в легальный бизнес ушли, а бомжей становится все больше и больше...

Денис вытянулся:

– Разрешите идти, товарищ полковник? По Красноярску задачу понял, чтобы у них там у всех... повылазило!

– Чтобы у них повылазило, теперь есть ты, майор... – назидательно произнес Шухов.

Он снова достал папиросу, снова зачеркнул цифру и поставил новую.

Вся его пепельница была в окурках, поэтому Иван Данилович пододвинул ногой корзинку с бумагами и стряхивал пепел прямо туда.

Денис чувствовал, сейчас Шухов скажет что-то важное.

– Объясни, опер, – тихо начал Шухов, – мы же с тобой правильно все понимаем, – верно? Народ наш... тоже не дурак и все видит как есть. Почему тогда этих... в заднице зачатых, сейчас... с каждым днем все больше и больше? Они ж через выборы... демократические... любую власть в свои руки возьмут. Согласен со мной? – Чего мы ждем? Когда они нас с тобой быдлом сделают? Революция произошла... совсем не культурная... ведь дальше... вместо детей... будут повсюду только их дети...

– Если у них – все, значит у нас – все остальное... – согласился Денис. – А большинство наших граждан как бы сошли с ума. В очко долбятся, извиняюсь за выражение!

– Поэтому, опер, я нас – всех-понять не могу! Если и дальше будет так, как сейчас, сколько народу из России свалит, – ты в курсе? Я думаю: миллионов двенадцать, не меньше...

– Офигеть.

– В Гражданскую, когда бежала интеллигенция, 2,5 миллиона. И все уже тогда в один голос орало: «Величайшая трагедия! Россия теряет генофонд!..» А тут – 12 миллионов. Это как?!

Денис хотел отшутиться, но сказал вдруг очень честно:

– Все равно, товарищ полковник, я воевать пока не хочу, – признался он. – Пока молод – не хочу! Я сейчас удачу ищу. И мне фиолетово... Чубайс там... не Чубайс...

– А вот я когда-нибудь его пристрелю, – зевнул Шухов. – Вот увидишь, лапуля... я – воюющая сторона.

Денис шутливо вытянулся «по струнке»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.